

кабинетный учёный
[kʌbɪn'etnyɪ utʃ'ɔ:nyɪ]
armchair-scientist.ru

Леонид Волков
Федор Крашенинников

ОБЛАЧНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Предисловие Алексея Навального

*Издание 2-е,
переработанное и дополненное*

КАБИНЕТНЫЙ УЧЕНЫЙ
Москва • Екатеринбург
2013

УДК 342.57
ББК 66.7

Предисловие Алексея Навального

Волков, Леонид; Крашенинников, Федор
В67 Облачная демократия / Л. Волков, Ф. Крашенинников;
Предисл. А. Навальный. — Изд. 2-е, перераб. и доп. —
М., Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2013. — 240 с.

ISBN 978-5-7525-2892-7

«Облачная демократия» — концепция прямой интернет-демократии, которая радикально изменит не только привычные политические практики, но и все сферы жизни общества. Прямая демократия в новых условиях — как это возможно? Что будет с политикой, нациями и государствами?

ISBN 978-5-7525-2892-7

Книга публикуется на условиях лицензии Creative Commons 3.0 Attribution Share Alike (creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0/deed.ru).

Оглавление

- Алексей Навальный. Предисловие к «Облачной демократии» 7
Благодарности 9
Предисловие ко второму изданию 11
Post nubila sol 13
Предисловие. О целях книги 15

I ДЕМОКРАТИЯ

1. Демократия и единовластие 18
2. Демократия: прямая и представительная 26
3. Государство и демократия 35
4. Условность нормы 44
5. Еще немного истории 51
6. Проблемы аппроксимации 55

II ТЕХНОЛОГИИ

7. Демократия в эпоху современных технологий 62
8. Модели самоорганизации 73
9. Сетевые структуры и смена парадигм 80
10. Электронная подпись 88

III БУДУЩЕЕ

11. Что такое облачная демократия? 96
12. Облачная демократия: основные идеи 102
13. Принудительная честность 113
14. Подвижность выбора 122
15. Делегирование и экспертные группы 127

IV Практика облачной демократии

16. К чему приведет облачная демократия? 138
17. Как нам обустроить Электронную Россию? 151

18. Разработка, запуск и эволюция системы Демократия2 161
19. Немного футуризма: регионы и нации в облачной демократии 173
- Заключение 186
- Послесловие 187

Статьи

- Демократия на новом уровне 200
- Демократия: бета-версия 205
- Посредственная электронная демократия 210
- Let's Go Party 213
- Облачная демократия стала ближе 216
- Blue skies, clear thinking: Russian democracy in the Cloud 222
- Колонка в издании «Hospodářské noviny» 235
- Об авторах 239

Предисловие

Ужасно писать предисловие к бумажной книге про электронную демократию. Я бы лучше не слов написал, а поставил кучу ссылок, демонстрирующих, что Волков и Крашенинников говорят не о далёком будущем, а о том, что уже работает. Даже в России. А может и в первую очередь в России, — в том числе благодаря практическим усилиям Волкова и Крашенинникова и их миссионерской электронно-демократической деятельности.

У нас интернет стал единственной инфраструктурой, через которую можно осуществлять независимую политическую (или общественную) деятельность. Сетевое взаимодействие вполне работает — можно деньги собирать, что успешно начал делать проект РосПил собрав за два года более 20 млн рублей, а потом и все остальные; можно искать добровольцев, которых в режиме краудсорсинга покопаться в зарубежной недвижимости наших «патриотов-единороссов». На каком-то этапе взаимодействие по модели «я делаю, все остальные помогают» исчерпывает свой потенциал, и развитие связано как раз с теми процессами, которые описаны в этой книге — публика сама хочет участвовать в принятии решений. Голосовать, влиять, определять. Мы с удовольствием дадим тебе миллион рублей, говорят тебе люди, сидящие с другой стороны экрана, но хотим иметь права голоса при определении судьбы проекта. Вот таким образом и приходит к нам она — электронная демократия.

Посредники, делегаты, выборщики — это всё отмирает, ведь в 95% случаев вам надо принять решение, которое не требует какой-то специальной квалифи-

кации от участника голосования, кроме того, что называется «жизненным опытом». Вы же не собираетесь просить участников вашего сообщества ответить на вопрос о том, какая из вариантов теории струн кажется вам более убедительной. Чаще всего надо принять легитимное решение из серии «на что тратить деньги в первую очередь», «какой проект приоритетнее» или «кто будет председателем». Надо научиться с этим работать, ведь в каком-то случае результат прямого голосования — легитимный выбор, отсекающий крайние точки зрения, а в каком-то — доминирование большинства, которое просто ещё не созрело, чтобы врубиться в вашу гениальную идею.

Удивительно, что прямая электронная демократия для целей политического процесса востребована не только в России, где по понятным причинам народ просто стонет: «ну, дайте уже проголосовать хоть на каких-нибудь честных выборах», а и, например, в Италии, где совсем недавно Джузеппе Грилло — бывший комик, подавшийся в политику, крушил старый политический истеблишмент именно через прямые выборы в интернете: «голосуем за биографию, за того, кого знаем».

Если читаете эту книгу на русском языке и хотите работать с группами людей, то воспринимайте её как руководство к действию: вы удивитесь, как много готов вам дать обычный человек, если вы готовы серьёзно использовать в своей деятельности его любимое занятие — право выбирать.

*Алексей Навальный,
апрель 2013 года*

Благодарности

*Посвящается тем, кто, несмотря ни на что,
верит в прогресс и демократию*

Леонид выражает огромную благодарность своей семье — жене Нате, сыну Борису и дочери Маргарите, а также своим родителям — за поддержку и терпение в период работы над книгой и все то время, которое они позволили выделить для этого занятия в ущерб собственным интересам.

Фёдор благодарит своих родителей за любовь и поддержку и еще за то, что они активно пользуются Интернетом, — это дополнительный повод гордиться вами!

Авторы чрезвычайно благодарны директору Института философии и права УрО РАН доктору юридических наук Виктору Николаевичу Руденко за его книгу «Прямая демократия: модели правления, конституционно-правовые институты», во многом ставшую отправной точкой для их размышлений, а его заместителю, Константину Викторовичу Киселеву, — за вдумчивое прочтение рукописи и справедливые замечания, которые авторы в меру своих возможностей постарались учесть.

Авторы благодарят Алексея Навального за его воодушевляющую деятельность, а кроме того — за демонстрацию возможностей социальных сетей как средства борьбы за прозрачность и справедливость.

Авторы счастливы жить в городе Екатеринбурге. Нам очевидно, что это единственное место на карте

России, где такая книга вообще могла быть написана, единственное место, где гражданское общество и свобода мысли не являются красивыми словами, а наполнены реальным содержанием и вдохновляющей активностью тысяч неравнодушных людей.

Авторы выражают глубокую признательность своей alma mater — Уральскому государственному университету, в котором они оба провели счастливые студенческие годы и который, к прискорбью, был фактически ликвидирован в результате очередной неуклюжей реформы образования.

Авторы выражают благодарность Полине Мудровой и Наталье Бычковой за помощь в работе над книгой и Марии Скобелевой за финальную шлифовку и корректуру текста.

Предисловие ко второму изданию

Необходимость второго издания этой книги возникла сразу после выхода в свет первого, как это обычно и бывает. Перечитав текст свежееизданной книги, мы оба обнаружили массу проблемных мест и спорных моментов.

Дискуссии, которые развернулись вокруг нашего скромного сочинения, дали богатейший материал для размышлений и заставили нас еще раз задуматься о многих затронутых нами проблемах и увидеть их в новом свете.

Но самые главные критики любого текста — это жизнь и практика.

Жизнь не стояла на месте все это время, а с какого-то момента и просто понеслась вперед на всех парах — мы имеем в виду развитие общественно-политических процессов в России, и, несомненно, не прекращающийся ни на минуту технический прогресс, который неумолимо ведет все человечество к тем горизонтам, очертания которых мы увидели. Во всяком случае, нам так кажется.

Практическим упражнением стал проект Демократия2 (www.democratia2.ru), который имеет непосредственное отношение к изложенным тут идеям. Мы написали дополнительный раздел 4 (главы 17–19), описав историю его создания и те проблемы и решения, которые мы использовали.

Изменения в тексте коснулись не только этого раздела: появилась полностью новая глава 16, дополняющая теорию облачной демократии, существенно переработан весь корпус текста (особенно в разделах 2 и 3), пересмотрены в сторону большей наглядности

примеры. Мы старались сделать книгу еще более легкой для чтения и однозначно воспринимаемой, с тем, чтобы иметь возможность как можно быстрее перейти к дискуссии по существу предлагаемых нами моделей и решений, не спотыкаясь на тех или иных неоднозначностях текста.

В любой теории самое непредсказуемое — это живые, настоящие люди. Те, ради которых все и делается. То есть вы, наши дорогие читатели. И именно вы — своей критикой, своими замечаниями, своей активностью — убедили нас в том, что мы правы и что будущее за облачной демократией. Людьюми могут и должны управлять только они сами, прямо и непосредственно. Все остальные формы управления обществом обречены на гибель.

Post nubila sol

Новые технологии изменили мир бизнеса и отношений между людьми и рвутся в затхлый мир политики.

Это особенно актуально для нынешней России: граждане нашей страны активно используют все технологические возможности современности, при этом оставаясь заложниками архаичной в самой своей сути политической системы.

Главное противоречие современного мира — противоречие между прогрессивными «облачными» структурами и старомодными вертикальными конструкциями, между гибкостью новых решений и неуклюжестью старых схем.

В бизнесе вопрос о выборе пути развития не стоит: современная экономика не прощает промедления и игнорирования новых технологий. Любая компания, где бы она ни находилась — в США, Китае, Бразилии или России, неизбежно будет использовать все самое новое и технологичное, если она хочет работать на мировом рынке. Современная экономика возможна только на современных скоростях, а значит, немислима без современных технологий.

В политике, особенно российской, мы видим обратный процесс.

Вопреки мировой тенденции перераспределения властных полномочий на местный уровень и развития самоуправления нам навязывают всевластие далекого и зачастую некомпетентного «федерального центра». Вопреки всё возрастающим возможностям постоянного интерактивного общения власти с населением нам навязывают режим бесконечного монолога верховной власти и ее наместников, желающих слушать

только специально подготовленных подхалимов. Вопреки очевидным преимуществам постоянной конкурентной смены руководящих органов нам навязывают режим все более редких выборов и многолетней несменяемости правящей группировки.

Мы верим, что новые технологии восторжествуют в политике точно так же, как они восторжествовали в экономике.

Мы верим, что Россия рано или поздно пойдет именно этим путем, потому что другие варианты ведут в неизбежные тупики, из которых придется выходить по проторенным человечеством тропам.

Мы верим, что на наших глазах наступила новая эра в истории человечества — эра безграничных прямых коммуникаций, которые делают возможным существование честной, прозрачной и справедливой политической системы.

Мы верим, что наши идеи окажутся востребованными и в течение жизни нашего поколения мы все будем жить совсем по-другому.

Эта книга — для тех, кто смотрит вперед с оптимизмом или хотя бы надеждой.

Предисловие. О целях книги

Представляя вашему вниманию этот текст, мы преследуем две цели.

Во-первых, мы хотим развенчать некоторые мифы о демократии, в том числе — миф о неизбежности представительной демократии как единственно возможного способа демократического устройства общественно-политической жизни.

Во-вторых, мы предлагаем смоделировать демократию будущего — «облачную демократию», как мы ее называем. Собственно, эту цель мы считаем для себя главной.

Представительная демократия была единственной альтернативой диктатурам всех видов в течение многих сотен лет, но это не значит, что она продолжает оставаться таковой и сейчас. Эта система являет собой очень и очень грубую аппроксимацию, возникшую из-за технологических ограничений реального мира, поскольку реальный мир не столь совершенен, как мир идей. Мы хотим обосновать, что сегодня возможна другая демократия, и мы можем к ней прийти, причем в короткие сроки — 5–10 лет.

Мы также предложим конкретные механизмы переходного периода, реальные и реализуемые в современной России. Суть этих механизмов — в создании альтернативной, параллельной легитимности среди широких групп политически активных граждан на основе современных технологий электронной демократии. Эффективно функционирующая система демократического принятия решений, вовлекающая в себя сотни, тысяч или миллионы людей, сможет очень быстро подчеркнуть и сделать неизбежным окончатель-

ное банкротство традиционных, устаревших методов принятия политически значимых решений.

Мы долго дискутировали между собой по поводу формы предлагаемого вашему вниманию текста и в итоге решили, что он не будет ни научным, ни даже претендующим на научность. Мы решили написать публицистическую книгу, книгу-манифест. Потому мы решили не перегружать ни себя, ни вас ссылками, доказательствами и подборками цитат. Мы пользуемся общепринятой терминологией и пытаемся говорить на простом языке. Если какие-то из упоминаемых нами фактов вызвали желание узнать больше, то с этим легко помогут поисковые системы. У нас есть четкое видение того, каким может быть будущее новой электронной «облачной демократии», и мы хотим поделиться этим видением в наиболее простой и доходчивой форме. Наша цель — заразить вас нашими идеями, заставить спорить с нами, опровергать нас и думать о том же, о чем думаем мы.

Текст получился провокационным и местами даже скандальным, но мы искренне надеемся, что он вышел нескучным и все-таки интересным, а главное — искренним.

I

ДЕМОКРАТИЯ

1. Демократия и единовластие

Демократия — это роскошь. В качестве способа управления государством она стала доступна для людей только тогда, когда они достигли относительно высокого уровня жизни. Первым обществом, в котором демократия была институционализована, стали древнегреческие полисы, в которых был достаточно высокий для того времени уровень достатка людей, а в экономике формировалась значительная добавленная стоимость, которая позволяла содержать все демократические институты, сложившиеся в этих полисах.

Демократия требует от вовлеченных в нее слоев населения достаточно высокой образованности и широты кругозора. Людям надо все-таки подняться выше уровня своих обыденных интересов и осознать всю меру ответственности, лежащей на них.

Общеизвестно высказывание: «Демократия — это процедура». Это правда, но не вся правда. Демократия — это еще и очень дорогая и сложная процедура. Мы не можем сегодня представить себе развитую демократию без работающих на постоянной основе органов исполнительной и судебной власти, без в значительной степени профессиональных представительных органов законодательной власти. Все эти люди не сеют хлеб и не тачают сапоги, однако же очень дорого обходятся налогоплательщикам, и без них невозможно отправление всех процедур демократического общества.

Поэтому совершенно неудивительно, что небогатую и неумную часть человечества до сих пор так легко можно склонить к любым формам единовластия. Заложено ли это в каких-то очень глубоких слоях чело-

веческого мозга, сложившихся еще на заре эволюции, но бежать за самым сильным и не задумываться, почему именно туда и именно за ним, — это самая простая и понятная форма политической активности.

Поэтому монархия (во избежание длительных дискуссий мы используем здесь этот термин в максимально широком значении, имея в виду «верховную власть одного») — это политическая предшественница демократии и ее постоянный оппонент на протяжении многих веков. К сожалению, мы видим и сегодня, что спор этот все еще не окончен.

В условиях монархического устройства государственной власти все просто и понятно. Есть некий человек, монарх, который все себе забирает и затем перераспределяет — и власть, и материальные ценности. На ранних стадиях все это делает лично монарх, на более развитых вокруг него уже возникает целый аппарат. Но логика все равно остается той же: один человек всех назначает, прямо или косвенно, все сводится к его воле, и он за все отвечает перед людьми и Богом. В итоге людям приходится содержать и монарха, и всех его родственников, все его окружение, и весь необходимый для отправления властных полномочий аппарат. При всем при этом люди не имеют никакого влияния на формирование органов власти, которым должны подчиняться и которые должны финансировать.

Но, как было отмечено выше, подчинение избранной и неконтролируемой власти опирается на какие-то глубинные и иррациональные структуры человеческой психики, потому даже в наше время полным-полно обществ, руководимых самоназначенными диктатурами и диктаторами.

Поразительным образом один и тот же человек способен много и подробно разглагольствовать о дорогостоящих выборах, в результате которых к власти в очередной раз придут заведомые негодяи, и при этом в упор не видеть, что недемократическая власть обходится ему ничуть не дешевле, исправно поставляя на все уровни возмутительное количество все тех же негодяев.

Открытые и гласные демократические процедуры потому и кажутся слишком дорогостоящими, что они публичны. Люди видят выборы, читают финансовые отчеты, приходят в ужас от стоимости всего этого аппарата и по привычке начинают роптать: может, ну их, эти выборы?

Но это ловушка. При любом единовластии только расходы на содержание аппарата, прежде всего репрессивного и контролирующего, способны поразить воображение. Однако все это непублично, и потому создается видимость, что все работает как бы самостоятельно.

Но не будем идеализировать и представительную демократию. Вполне возможно, что на каком-то уровне князь способен создать гораздо более эффективную, дешевую и справедливую власть, чем выборная представительная демократия. Потому что для эффективной работы демократического механизма необходимо слишком много: ответственные избиратели, компетентные избранники, тщательные процедуры. Собственно, зачем люди это делают, зачем нужна такая весьма нетривиальная конструкция?

Есть известное выражение Вольтера: «Монархия была бы наилучшей формой правления, если бы не случайность рождения». Монарх — это человек, который получил власть по наследству и точно знает, что

передает власть своему сыну или дочери. Следовательно, ему не нужно воровать бюджетные средства — у кого воровать? У себя самого? И для чего? У него уже есть дворец, построенный еще прадедушкой. То есть ему надо власть воспринять, сохранить и передать наследнику — в соответствии с существующими законами и традициями.

Заметим кстати, что именно в законности власти главное различие между монархией и диктатурой (или, как говорили раньше, тиранией). Диктатор или автократ может опираться только на себя, свое окружение или какую-то группировку в обществе, но он прекрасно понимает, что в любое время на его месте может оказаться любой человек. В этом была трагедия Римской Империи: император был всемогущим, но никакого общепринятого порядка передачи власти не было, и в итоге она все равно доставалась сильнейшему. Потому что любой, кто становился императором, автоматически делался выше закона и мог его менять под себя. Следовательно, закон не мог являться для него гарантией его власти: можно напридумывать любые законы, но будет ли их исполнять следующий император — это был большой вопрос.

При этом у диктатора существует важная проблема — сохранение власти. Диктаторские режимы тратят колоссальные ресурсы на поддержание репрессивной структуры, что в итоге убивает весь миф о большой эффективности единовластия: это в случае легитимной монархии единовластие неоспоримо в рамках закона, а в ситуации диктатуры гарантией ее сохранности может быть только она сама. Кроме того, будучи вертикальной структурой, диктатура имеет свойство разваливаться сверху донизу очень быстро, что мы увидели

на примере Советского Союза в 1991 году: вытащили из-под него стержень в виде КПСС, и все развалилось.

Так вот, представительная демократия в этом смысле оказывается дешевле и эффективнее, потому что не требует такого огромного аппарата для поддержания самой себя, как диктатура, и содержит механизмы, предохраняющие от «случайностей рождения», столь губительных для монархий. Именно за это люди и платят, соглашаясь на представительную демократию. Еще одно важное преимущество эффективной, работающей (неимитационной) демократии заключается в том, что она способна сама себя поддерживать и самостоятельно восстанавливаться.

Что произойдет, например, если что-то случится с президентом США, вице-президентом, Сенатом, Конгрессом и всем высшим государственным аппаратом? Конечно, это будет страшнейший кризис в истории всей американской государственности, но при этом он не повлияет на простых людей, живущих во всех уголках США, таким разрушительным образом, как повлиял распад СССР на миллионы его граждан. Более того, в полном соответствии с конституцией во вполне определенные сроки произойдет полная регенерация этой власти. Почему? Потому что все мэры муниципалитетов остались на местах, власти всех штатов остались на местах, и они не связаны напрямую с ушедшей властью. В американской конституции есть поправка, кому переходит власть в случае исчезновения президента, вице-президента и т.д. Но главное — исчезновение президента США не лишит автоматически полномочий какого-то условного шерифа в Техасе или судью в Калифорнии. Шериф сам по себе, судья сам по себе: они были наделены своей властью не президентом, отсутствие президента их не делегитимизирует.

Однако если нечто подобное произойдет в Российской Федерации, то это будет катастрофа, которая поставит под вопрос само существование государства в его нынешнем виде. Почему? Потому что в условиях диктатуры и единовластия все уровни власти легитимизируются сверху, включая самого последнего участкового или чиновника в районной администрации. Этим объясняется стремительный крах монархии в 1917 году и крах СССР в 1991 году: вертикаль власти была настолько не укоренена на местах, что переворот в столице не вызывал никаких попыток вернуть ситуацию к status quo: чиновничество и репрессивный аппарат, оставшись без приказов сверху, смиренно ждали, пока какая-то любая новая верховная власть скажет им, как жить дальше.

Мы отдаем себе отчет, что в конституции у нас тоже прописаны все демократические формы, но вынуждены констатировать, что они носят чисто ритуальный характер. Если что-то случится с лидером, под которого фактически сверстана вся система власти, то придется срочно менять всю ее структуру — под нового лидера, или коллективное руководство, или что там еще может возникнуть.

За примерами далеко ходить не надо. Разберем кратко изменения идеологии верховной власти в России с конца 1990-х по наше время (притом что конституционный строй в течение всего этого времени остается неизменным).

Ельцин. В силу ряда причин, объективных и субъективных, Борис Николаевич предпочитал быть гарантом конституции и верховным арбитром, отдав значительные полномочия избранным губернаторам на местах и федеральному правительству и создав во власти пресловутую «систему сдержек и противовесов», которой тогда очень

гордились. Главным слабым звеном было игнорирование парламента: все эти ельцинские сдержки и противовесы были созданы искусственно внутри чиновничьего аппарата и исполнительной власти, и, как показывает дальнейшее развитие событий, система оказалась неэффективной.

Путин. Второй президент России посчитал себя достаточно сильным политиком, чтоб править единолично. Вся ельцинская система сдержек и противовесов была стремительно демонтирована, парламент сведен на еще более ничтожный уровень, перестав быть даже «местом для дискуссий». Второй президентский срок Путина запомнился новой для России институцией «технических премьеров»: всячески подчеркивалось, что премьер-министр – это исполнитель поручений президента, не более того.

Медведев. Отказавшись идти на третий срок, Путин сделал президентом своего ставленника Медведева и снова изменил всю конфигурацию власти. Став премьер-министром, он фактически сделал этот пост первым в стране, что особенно странно смотрелось на фоне описанной выше ситуации с техническими премьерами во время его президентства.

Путин. Вернувшись на высший государственный пост, Путин снова переиграл распределение полномочий внутри системы власти (формально как и прежде оставаясь в рамках конституционного строя!), сделав основным органом исполнительной власти президентскую администрацию, а правительство – техническим и несамостоятельным органом.

Приведенные выше примеры наглядно иллюстрирует имитационный характер демократии в современной России: налогоплательщики содержат за небольшие деньги весь набор институтов, полагающихся развитой демократической системе, а получают за свои деньги авторитарный режим, отягощенный армией депутатов, штампующих спускаемые сверху ре-

шения. Бесславное президенство Дмитрия Медведева показало, что реально у российского избирателя нет никаких гарантий, что, даже избирая президента, он избирает верховную власть, потому что избранный всенародно президент в итоге, вопреки действующей Конституции, был де-факто технической фигурой при всемогущем премьер-министре, которого никто никуда не избирал.

Реальная представительная демократия — это дорогая процедура, но за свои деньги налогоплательщики получают функционирующую систему управления обществом, способную к стабильному самовоспроизведению, имеющую механизмы предохранения от случайных сбоев, позволяющую сохранять гражданские права и свободы.

Еще одно часто цитируемое высказывание: «Демократия — худший способ управления государством, за исключением всех остальных» (Черчилль). Ниже мы постараемся показать, что первая часть этого высказывания, конечно, сохранила свою актуальность, а вот вторая успела устареть буквально у нас на глазах.

2. Демократия: прямая и представительная

Говоря о демократии, мы по умолчанию имеем в виду представительную демократию. Эти понятия — «демократия» и «представительная демократия» — в сознании современного человека практически срослись. Распространено убеждение, что демократия — это в первую очередь выборы, формирующие представительные органы власти. Есть выборы — есть демократия, нет выборов — нет демократии.

Именно поэтому в предыдущей главе, говоря о том, что демократия дорого стоит, мы сделали намеренную ошибку, которую далее, по ходу изложения, будем исправлять. На самом деле сегодня дорого стоит именно представительная демократия. Но в силу объективных причин, да и просто долголетней привычки, другой сейчас просто не существует.

Традиционно считается, что другая демократия, демократия «прямая», не может быть эффективна. Вернее, до самого последнего времени не могла быть эффективной на таких пространствах и для таких человеческих масс, которые мы рассматриваем. При упоминании «прямой» народной демократии наш среднестатистический современный человек (тот самый, для которого слова «демократия» и «выборы» практически тождественны), наверное, вспомнит новгородское вече и, возможно, современные швейцарские кантоны Гларус и Аппенцель-Иннерроден (а это единственные в современном мире территории, где власть до сих пор осуществляется народным собранием) — и скажет: «Всё это могло работать в одном городе, при населении в несколько тысяч человек; но это не может работать в многомиллионных государствах,

занимающих огромные территории. Прямая демократия — неэффективна».

Здесь также стоит отметить, что прямая демократия — это тавтология, поскольку сама по себе демократия — это и есть власть народа. Но мы постоянно акцентируем внимание на словах **прямая демократия**, поскольку очень привыкли к демократии непрямой, представительной.

Парадокс заключается в том, что прямая демократия в форме народного схода действительно неэффективна и представительная демократия действительно возникла как попытка преодолеть неэффективность прямой демократии. Но современные технологические средства позволяют устранить эту неэффективность гораздо проще и дешевле, чем воссоздавая все институты представительной демократии!

В течение многих десятилетий развивались и совершенствовались пишущие машинки — сложные технические устройства, призванные ускорить написание текстов в красивой, хорошо читаемой, стандартной форме. В силу объективных технологических ограничений пишущие машинки заведомо не имели шансов приблизиться к типографским системам подготовки текстов, но многочисленные мелкие усовершенствования постоянно улучшали (и усложняли) работу этих устройств: разноцветные ленты, сменные шрифты, сложные системы управления интервалами... Все это рухнуло буквально в одночасье с появлением персональных компьютеров. Ведь пишущие машинки не были ценны сами по себе, они возникли как попытка преодолеть несовершенство технологий подготовки текстов. Компьютеры решили эту проблему другим путем — и сколь угодно совершенные машинки оказались просто ненужными.

Итак, что такое прямая демократия? При прямой демократии субъектом власти является весь народ,

все решения принимаются при участии общины, и никаких других органов власти нет. Это можно рассмотреть на примере какого-то одного поселения. Предположим, есть некая деревня или поселок, где каждое воскресенье люди собираются всей деревней на сход и решают, что делать: строить ли церковь, или дорогу, или плотину. Или, например, как установить очередность пользования общим выпасом. Или, например, что делать с хозяином, который не рассчитался в срок с сезонным рабочим (а хозяин, в свою очередь, утверждает, что рабочий не выполнил оговоренного объема работ). Такому сельскому сходу не нужны ни исполнительная, ни законодательная, ни судебная ветви власти — он оказывается вполне в состоянии выполнить все их функции непосредственно.

Однако сейчас такое невозможно, поскольку современные формы осуществления власти предполагают погружение в сложную процедуру. И если при классической древнегреческой демократии еще можно было всем вместе принять необходимые решения, то сейчас только на уровне местного самоуправления, в типичном российском муниципалитете, принимается порядка 5-10 тысяч решений в год. Таким образом, при осуществлении прямой демократии каждое воскресенье нашим сельчанам пришлось бы решать порядка 100-200 вопросов. При этом они должны были бы не только быть готовыми принимать эти решения, но и осознавать их суть, четко понимать, за что голосуют. Ясно, что ни о какой дискуссии по этому перечню вопросов, да еще такой, в которой каждый успевает высказаться, тоже речи быть не может. А ведь кто-то еще должен готовить эти решения, анализировать, прорабатывать!

Итак, если мы отбросим пока конкретику и возьмем некую абстрактную модель, то прямая демократия хорошо работала в отдельно взятой маленькой общине. Затем община расширилась, и принимать решения стало несколько сложнее.

Каким образом прямая демократия перешла в демократию представительную? В какой-то момент люди обнаружили, что их стало много. Эта проблема встала еще перед древними греками: часть людей живет в колониях, которые находятся далеко, часть — в поместьях за городом, часть уехала по делам, еще кто-то — воевать и т.д. Так возникла идея, что должны быть некие постоянно действующие органы парламентского типа. Поначалу они существовали параллельно с инструментами прямой демократии, с народными собраниями. Однако одновременно (а может быть, и еще раньше) очень остро встал другой вопрос: а кто будет разрабатывать и предлагать проекты решений для народного собрания? Ведь само народное собрание в силу своей многочисленности — это не место для дискуссий, а инструмент принятия решений. Дискуссия с участием сотен ораторов неизбежно приводит систему к коллапсу, поэтому довольно быстро стало понятно, что на рассмотрение народных собраний могут выноситься только вопросы, требующие однозначного ответа — «да» или «нет».

Итак, даже когда необходимо быстро решить вопрос, строить или не строить, воевать или нет, все равно в решении вопроса участвует группа лиц, старейшин, которые готовят вопрос и предлагают варианты решений. Это и есть зачатки представительной демократии.

При этом стоит добавить, что прямой демократии в чистом виде никогда и не было. Если углубиться в

историю, то и в греческих полисах существовало множество институтов, помимо народного собрания. Это были органы, представители которых избирались жителями на общем голосовании. Иными словами, такого, чтобы люди собрались вместе и решили все вопросы, не было изначально. Опять же спрашивается — почему? Потому что уже в то время технически, даже в условиях маленького городка, обеспечить постоянное присутствие всех правомочных людей во время принятия всех необходимых решений было невозможно. Даже созвать людей было достаточно сложно — это проблема технологий. На всех этапах развития человечества проблема технологий стояла очень остро: и в Древней Греции, и даже в совсем недавнее время.

Здесь уместно вспомнить средневековую Италию: пока жители дискутируют на площадях, под стенами города стоит армия, нанятая германским императором, и воины не спорят, а выполняют приказы. И в этом случае, конечно, прямая демократия проигрывает. Принимать решения некогда. И прямая демократия на какое-то время уходит из истории.

В Средние века демократические формы правления если и существовали, то в очень усеченном виде: в итальянских городах-государствах и в каком-то смысле в вольных городах Германии. Даже во внешне демократических республиках, таких как Венеция, очень рано, еще в XIII веке, при сохранении видимости электорального равенства в выборах участвовал очень узкий круг людей — представители нескольких сот родов. Все остальные жители страны служить могли, а избирать не могли.

Давайте зафиксируем: **генезис форм представительной демократии во многом обусловлен постоянной необходимостью преодолевать одни и те же технологические ограничения реального мира.**

Реальный мир обладает пространственной протяженностью, и преодоление расстояний требует значительных временных затрат — собрать всех правомочных участников народного собрания в одном месте оказывается проблематичным. Еще хуже, что в реальном мире не существует никакой «ноосферы», пространства идей, открытого и общедоступного; напротив, обмен информацией требует огромных временных затрат, сопряжен с потерей и искажениями информации, различиями в интерпретации. Идеальная картина могла бы выглядеть так: все граждане могут находиться в одно и то же время в одном и том же месте и владеть всей полнотой информации по каждому вопросу (история вопроса, суть проблемы, предлагаемые варианты решения, их последствия, плюсы и минусы). Если еще и предположить, что прения также происходят мгновенно (допустим, телепатически), то прямая демократия, конечно, окажется отлично подходящей моделью для этого идеального общества. Собрались вместе — да хоть каждый день, раз это не связано ни с какими потерями времени! — рассмотрели все вопросы — а на это вообще уходят секунды! — и вернулись к своим повседневным делам. Но, как уже было сказано, в реальном мире не существует прозрачного обмена всей информацией, и его не населяют сверхскоростные телепаты. Поэтому-то жители реального мира и начинают задумываться об институте представительства: пусть на собрания ходят не все граждане, а только некоторые, и в подготовке вопросов принимают участие не все граждане, а только некоторые. Так возникает парламент и, например, судебная система.

Институт представительства необходим и для преодоления ограничений пространства, и для преодоления

ограничений информации, и вовсе не обязательно эти две проблемы решают одни и те же представители. Хорошим примером может служить суд присяжных. В нем, во-первых, есть специально обученные люди, которые занимаются подготовкой вопроса — то есть преодолением ограничений реального мира, связанных с отсутствием общедоступной информации. Это — стороны процесса: судья, адвокаты, прокуроры, эксперты и их помощники. Эти люди представляют граждан напрямую или опосредованно (в России судей назначает президент, но, как мы знаем, в США и судьи, и прокуроры выбираются непосредственно населением). И, во-вторых, есть другой тип представителей граждан — присяжные, на рассмотрение которых выносятся вся ставшая известной информация о деле. Присяжные олицетворяют собой всех тех сограждан, которым лень или некогда получать информацию и принимать на ее основании решение. На сельском сходе дело было бы вынесено на рассмотрение всех односельчан, но институт суда присяжных предусматривает случайный отбор 12 человек как представителей народа.

Этот пример хорош еще и тем, что показывает, что «представительство» — это еще не обязательно «выборы». В суде присяжных представительство реализуется посредством случайного отбора, но все равно это форма представительства.

Итак, в мире, в котором мы живем, объективно существует целый ряд ограничений, делающих его крайне непохожим на тот идеальный мир, для которого прямая демократия была бы безусловно лучшим способом общественного устройства. Эти объективно присутствующие технологические ограничения не менялись столетиями, при этом происходил постоянный прирост населения и освоение жизненного пространства, что только их усугубляло. С точки зрения ограничений пространства рост скорости перемещений не поспевал за увеличением ареалов расселения, и даже

современные самолеты и поезда не позволяют собрать в одном месте население небольшой страны быстрее, чем за несколько часов или дней. С точки зрения ограничений информации всё ещё хуже: рост количества информации носит экспоненциальный характер, скорость ее передачи возрастает не так быстро, а скорость обработки в голове человека не растет вовсе. Условно говоря, с тех пор как люди изобрели письменность, больше ничего прорывного не произошло, менялись только способ и скорость пересылки сообщений, пока не изобрели телеграф и телефон, что произошло совсем недавно по меркам истории. Как уже сказано, телепортация и телепатия были бы прорывами, но на этих направлениях прорыва нет и, честно сказать, не предвидится, несмотря на все успехи современной науки и техники.

Таким образом, проблема технологического несовершенства встала перед обществом очень рано и очень быстро привела к гибели прямой демократии. На всем историческом промежутке, от древних Афин до современного кантона Гларус, не известно ни одной действующей модели прямой демократии, которая охватывала бы более 30-40 тысяч граждан, имеющих право голоса, и территорию более нескольких десятков квадратных километров. Прямая демократия исчезла, не выдержав конкуренции ни с представительной демократией, ни даже с той же самой тиранической монархией.

Все это произошло естественным путем, и со временем все забыли, что прямая демократия вовсе не была такой уж плохой сама по себе, просто реализация этой модели в ее чистом виде в течение долгих веков была технологически невозможной. И, конечно же, никто не сидел и не проверял через некоторые про-

межutki времени: а что, может ситуация изменилась? Может, что-то такое произошло в нашем мире, что можно снова вернуться к разговору о прямой демократии — прежде всего как к идее всеобщего и прямого представительства. Потому что самое главное, что, на наш взгляд, заложено в идее прямой демократии и утрачено в представительной, — это не только право, но и возможность для каждого гражданина непосредственно участвовать в обсуждении и принятии всех решений. Любой человек, несомненно, имеет право и отказаться от участия во всем этом и делегировать свои полномочия кому-либо, и никто не может ему этого запретить. Но остается непонятным, почему же человек обязан кому-то что-то делегировать, если он и сам не против тратить свое время на то, чтобы осуществлять свои права — напрямую и непосредственно. Тем более что на каком-то технологическом уровне все это становится легко осуществимым — но об этом мы поговорим чуть позже.

3. Государство и демократия

В современном мире демократия начинается с местного самоуправления, и там она наиболее логична и понятна: это уровень подъезда, ТСЖ, микрорайона, сельского схода в небольшом поселении. В любом, даже в крайне авторитарном государстве, степень вмешательства государства в принятие решений на разных уровнях различна, и минимальна именно на общинном уровне. Мало-мальски разумное государство понимает — предоставленные сами себе, вынужденные решать свои вопросы местечкового значения сами, граждане справятся с любой мелкой задачей лучше, чем клерки из далекой столицы. Мы имеем в виду, в первую очередь, опыт европейских диктатур XX века, азиатские диктатуры (и, увы, Россия начала XXI века) склонны подавлять малейшие проявления самостоятельности граждан, в том числе и институты местного самоуправления.

Строительству политической вертикали власти в современной России предшествовало строительство экономической вертикали. Сначала был принят новый Бюджетный кодекс, и лишь потом уже были отменены губернаторские выборы. Россия является одним из подписантов Европейской хартии о местном самоуправлении, важнейшим принципом которой является финансовая самостоятельность органов местного самоуправления, но даже самый богатый из муниципалитетов сегодня не более чем на 60% формирует свой бюджет из собственных доходов, а все остальные средства — это субсидии из вышестоящих бюджетов, получение которых связано, во-первых, с непрозрачным и унижительным выпрашиванием, и, во-вторых, с откатами. Ни о какой самостоятельности местного самоуправления в таком случае, конечно, идти

не может. Аналогичным образом выстраиваются и отношения в связке «федерация-регионы». Власть решает таким образом сразу несколько проблем: концентрирует ресурсы для более удобного их освоения, создает коррупционные возможности, и, главное, эффективно подавляет любую инициативу снизу. Элиминирует риск, связанный с тем, что люди научатся и войдут во вкус самостоятельного принятия решений, и возжелают большей самостоятельности.

Но даже в развитых демократиях, что происходит при переходе на уровень выше от муниципального? Демократия постепенно или мгновенно (в зависимости от государственного устройства) умирает. **Демократия как реальное народовластие кончается там, где возникает государство**, потому что государство — это не одно поселение с его сельским сходом, а множество поселений, очень сложная структура.

Государство — это не что-то конкретное, это некая абстракция. Термин, который можно наполнить любым содержанием. То же самое можно сказать и о слове «власть». Мы отнюдь не проповедуем анархию и полный отказ от государственности, мы лишь хотим подчеркнуть, что государство может и должно строиться на совершенно иных принципах, чем современная нам Российская Федерация, и власть в нем должна осуществляться народом и в интересах народа, а не чиновниками в интересах ими же придуманной концепции государства.

Когда мы говорим о местном самоуправлении, нам все понятно: здесь рыть траншею или здесь, отремонтировать сначала дорогу в этом дворе или в этом, развивать трамвайную сеть или троллейбусную. Тут не нужны никакие представители: людям хватает здравого смысла, общечеловеческого понимания реальности, чтобы принимать правильные решения. Но вот

степень абстракции вырастает до уровня государства. Мы избираем представителя, и наш депутат, делегат от нашего города, приезжает в Москву, где его спрашивают: будем ли мы дружить с Эквадором или нет? А он не знает. К нему приходит государство, которое превращается в конкретных людей, живущих за налоги. И они говорят, что нужно дружить с Эквадором, воевать с Парагваем, потому что у нас такая политика. Те люди, которые сидят «сверху», в государственном аппарате, меньше всего заинтересованы в демократии. Они заинтересованы в том, чтобы ходоки из деревень как можно реже приезжали со своими вопросами и проблемами, не забывая, конечно, поставлять солдатиков в армию и вовремя платить налоги.

Если посмотрим на историю Великобритании, то увидим, что все, что осталось от классического государства, — это королева Елизавета, которая юридически является собственницей всей земли и гарантом существования государства, хотя фактически, в смысле употребления власти и обладания полномочиями, ничего из себя не представляет. Все остальное — это местное самоуправление, разросшееся до масштабов целой страны, когда люди сами себе кого-то выбирают, сами все решают, не спрашивая королеву Елизавету ни о чем, даже о ее собственном состоянии. Это одна модель — когда местное самоуправление вытеснило государство, загнало его в угол. Примерно то же самое мы наблюдаем во всей остальной Европе.

В России, к сожалению, мы застряли в другой модели, где государство задавило всю демократию, все местное самоуправление. Почему? Если у нас даже на местном уровне решения принимаются с учетом государственного интереса, какого-то федерального тренда, то это значит, что абстракция государства является

доминирующей. А конкретика местного самоуправления фактически стремится к нулю. Власть нам говорит: да, вам здесь дорога не нужна, но государству она здесь нужна, поэтому вы, дорогие депутаты, должны будете закрыть глаза и уши, не знаем, что вы скажете своим избирателям, предположим, вы все проиграете следующие выборы, но дорога здесь все равно будет. И люди отвечают: ну, надо так надо.

Вот это и есть два разных подхода. **Первый:** мы строим демократию сначала у себя в голове, потом в своем подъезде, в своем дворе, в своем районе, в своем городе, а потом во всей стране. **Второй:** мы начинаем с абстракции, что есть некое Абсолютное Добро и что государство — это воплощение этого идеального в реальности, а раз государство имеет отношение к чему-то абсолютному, то оно само по себе дело хорошее, и поэтому не надо себя спрашивать, что страна сделала для тебя, а надо спрашивать, что ты сделал для нее. Ну и, разумеется, государству (а если заглянуть за это красивое слово, ты мы обнаружим там вполне реальных людей) все и всегда виднее.

Государство назначит нам губернатора, губернатор назначит нам мэра, мэр назначит нам хороших руководителей районных администраций, которые придут и скажут: «Нам, конечно, важно ваше мнение, но вот этого человека не надо выбирать вашим представителем, а вот этого надо, потому что вот он будет мне мешать своими идеями, а этот парень будет нам помогать. Помогая мне, вы поможете губернатору, помогая губернатору, поможете президенту — и наше государство будет великим».

В том то все и дело, что это две абсолютно несовместимые друг с другом логики, и если мы начинаем рас-

смаатривать их вместе, то мы себя обманываем — они не могут сосуществовать, к сожалению.

Вся проблема власти в России в том, что она пытается сделать вид, как будто это возможно. На практике же получается, что просто вся система, связанная с функционированием демократических институтов, оказывается имитационной, бутафорской, а реально функционирует только вторая политическая система — авторитарно-вертикальная.

В целом же, как учит история, представительная демократия довольно легко трансформируется в ширму для непрекрытой и жестокой диктатуры. В КНР, КНДР и множестве других стран с тоталитарными режимами существует полный набор избираемых органов власти, регулярно проходят выборы и тщательно соблюдаются всевозможные демократические ритуалы. Тем не менее, фактически власть принадлежит узкой группе никем не выбранных лиц и представляет из себя самоназначенную диктатуру. По нашему мнению, такое извращение духа демократии при ее ритуальном сохранении связано с тем, что вся сложность институтов представительной демократии базируется на презумпции честности и добровольности, при том что нет никаких гарантий ни того ни другого.

Практически речь идет вот о чем: на входе мы имеем идущего на избирательный участок гражданина, на выходе — систему сформированных на выборах систему законодательных и исполнительных органов власти. Каждый гражданин, хотя бы теоретически, сам за себя, а вся структура власти действует слаженно и против него. Поэтому стоит только тщательно организовать и проконтролировать момент передачи человеком своего голоса кому-то удобному власти — и дело в шляпе.

Возможностей для контроля за тем, кому граждане передают свой голос, и организации этого акта, множество. Во-первых, можно тщательно контролировать систему выдвижения кандидатов и просто не допускать к участию в выборах никого, кто не угоден власти. Это самая главная и основная возможность манипулировать итогами любых выборов, значительно превосходящая по эффективности все другие. Еще Сталин говорил, что «кадры решают все», и имел в виду как раз расстановку на ключевых постах «проверенных людей». Во-вторых, можно манипулировать при учете явки и подсчете голосов — традиционные диктатуры обычно рапортуют о приближающейся к ста процентам явке и почти стопроцентном голосовании избирателей за предложенные им фамилии и списки. Но многие диктатуры не сильно озабочены высокой явкой и большими процентами, так что этот пункт мы можем считать факультативным и характерным для совсем уж замшелых тираний. В-третьих, и это тоже очень распространенная и эффективная модель, можно фактически лишить избранные людьми органов какой-либо реальной власти, превратив их в ширму для бюрократического аппарата.

Легко убедиться, что в условиях современной России активнее всего применяются первый и третий способы манипуляции: выбирать приходится из отобранных властью людей и партийных списков, а избранные органы фактически беспомощны перед мощью исполнительной власти. Так благородная идея представительной демократии не выдерживает столкновения с целенаправленными усилиями группы лиц, обладающих фактической властью, любой ценой сохранить ее.

Не лишним будет также отметить, что имитационная демократия в условиях капиталистического общества становится еще и очень дорогой — ведь расходы по-прежнему приходится нести в полном объеме и даже больше, ибо участники представления требуют все больших материальных компенсаций за свое комедианство, а практическая польза от работы псевдодемократических институтов равна нулю.

Анализ работы представительных органов местного самоуправления в России показывает, что они не делают ровным счетом ничего. В каждом муниципалитете — от городов-миллионников до муниципальных районов с населением в несколько тысяч человек — существует городская Дума численностью от 10 до 48 депутатов, которые объединены в те или иные комиссии и формально контролируют те или иные сферы городской жизни. Однако принимаемые депутатами местных Дум решения говорят о том, что более чем в 98% случаев субъектами нормотворческой инициативы выступают местные администрации, а депутаты принимают эти решения, не внося в них никаких изменений. В тех редчайших случаях, когда депутаты сами предлагают рассмотреть и принять те или иные нормативные акты, это, как правило, тоже является имитацией — просто в ряде случаев закон о местном самоуправлении явно требует, чтобы инициатива исходила от депутатов, вот кто-то из них и ставит свою подпись. Таким образом, муниципальная Дума оказывается просто придатком городской администрации, штампуящим текущие решения исполнительной власти. При этом затраты на ее содержание в самых крупных и богатых городах-миллионерах составляют от 0.75% до 1.5% собственных доходов городского бюджета, а в муниципалитетах поменьше варьируются в пределах 5–10%, в некоторых случаях достигая и 20% от бюджетных доходов.

Сейчас просматриваются только два пути развития российской политической системы: или вся система

представительных органов власти перестанет быть имитационной, наполнится реальным содержанием (благо формально она все еще не демонтирована), и будет развиваться и трансформироваться в более современные формы народовластия, либо Россия завершит свой путь к полностью авторитарному государству, которое рано или поздно (скорее рано, чем поздно) начнет пожирать своих граждан, а потом и само себя.

При выявлении причин, по которым демократия в России не состоялась, кроме чисто технологических проблем надо обязательно помнить еще именно об этой причине: демократия не нужна государственному аппарату. Ведь если мы опять вернемся к идиллии прямой демократии, все становится ненужным: не нужны депутаты, помощники, секретарши, спикеры думы, председатели комитетов, министры, президенты. При прямой демократии все эти люди исчезают. Как же так? Они не хотят исчезать, они хотят быть. Соответственно, им выгодно создать не просто представительную демократию, а как можно более многоуровневую. Причем чем больше уровней, тем больше степень безопасности того, кто находится на верхушке этой системы, от народа. У рядового избирателя практически нет возможности докричаться до президента или губернатора. Рядовой избиратель должен пройти через серию выборов, правильно выбрать депутата городской думы, чтобы он правильно выбрал сити-менеджера, который придет в областное правительство и будет правильно что-то говорить губернатору. Это единственный шанс достучаться до губернатора. До уже избранного президента не дойти тем более. Гражданин может лишь проголосовать на выборах за партию, и она назначит нужного депутата, который при-

едет в Госдуму, выйдет на трибуну и с трибуны скажет: «Владимир Владимирович, вы не правы». Это все, что предлагает представительная демократия для общения с властью, во всяком случае, в условиях современной России.

Опыт учит нас, что даже выбранные под самыми критическими лозунгами политики в итоге не пытаются спорить с властью, а все потому, что, получив от избирателей свой мандат, они становятся самостоятельны и самодостаточны до следующих выборов. Ярче всего это видно на примере всем известного В. В. Жириновского: во время всех избирательных кампаний он неистов и критичен, а получив очередной мандат, тихо оседает в думском кабинете и лишь иногда устраивает показательные выступления. С другой стороны, зачем ему постоянно ссориться с исполнительной властью, которая способна помочь ему в решении массы личных вопросов, если можно, по согласованию с ней же, критиковать ее строго перед выборами? Надо признаться, что Владимир Вольфович понял самое главное в нынешней системе и активно пользуется этим пониманием в своих интересах.

4. Условность нормы

То, что мы сейчас воспринимаем представительную демократию как некую норму и считаем ее единственно правильной и возможной, вовсе не есть какая-то объективная данность, более того, это довольно новая традиция. Выше мы сказали о том, что выбор гражданами представителей для участия в управлении государством стал вынужденным ответом на два основных вызова — ограничения пространства и ограничения информации. Сам по себе этот выбор обусловил необходимость выработки на протяжении столетий множества «служебных» принципов, которые обслуживали институты представительной демократии. Эти принципы сложились не в силу своей абсолютной значимости *per se*, а только потому, что их наличия потребовало развитие представительной демократии, которая в свою очередь представляет собой общественный компромисс между идеалами прямой демократии и тем, что возможно в условиях реального мира.

Хорошим примером такой «вспомогательной» нормы, которая сейчас воспринимается нами как данность, но на самом деле стала таковой совсем недавно, является принцип всеобщего избирательного права.

Всеобщее избирательное право — это в полной мере новация XX века. В XIX веке о такой странной идее никто и не задумывался. Первой европейской страной, где появилось избирательное право у женщин, стало Великое княжество Финляндское в XX веке.

В России женщины получили право голоса после революции 1917 года, причем Россия была в этом плане в самых первых рядах. Если взять Швейцарию,

к опыту которой мы уже обращались и еще будем обращаться неоднократно, то там избирательное право у женщин появилось в 70-х годах XX столетия, то есть менее 40 лет тому назад.

Дело не только в гендерном неравенстве. До прошлого века активно применялся не только половой ценз, но и многие другие виды избирательного ценза — имущественный, сословный. Ничем неограниченное всеобщее избирательное право — это абсолютно свежая идея, хотя сейчас она нам кажется очень естественной и самоочевидной. Впрочем, как хорошо известно, в наши дни в прибалтийских государствах, входящих в состав Евросоюза, значительное число жителей — «неграждан» — лишено избирательных и прочих гражданских прав на весьма неоднозначных основаниях.

Несколько веков назад естественными и самоочевидными казались совсем другие вещи. Так, вопрос имущественного ценза до самого недавнего времени стоял очень остро. Кто имеет право голосовать, а кто не имеет такого права? Почему домовладелец и бомж обладают равным правом участвовать в решении таких, например, вопросов, как налог на недвижимость? Да и вообще, суть деятельности местного самоуправления заключается в перераспределении городского бюджета, который формируется из отчислений налогоплательщиков — так, значит, и решения должны принимать налогоплательщики?

В XIX веке Екатеринбургская городская Дума избиралась по трем сословиям, по 20 депутатов от каждой из трех куриЙ. Эта система несколько раз менялась, но в конечном итоге свелась к следующему. Брался весь объем налоговых платежей за последний год, брался весь список налогоплательщиков, упорядочивался по убыванию сум-

мы уплаченных налогов. Те люди, которые обеспечивали первую треть налоговых поступлений, избирали первых 20 депутатов (самых этих людей могло быть меньше 20, то есть они избирали депутатов не обязательно из своего числа; просто те люди, которые больше всего вносили в городской бюджет, говорили: мы хотим, чтобы наши интересы в Думе представляли такие-то депутаты); те люди, которые обеспечивали вторую треть, избирали вторую двадцатку депутатов, и те, кто обеспечивал третью треть, давали третью двадцатку.

Эта система бесконечно далека от всеобщего равного избирательного права, но тогда, сто с небольшим лет назад, она всех устраивала, казалась справедливой, никого не удивляла. Если подумать — что в ней такого неправильного? Каждый имеет право голоса, но степень влияния на городские дела приведена в некоторое соответствие с тем, какой вклад тот или иной гражданин вносит в общегородскую «кубышку», которую предстоит распределять депутатам.

На протяжении многих веков апробировались и другие системы и сочетания цензов, в каждом из которых была какая-то своя справедливость и какой-то свой смысл. Всеобщее избирательное право — всего лишь одна из возможных систем, «особо модных» на современном нам историческом промежутке, не более того.

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации первого созыва, то есть 1993–1995 годов, избирался непосредственно гражданами, и формировался по принципу: два сенатора от каждого субъекта Федерации. Учитывая крайнюю неравномерность в населении субъектов Федерации (от 50 тысяч до 10 миллионов человек — разница в 200 раз!), можно отметить, что в нашей стране менее 20 лет тому назад принцип равного всеобщего избирательного права на важнейших выборах

федерального уровня грубо нарушался, и это тоже не вызвало какого-либо общественного порицания.

Кстати, даже современное всеобщее избирательное право все равно не является всеобщим: в этом праве поражены лица, признанные недееспособными по решению суда, в ряде случаев — отбывающие приговор заключенные. Установлен возрастной ценз, который в России составляет 18 лет (но во многих странах он другой). Самоочевидные вещи? Да, конечно: как можно доверить голосовать психопатам, серийным убийцам или грудным младенцам. Но давайте зафиксируем, что цензы все-таки существуют, и устанавливаются они не на основании незыблемых законов природы, а довольно-таки волюнтаристски. Почему 18 лет, а не 21 или 17.5? Или, например, почему не быть плавающей планке, привязанной не к возрасту, а к сдаче определенного «экзамена на обретение гражданских прав»? Возрастной ценз является формой неявного интеллектуального ценза — почему бы тогда не заменить его на явный? Не будет ли это честнее и прозрачнее?

Или вот лишение избирательных прав заключенных — здесь тоже есть разные подходы: лишать всех, не лишать никого, ставит сохранение за заключенным пассивного избирательного права в зависимость от конкретной статьи, по которой он осужден. Еще более дискусионен вопрос о возвращении избирательных прав после отбытия наказания.

В США люди, осужденные за уголовные преступления, очень часто лишаются пассивного избирательного права пожизненно — в подавляющем большинстве штатов. Что же касается активного избирательного права, то ситуация в разных штатах еще больше разнится. Есть те, где человек лишается права избирать на определенный срок после отбытия наказания. Есть те, где этот срок тоже явля-

ется пожизненным. Во многих штатах в принципе бывший уголовник снова может стать избирателем, но для этого должен, например, подать заявление на имя губернатора штата, причем в некоторых штатах такие прошения удовлетворяются автоматически, а в каких-то — рассматриваются в индивидуальном порядке.

В ряде стран избирательных прав лишаются солдаты срочной службы (как лица заведомо «подневольные»), в ряде стран — чиновники. В США, в силу исторических особенностей, существенно поражены в избирательных правах все без исключения жители федерального округа Колумбия. Мы не обсуждаем здесь преимущества или недостатки той или иной системы, мы говорим только о том, что «всеобщее равное избирательное право» — это в значительной степени фикция, условность, попытка приближения к идеалу.

Кстати, к какому идеалу?

Еще одно популярное высказывание о демократии гласит: «Когда нам надо получить диагноз — мы собираем консилиум врачей; когда ищем представительства в суде — обращаемся к профессиональным юристам; и только когда надо управлять государством и принимать законы, мы обращаемся к мнению домохозяек, алкоголиков, непойманных воров и невыявленных сумасшедших». Это высказывание высмеивает всеобщее избирательное право — но ведь надо признать, что небезосновательно. Современное толкование этой нормы произрастает из гуманистических либеральных идеалов, в которых берут свое начало также принцип презумпции невиновности и принцип «все, что не запрещено, — разрешено».

Идеальный смысл всеобщего избирательного права заключается в том, чтобы наделить активным избирательным правом всех тех, кто в состоянии им вос-

пользоваться. Малолетние дети и лица, признанные недееспособными по решению суда, очевидно, не в состоянии пользоваться избирательным правом — их исключаем. Все остальные... хм, тут как раз и срабатывает презумпция: раз в явном виде не установлено, что человек не способен быть избирателем, значит, лучшее, что мы можем делать, — это предполагать, что он — способен.

Является ли такая реализация принципа всеобщего избирательного права реализацией идеала? Нет. Каждый из нас знает нескольких людей, которые охотно и регулярно пользуются активным избирательным правом, будучи абсолютно не в состоянии адекватно им распорядиться, то есть не осознавая ни сути принимаемых ими электоральных решений, ни их последствий. Однако мы также понимаем, что не существует никакого разумного способа это право у них отобрать. Таким образом, нынешняя ситуация со всеобщим избирательным правом представляет собой не идеальную ситуацию, но только лишь наилучшую из возможных аппроксимаций идеальной ситуации в нашем мире.

То, что мы подробно рассмотрели на примере института всеобщего избирательного права, можно было бы также детально развернуть и в отношении любой другой устоявшейся нормы, связанной с функционированием современной представительной демократии: количество ветвей власти, их взаимодействие, работа представительных органов на профессиональной или на неосвобожденной основе, взаимоотношения центральной власти и местного самоуправления, сессионный или постоянный принцип функционирования представительных органов, мажоритарная, пропорциональная или смешанная система выборов.

Каждый из этих институтов за последние несколько столетий претерпел множество изменений, был апробирован в различных вариантах, и, наконец, отдавая дань моде, подчиняясь политическому моменту или следуя научно обоснованной оптимальности, находится сейчас в том состоянии, которое воспринимается нами как правильное и привычное. Однако в каждом случае это всего лишь компромисс, связанный с приближением к идеалу (оптимальному функционированию государства) в непростых условиях реального мира.

5. Еще немного истории

Позволим себе еще несколько слов сказать об эволюции современных нам демократических институтов. На эту историю стоит посмотреть тем же критическим взглядом, которым мы уже обзревали историю пишущих машинок: уже и ленты разноцветные, и сразу два шрифта в одной машинке, и весит она не 30 килограммов, а всего лишь 3 килограмма — но все равно до типографского качества текста далеко как до Луны, а опечатки приходится замазывать вручную.

За последние несколько столетий возникло множество конкретных маленьких усовершенствований, призванных обеспечить, чтобы представители народа действительно отражали волю народа, чтобы они действовали добросовестно, выполняли свои обещания — и все равно, несмотря на все эти (подчас весьма изощренные) изобретения, в мире раз за разом возникали кровавые диктатуры, а слово «политик» все чаще становилось синонимом слова «жулик и вор».

Первые серьезные изменения античная идея демократии начала претерпевать в эпоху Просвещения. В Средние века демократия как таковая вымерла, и если и существовала, то в довольно извращенном виде, как в уже упомянутой выше Венеции. И в какой-то момент опять встал вопрос, как жить дальше.

Идея представительной демократии появилась после изучения (причем некритичного, что тоже важно помнить!) античных источников, но уже в то время Жан-Жак Руссо активно выступал за прямую демократию. Параллельно шло создание США. США — это ведь изначально сообщество неких самоуправляемых общин: люди уезжали за океан, создавали общину, жили

своим хозяйством и самоуправлялись. Таким образом, возникла целая сеть самоуправляемых общин, и люди принялись размышлять, как им жить дальше. Тут и вошла в широкий оборот идея, что демократия — это хорошо и что единственный субъект власти — это народ. Это была чрезвычайно свежая по тем временам мысль, поскольку много веков до того она никому в голову не приходила.

Прежде вопрос о природе власти решался иррационально: просто считалось, что легитимная власть может принадлежать только монархам, которые получили ее непосредственно от Бога. Следовательно, законна только та власть, которая исходит из короля — пусть даже сам он фактической властью уже и не обладает. Но — он ее кому-то передал, органу ли или конкретному лицу, тем самым освятив носителей власти причастностью к безусловной божественной легитимности.

В принципе, вся современная демократия до сих пор живет идеями и категориями XVIII века и Великой французской революции, которая стала практическим выражением всех брожений своего времени. В каком-то смысле мы все так и не выросли из коротких штанов Великой французской революции.

Что же произошло тогда? Люди вплотную подошли к мысли, что никакого Бога, который назначает им королей, не существует. Ну, или Бог существует, но к королю не имеет никакого отношения, а потому короля можно даже и казнить.

Дальше все вроде логично: раз только народ имеет право управлять, то ему и власть. Но так как людей много и собрать их всех вместе довольно затруднительно, они просто должны избрать из своего числа

наиболее достойных — тех граждан, которые и будут представлять весь народ во всех органах власти.

Вообще, Великая французская революция — это довольно странная вещь, особенно для наших русских реалий. Юридический смысл ее такой. Для утверждения новых налогов королевское правительство было вынуждено (нам, жителям России это трудно понять: как так, абсолютный монарх нуждается в согласии какого непонятного парламента для введения новых налогов. Между тем вот такой был во Франции абсолютизм) созвать Генеральные Штаты. Мероприятие это во Франции не проводилось несколько веков.

По средневековым нормам делегаты были выбраны от трех сословий — от духовенства, от дворянства и от всех остальных, которые составляли третье сословие. Фактически революция началась с того, что депутаты, избранные для участия в работе Генеральных Штатов от третьего сословия, объявили себя парламентом, то есть присвоили себе полномочия, которых у них ни юридически, ни даже теоретически не было. Впрочем, практически они были правы: третье сословие было самым многочисленным и в экономике играло решающую роль. То есть налоговое бремя приходилось именно на него, и, должно быть, мысль о том, что налоги устанавливают духовенство и дворяне, а платят все остальные, толкала депутатов на подвиги. Кстати, и в американской революции идея налогов была весьма важной и отразилась в знаменитом лозунге *No taxation without representation* («Никаких налогов без представительства!»): жителям колоний казалось несправедливым, что налоги они платят, а в парламенте, заседавшем в далеком Лондоне, они никак не представлены.

Так вот, сами революционеры считали, что Францией после революции правит великий французский народ, но фактически у власти оказались во многом случайные люди, которые сами себя объявили носителями народного суверенитета. И не факт, если уж говорить начистоту, что весь французский народ, включая крестьян из дальних деревень, так уж сильно ненавидел Людовика XVI и действительно уполномочивал на что-либо Робеспьера или какого-нибудь Сийеса.

То же самое происходило и в России конца XX века, когда съезд народных депутатов объявил себя носителем высшей власти: нас избрал народ, и поэтому мы можем делать то, что считаем нужным: менять конституцию, увольнять или назначать министров. Это, несомненно, демократия, только с одним, но очень важным «но»: не люди напрямую собираются и говорят: «мы хотим видеть во власти того или другого», а их представители собираются и принимают решения. При этом постоянно предпринимаются всевозможные ограничения полномочий этих представителей: идеи императивного мандата, идеи предвыборных обещаний. Все это делается для того, чтобы человек представлял именно тех, кого он якобы представляет. Однако эти процедуры появляются не от хорошей жизни и, к сожалению, мало что дают в смысле реального народного представительства: как только депутат побеждает на выборах, реальных механизмов контроля за тем, насколько его деятельность соответствует всему тому, что он декларировал во время выборов, практически нет.

6. Проблемы аппроксимации

Идеальная модель прямой демократии, очевидно, может функционировать лишь в том случае, когда реализуются следующие допущения: во-первых, все люди хотят участвовать в управлении, и, во-вторых, все люди могут в нем участвовать, то есть достаточно компетентны: некая общность людей, отчетливо понимающая, что она управляет чем-то, собирается и принимает компетентные решения прямым голосованием.

Мы осознаем, что в реальности так не бывает, что в реальности слишком много проблем: и людей невозможно собирать постоянно, и непонятно, кто готовит все решения, и что подавляющее большинство людей совершенно некомпетентно. Поэтому прямая демократия рассматривается нами просто как идеальная модель, описывающая более справедливую и честную форму представительства мнений и позиций людей, чем опосредование таковых через структуры представительной демократии.

Представительная демократия появляется тогда, когда есть некое значительное количество людей — народ, который в своих маленьких округах (или по партийным спискам, что примерно то же самое, только вместо небольшого списка кандидатов избирателям предлагается небольшой список партий) избирает достойных и им передает свое право управлять.

Далее эти избранные люди где-то собираются и уже на постоянной основе принимают решения исходя из пользы тех людей, которые их послали. Возможно, такая идеальная модель какое-то время работала. И на некоторых территориях, особенно на местном уровне, где существуют небольшие муниципальные образования (например, всё в той же в Швейцарии), работает до сих пор. Люди со-

брались, выбрали местный совет, депутаты местного совета ходят по тем же улицам и решают проблемы своего городка, не теряя постоянного, живого, ежедневного контакта со своими избирателями. Но как только представительная демократия достигает уровня государства, когда избранные в одной местности люди отправляются в далекую столицу, начинаются проблемы, способы решения которых мы и пытаемся сейчас осмыслить.

Представительная демократия как идея, несомненно, хороша, но на практике даже та модель представительной демократии, которая сейчас реализована в ведущих европейских странах и в США, крайне далека от истинного народовластия.

Начнем с того (ранее мы уже обращали внимание на этот фактор), что, как только человек проголосовал, он уже не имеет отношения ко всему происходящему далее. Более того, его могут бесконечно обманывать. Избранные им люди перед ним никак формально не отчитываются, они могут принимать любые решения, а он сам не может их никак контролировать. В лучшем случае через несколько лет отказать им в доверии на следующих выборах. Но ведь несколько лет — это не так мало с точки зрения человеческой жизни: люди выходят на пенсию, дети рождаются, женщины уходят в декрет и так далее. Так что фактически гражданин пользуется своим правом один раз в несколько лет. Он приходит, отдает свой голос и все — больше у него нет никаких возможностей влиять на власть до следующих выборов. И это появилось не от хорошей жизни.

В принципе и все остальные демократические институты, которые сейчас кажутся нам естественными, — они все появились не от хорошей жизни, а от того, что прямая демократия невозможна, и поэтому ее нужно как-то аппроксимировать. В том числе ин-

ститут разделения властей, который мы считаем очень хорошим, при прямой демократии не нужен.

Мы уже приводили пример сельского схода, который в пределах своего села вполне может замещать весь функционал и исполнительной, и законодательной, и судебной власти. Разделение на исполнительную, законодательную и судебную ветви власти во многом слишком примитивно. Например, в местном самоуправлении судебной власти нет, зато есть представительная и исполнительно-распорядительная. Распорядительная власть — это та, которая приводит решения в действие. Сельский сход из нашего примера, однако, и в таковой не нуждается: сами поработав законодателями и определив, скажем, правила разведения скота, сельчане сами поработают и распорядительной властью и посадят на кол негодяя, испортившего племенную корову. Короче говоря, все хитросплетения, все виды власти им ни к чему и сдержки с противовесами тоже — так долго, как долго они остаются в спасительной гавани прямой демократии, не формируя каких-либо органов власти.

Если у нас есть народ, который является непосредственным источником власти и все решает, то никакого разделения властей не нужно, никто не должен никого контролировать, не нужна дорогостоящая и очень трудная в настройке система сдержек и противовесов. То же самое с местным самоуправлением.

Само по себе разделение власти на три ветви не стоит ничего без налаженной системы сдержек и противовесов, обеспечивающих независимость властей и невозможность для одной ветви взять остальные под свой контроль. Этой системы не оказалось в Конституции РФ 1993 года, и результаты известны: сегодня исполнительная власть (Президент РФ) формирует и судебную (назначая судей Конституционного суда, председателей Верховного и Высшего Арбитражного судов), и законодательную

(назначая губернаторов, которые делегируют своих представителей в верхнюю палату парламента) ветви власти.

До конца XIX века, как мы уже говорили в предыдущей главе, цепочка власти выстраивалась сверху: от Бога к помазанному монарху и дальше вниз. Сейчас другая идея: сверху — государственная власть, а снизу, навстречу к ней, — местное самоуправление, которое должно быть независимым. Тем не менее сегодня местное самоуправление остается довольно сложной структурой, базирующейся на представительных принципах. Прямая демократия в современной России возможна (и существует) практически только на уровне ТСЖ: на общем собрании люди собираются и решают, как им жить, и никакие ветви власти им не нужны.

Итак, мы уже несколькими примерами проиллюстрировали ключевую мысль: **все непростые демократические институты и процедуры лишь аппроксимируют идеальную модель демократии, исходя из того, что идеал недостижим, и поэтому нужно изобразить что-то примерное.**

Представим себе экран современного компьютера, его размер — 1600 на 1200 пикселей, то есть около 3 млн пикселей. Каждая точка экрана может быть одного из миллиона с лишним оттенков. Для того чтобы закодировать оттенок точки на экране, нужно три байта данных. Таким образом, картинка, которая занимает весь экран, должна занимать пространство порядка 9 МБ. На самом деле мы знаем, что фотография приличного качества на весь экран «весит» 200–300 КБ, то есть в несколько десятков раз меньше. Кстати, если бы каждая полноэкранная картинка «весила» бы 9 МБ, то минута видео «весила» бы 12 ГБ, мы не могли бы качать фильмы и мир был бы ужасен.

Идея сжатия изображений базируется на аппроксимации. Человеческий глаз не способен воспринимать весь миллион возможных оттенков, поэтому при кодировке изо-

бражения специальная программа вычленяет области, состоящие из нескольких точек примерно одного цвета, и кодирует их все одним и тем же образом. Немного информации при этом теряется, но зато появляется возможность немного сократить объем хранимой информации: можно не запоминать оттенок каждой точки, а в файле описать координаты группы точек и задать их цвет один раз. В итоге картинка будет «весить» значительно меньше. Понятно, что эти параметры можно варьировать в зависимости от того, какую потерю качества мы можем себе позволить и каким местом для хранения изображений располагаем. Например, мы можем закодировать фотографию и так, что она будет занимать всего 5 КБ. В этом случае мы, скорее всего, будем все еще в состоянии понять сюжет снимка, уловить общее его настроение, узнать знакомые лица, но качество будет ужасным, фон – размытым, а изображение будет состоять как будто из больших квадратиков. Можно сжать фотографию и до 10 байт. В последнем случае мы уже ничего не увидим, только несколько цветных точек, но все-таки они будут соответствовать тем цветам, которые наиболее часто присутствовали на исходной фотографии. Получится такая абстрактная живопись: может быть, она кого-то и привлечет, потому что будет, полностью уничтожая смысл, передавать настроение.

Бывают и ситуации, когда мы вынуждены идти на потерю качества по причинам технологического характера. Например, у нас есть достаточно места для хранения сколь угодно хорошего видео, но нам надо транслировать его в Интернете в режиме реального времени (допустим, это запись с камер видеослежения), а пропускная способность канала составляет у нас обычные 256 КБ/с (то есть 2 Мбит/с). Это значит, что на каждый кадр (исходя из 24 кадров в секунду) у нас есть чуть больше 10 КБ, и, как ни крути, качеством придется жертвовать. Всё будет отлично видно (в таком качестве можно и фильмы смотреть), но каждый конкретный стоп-кадр не будет изображением шедевра. Ну, а если в нашем распоряжении

не двухмегабитный канал, а только старый модем? Тут уж предстоит делать нелегкий выбор: либо транслировать непрерывно разноцветную кашу, в которой можно будет разобрать разве что какие-то силуэты, либо, например, делать и отправлять снимки с определенными интервалами. Наверное, с точки зрения решения задачи видеослежения второй подход окажется более оправданным. У охранника на пульте картинка будет обновляться только раз в несколько секунд, но он хотя бы сможет различать лица.

Так вот, представительная демократия — это примерно то же самое: берется 140 млн человек и делается снимок, который «весит» 450 байт. Просто потому, что лучше снимок аппаратура не позволяет сделать, и всё тут — технологические ограничения! Более того, такие снимки делаются один раз в пять лет, но с последовательностью этих снимков ужасного качества (на них видны только цвета политического спектра и, может быть, самые грубые контуры или векторы настроений), мы пытаемся работать как с данными о реальных настроениях граждан России. Власть смотрит этот альбом с фотографиями и пытается как-то понять, что в стране происходит. С технологической точки зрения это ужасно. Это очень плохая передача реальности, абсолютно неадекватная, поскольку картинка каждую секунду меняется, а каждый снимок был сделан единообразно. Это свидетельство того, насколько нас ограничивает несовершенство технологий.

II

ТЕХНОЛОГИИ

7. Демократия в эпоху современных технологий

На протяжении всей предыдущей части мы говорили о современной демократии как о безуспешной попытке преодолеть последствия грубой и неизбежной в доинтернетовскую эпоху аппроксимации. Но конкретные примеры показывают, что аналогичные проблемы в разных странах и в разных сферах возникали не раз и неизменно решались человечеством за счет создания сетевых, облачных структур. Более того, хотим мы того или нет, сетевые технологии проникают и в политическую жизнь, безвозвратно трансформируя ее.

Посмотрим на технологические перемены, на то, что изменилось в нашей политической жизни по сравнению с XIX веком. В то время люди уже жили большими сообществами. Уже существовали СМИ, то есть люди получали информацию о том, чего они не видели, причем более-менее регулярно. Но как они могли узнать, за кого они голосуют?

На самом деле удивительно, что в XVIII и XIX веках в США уже всенародно выбирали президента.

По сей день выборы в США проходят по вторникам. Выбор именно этого дня недели неслучаен. В XVIII веке, когда избирательная система зарождалась, избирателю зачастую требовалось не менее дня пути, чтобы просто прибыть на ближайший избирательный участок. Вот и выработалась устоявшаяся в столетиях традиция: в воскресенье джентльмен, естественно, шел в церковь, а в понедельник утром запрягал в телегу лошадку, и начинал свой непростой путь к демократии, чтобы во вторник проголосовать.

Только представим себе: страна огромная, люди живут в деревнях, и максимум, что может позволить себе человек, баллотирующийся на какой-то пост в системе власти, — сесть на лошадь, ездить по деревням и выступать на площадях. Что об этом человеке мог знать житель деревни? Что приехал джентльмен, выступил, сказал какие-то правильные вещи. При этом сельский житель не мог знать, что сказал этот джентльмен в другом месте. Да, были журналисты и СМИ, но где взять газеты другой местности? Это сейчас мы можем зайти в Интернет и прочитать прессу со всего мира. Тогда все было иначе: была своя деревенская газета, и максимум раз в неделю в деревню привозили что-то федеральное, как это сейчас называют. Дальше человек оставался заложником того, что ему принесли. Все основывалось на том, что пресса честная и джентльмены тоже честные. В каком-то смысле это была вынужденная договоренность — единственно возможная коллективная стратегия, которая вообще была способна как-то обеспечить функционирование политической системы в той ситуации. Если исходить из мнения о том, что все врут, тогда вся эта система получения информации и выборов на ее основании становилась абсурдной.

Так вот, о том самом джентльмене, который говорит на площади правильные вещи, газеты пишут, что у него чудесная жена и дети, а сам он прекрасный человек. И жители решают голосовать за него. Но откуда им было знать, что все это правда? Возможно, этот джентльмен многоженец, алкоголик, мошенник, в соседней деревне он сказал совсем другое, а его команда — это аферисты, жулики и пьяницы. Но все это люди того времени могли узнать только в том случае,

если бы у них был кем-то организованный доступ к альтернативной информации.

Это очень важный момент — люди не имели свободного доступа к информации, в лучшем случае они могли получить альтернативную информацию, распространяемую кем-то в своих интересах. Весь XIX век Америка просуществовала благодаря дикой и непредставимой сейчас презумпции честности, которая на уровне общественного договора всеми соблюдалась. К концу XIX века, когда Марк Твен написал рассказ «Как я собирался стать губернатором», это уже прошло. К середине XX века, когда появился замечательный роман «Вся королевская рать», там уже существовали телеграф и телефон, и к этому моменту тренд уже был таков, что все врут.

Перенесемся в более позднее время и другую страну на этапе становления демократии: что такое были выборы в перестройку, в конце 80-х и начале 90-х? Человек писал свою биографию и подробную программу, расклеивал ее в подъездах домов, жильцы которых все это читали. Это было совсем недавно, но уже сейчас в такое с трудом верится: на выборах советов народных депутатов всех уровней в 1990-м году государство само формировало избирательные фонды всех кандидатов в равном объеме, и именно на эти деньги те листовки и печатались.

Партийная газета в это время писала, что нужно поддержать первого секретаря обкома партии товарища Имярек, и тут же в листовках писали, что не нужно голосовать за коммунистов. Возникали случаи, когда действительно заслуженных людей не избирали только потому, что они были коммунистами. Бывало и так, что вместо них избирали тех, кто вовремя подсуетился, раскидал листовочек и на этой волне проехал, а в

дальнейшем показал свою полную некомпетентность и неспособность к управлению.

Но что, собственно, должны были делать люди? У них были очень ограниченные источники информации: государственное телевидение, государственная пресса и какой-то самиздат. Важно, что самиздат тогда и сейчас — это разные вещи. Тогда это была просто альтернативная информация с непроверяемой степенью достоверности, то сейчас информационное поле позволяет проверять практически любую информацию. Например, если сегодня какой-то человек заявляет о себе как о претенденте на власть и сообщает, что он учился в такой-то школе и был отличником, то мы можем забить эту информацию в поисковик и найти 20 блогов его одноклассников, в которых они пишут, что этот человек был второгодником и негодяем. Или просто найти его одноклассников в одной из социальных сетей и прямо их спросить, каким парнем он был.

Интернет позволил всем людям иметь равный доступ к информации, не только к положительной, которая распространяется целенаправленно, но и той, распространение которой в обычной ситуации интенсивно пресекается.

Рассмотрим вот какой момент: до самого последнего времени некий человек, даже политик, мог общаться с людьми лишь до тех пор, пока он сохранял с ними физический контакт — прямой или опосредованный. Как только политик становился эмигрантом, все, что ему оставалось делать, — это на коротковолновых передатчиках что-то вещать из-за границы — если у него была такая техническая возможность. А в более ранние времена — печатать газеты и листовки и контрабандно засылать их на родину. Скажем прямо,

оба пути весьма затруднительны и прежде всего — для интерактива. Ибо подпольная листовка могла быть прочитана человеком, однако мог ли он связаться с ее автором без прямого для себя риска? Но главное — они требуют ощутимых затрат, которые могут стать непреодолимым препятствием.

Сейчас все просто и дешево: любой человек может уехать в любую точку мира и оттуда продолжать общаться со своими согражданами в прежнем режиме или с небольшими сложностями. Впервые за всю историю человечества возникла возможность прямого контакта избирателя с политиком, в то время как раньше политик был равносителен портрету на стене, ему можно было писать письма, но пообщаться с ним можно было только на митинге, стоя в толпе. Ну или на какой-то ритуальной церемонии.

Неизбежно придется вспомнить Гитлера. Конечно, не в смысле моральных качеств, а с точки зрения технологической это идеальный политик доинтернетного и даже дотелевизионного времени. Что он делал? Он ездил и выступал: выступал по радио, выступал лично, перед разными аудиториями. Таким образом он контролировал некий массив своих сторонников, которые не знали правду о нем, поскольку у них не было доступа к полной информации. Он мог рассказывать им абсолютно что угодно о своей молодости: что он был бедный, что он страдал, что он жил впроголодь, хотя это было неправдой, и сейчас бы это не прошло. Сейчас есть Facebook, и журналисты могли бы найти одноклассников Адольфа Гитлера. Притом что он занимался политикой в Германии, а свои молодые годы прожил в Австрии, и что там происходило, жители Германии знать не знали. Зато сейчас все просто: за-

шел на «Одноклассники» или в Facebook и спросил: «А помните, у вас учился Адольф Гитлер?» — «Конечно, помним — редкостная скотина». Предположим, что именно так ответили бы одноклассники Гитлера. Но тогда это было невозможно, и человек оказывался заложником того, что политик — это идеальная картинка, им же самим нарисованная. Прямого контакта не было, возможности постоянного общения не было, высказать свое мнение человек мог только опосредованно — через систему выборов. И вот мы получаем систему представительной демократии: голосуем непонятно как, непонятно за кого, и непонятно, почему этот человек должен где-то представлять якобы наши интересы. В итоге вся история нам показывает: получалось всегда не так, как голосовали люди, а по-другому. В 1991 году у нас был референдум, по итогам которого жители СССР хотели сохранить Советский Союз, однако к концу года он развалился, и никаких многомиллионных восстаний в стране не произошло.

Сомнительно, что в 1917 году большинство русских крестьян так уж ненавидели Николая II. Во всяком случае, они не были так злы на него, как петербургское общество, которое действительно люто ненавидело царя. Крестьянам же по большому счету было все равно. Но их никто не спрашивал, поскольку технически это было невозможно, да и самая идея спросить всех тогда еще не казалась такой уж очевидной, поэтому их поставили перед свершимся фактом. В 1991 году большинство жителей СССР, возможно, не хотели распада своей страны и даже сообщили об этом власти в ходе референдума, но в итоге их мнением просто пренебрегли. Это и есть главная проблема современной политики: когда политику удобно, он может ссылаться на

мнение своих избирателей, а когда нет — поступать по своему усмотрению. Во втором случае крайне сложно доказать, что избранник действует против волей избравших: его мандат легитимен, а реальных механизмов учета изменений настроения избирателей просто не предусмотрено.

Одним из важнейших явлений современной общественной жизни можно считать трансформацию публичности. В данном случае мы говорим о фундаментальном изменении восприятия обществом публичной персоны.

Представим себе монарха, живущего в XVIII веке, и современного европейского монарха. Что мы обнаружим? Монарх прошлых веков был для своих подданных и для внешнего мира в целом не более чем иконой, лишённой каких-либо личностных черт.

Самый характерный пример в русской истории — император Петр III. Реальный Петр был немецким принцем Петером Ульрихом Гольштейн-Готторпским, по стечению случайностей оказавшийся на российском престоле. Все его правление длилось всего полгода — со смерти императрицы Елизаветы и до переворота, совершенного его женой, будущей императрицей Екатериной II. Историки до сих пор спорят, каким на самом деле был несчастный Петр, но в данном случае не об этом речь. Важно, что после трагичного ухода с политической сцены и из жизни, он стал знаменем для ряда антиправительственных выступлений (всего было около сорока самозванцев, выдававших себя за выжившего Петра), самое известное из которых — восстание Емельяна Пугачева. Как можно объяснить, что огромное количество крестьян было готово поверить, что уцелевший немецкий принц Петер Ульрих способен возглавить народное восстание против власти,

обещая своим последователем справедливую и сытую жизнь? Почему люди поверили, что возвращение на русский престол гольштейнского герцога – это гарантия исполнения их чаяний?

Никакого представления о Петре как человеке у большинства его подданных не было да и не могло быть. Для них он был Петром Федоровичем Романовым, внуком Петра Первого. О внешнем виде императора можно было судить только по малочисленным портретам и изображениям на монетах, но многие ли крестьяне видели эти портреты и монеты? Ничего плохого за полгода пребывания у власти Петр сделать не успел. Более того, за эти полгода был обнародован как минимум один важный документ, который сформировал привлекательный образ императора: манифест о вольностях дворянству, породивший в крестьянской среде надежду, что следующий манифест будет о вольностях для крестьянства. Естественно, когда такого манифеста не последовало, а сам император был устранен, народное сознание нашло всемоу объяснение: злые бояре не дали доброму царю освободить крестьян. Таким образом, реальный Петр Третий был для 99,9 процентов его подданных неким абстрактным образом «добраго царя», которого незаконно решили престола и не дали сделать жизнь людей лучше. К реальному человеку, со всеми его достоинствами, недостатками, личной жизнью, мировоззрением и отношением к людям все это не имело никакого отношения.

Теперь посмотрим на современную монаршую семью в любой европейской стране: это люди, которые живут в режиме постоянного реалити-шоу, а потому «ходят по струнке» и совершают только правильные поступки. За элементарные проступки, которые прощаются любому человеку, они должны каяться, а общество еще и фыркает, что они не соответствуют высочайшим моральным стандартам и вообще дорого обходятся. И это притом, что монархи, например,

в скандинавских странах живут достаточно скромно, хуже многих собственных подданных.

Аналогичным образом можно сопоставить римского папу, живущего во времена Средневековья, и современного римского папу. Покойный Иоанн Павел II оставался публичным буквально до последнего дыхания, хотя у него была болезнь Паркинсона, и в старые времена он бы просто перестал появляться на людях и тихо доживал век в дальних комнатах Апостольского дворца. При этом печальную правду о фактической недееспособности римского первосвященника знал бы довольно узкий круг церковной и светской знати, ну, может быть, по Риму ходили бы какие-то слухи. В начале XXI века ситуация оказалась совершенно иной. Информационное общество, с одной стороны, требовало, чтоб папу постоянно предъявляли страждущим его видеть католикам, с другой — позволило превратить его болезнь и даже смерть в своеобразное пропагандистское шоу.

Между тем историки сообщают нам, что римские папы в Средние века занимались чем угодно, но только не добрыми делами и не молитвами. Тогда это было возможно, потому что для какого-нибудь католика, живущего в Латинской Америке, римский папа был немногим ближе и реальнее, чем Дева Мария. Возвращаясь к нашему примеру с аппроксимацией изображения на мониторе, для этого католика римский папа — это один ослепительно-белый пиксель, который ему показали один-единственный раз в жизни. Это была аппроксимация всей католической жизни. Именно поэтому римские папы могли жить вполне свободно, не беспокоясь о своей глобальной репутации — просто потому что не было никаких механизмов, которые бы могли разрушить эту самую репутацию.

Вообще большую часть истории человечества власть была абсолютно отделена от общества и существовала в двух измерениях: как человеческая жизнь властной элиты и как набор внешних символов. И между символической формой и ее реальным содержанием могло и не быть ничего общего.

Сегодня рядовой гражданин в западном мире ведет свою частную жизнь, он может быть алкоголиком и наркоманом, но при этом он же требует от власти максимальной чистоты и прозрачности. Современный мир — впервые в истории! — вплотную приблизился к тому, что монархи и римские папы действительно стали образцом для подражания. Мы подошли к тому, что публичные персоны вынуждены быть гораздо честнее, чем им бы самим хотелось.

Так происходит в самых развитых информационных обществах, в которых информационные технологии оказывают сильнейшее влияние на жизнь людей. При этом, конечно, есть страны, которые до сих пор живут состоянии доинформационного общества, когда на стенах висят портреты вождей.

Мы считаем, что из этого состояния рано или поздно должны выйти все люди, потому что Интернет и весь комплекс информационных технологий позволяет получать гораздо более полное представление о происходящем и делает людей более осведомленными об окружающем мире, о реальном положении дел в своей стране и о том, кто и почему ими правит. События зимы и весны 2011 года в странах арабского мира как раз и показали, как стремительно меняется общество и как быстро устаревают прежние правила игры.

Еще недавно людям говорили: где-то там есть наши интересы, есть земля, за которую мы должны биться и умереть. Теперь люди своим глазами видят: вот она, та

самая земля, и могут осмысленно ответить на вопрос: готовы ли они умереть за нее? Если сейчас человек хочет получить информацию, он ее может получить — это презумпция информированности. В любой стране мира, в том числе и в России, имея доступ к Интернету, человек может получить максимально полную информацию. Более того, он может получить доступ к экспертным мнениям, альтернативным официальной точкам зрения.

Вот конкретный пример. В советское время шла передача «Международная панорама»: в студии сидели политологи, обсуждали, например, демонстрацию в Германии и делали свои выводы — в Западной Германии все плохо. Сейчас мы можем зайти в Интернет и узнать, что на самом деле в Германии были совсем не те демонстрации, не из-за тех причин и что эксперты в действительности несли полную ерунду. Поэтому когда нам говорят, что народ пассивен, возникает вопрос: а все ли эти люди имеют доступ к информации? И что самое главное — к какой информации? До сих пор еще для многих людей официальные СМИ, такие как «Первый канал» и «Россия», являются единственными источниками информации, которые формируют их мнение. И пока эта тенденция сохраняется, то, о чем мы говорим, — это будущее, но все равно недалекое. Есть линейный путь получения информации, а есть сетевой. Пока мы используем линейный путь и получаем информацию по проводам и по рельсам, мы живем в прошлом. Как только мы попадаем в сеть, где информации много и она разная, рушится не только информационная картина мира, но и все устои линейного общества.

8. Модели самоорганизации

Один из главных аргументов противников прямой демократии — это отрицание самой возможности того, что люди могут организовываться и решать свои проблемы без вертикально выстроенных институтов внешнего контроля и учета. Однако это опасение не подтверждается практикой.

Приведем в качестве примера две высокоорганизованные и эффективные структуры, действующие вопреки стандартным вертикальным схемам в современном мире.

Первая из них — это *хавала*, неформальная финансово-расчётная система, используемая преимущественно на Среднем Востоке, в Африке и в Юго-Восточной Азии. В Китае ее называют *фэй чьен*, на Филиппинах *падала*, в Пакистане *худж*, в Таиланде *фей кван*. На иврите слово *хавала* означает «посылка», с арабско-го это слово можно перевести как «расписка».

Эта система сформировалась в Индии задолго до появления западной банковской системы и до распространения западного банковского дела на Востоке. Используется эта система расчётов в основном иммигрантами, зарабатывающими на Западе и отсылающими деньги родственникам.

Хавала основана на переводе денежных средств путём однократных уведомлений — в виде письма, телеграммы или телефонного звонка. Материальные ценности в виде денег, золота и драгоценных камней перемещаются из страны в страну без сопроводительных финансовых документов. В силу того что все финансовые транзакции осуществляются методом взаимозачёта или при личных встречах (второе случается

значительно реже), то отследить эти потоки государственные контрольные органы не в состоянии.

На практике это выглядит следующим образом. Иммигрант, желающий отправить деньги на родину, обращается к известному в общине человеку, который является брокером системы. Он сообщает координаты родственников и передает деньги. Брокер (назовем этого почтенного человека так) после получения денег отправляет своему партнёру в стране назначения платежа сообщение. Сообщение содержит только сумму, имя получателя платежа и код (чаще всего порядок цифр на купюре).

Родственникам иммигранта достаточно прийти к ближайшему оператору этой системы и назвать код платежа. И деньги получены, без всякого участия мировой финансовой системы.

Предполагается, что всего в мире действует около 5000 брокерских пунктов хавалы. Оставим за скобками правовые аспекты этой деятельности, зафиксируем только, что параллельно с глобальной финансовой индустрией существует и такая вот система. Точнее, множественные системы: понятно, что схема хавалы работает в рамках общины, и едва ли китайский иммигрант пойдет слать деньги на родину через филиппинскую общину.

В чем-то похожая система уже много лет функционирует в Индии и называется *даббавала*. Даббавалами называются и задействованные в системе люди.

Главный смысл всей структуры — доставка рабочим и служащим в центре Мумбая обедов, приготовленных для них у них дома. Пользование услугой позволяет решить две проблемы: не брать еду из дома утром (потому что до обеда она может испортиться, да и просто будет несвежей) и не пользоваться услугами общепита

(кто видел индийский общепит, тот поймет, что есть там — это действительно не самая лучшая идея).

Даббавалы-сборщики, объезжая до тридцати домов, где их знают в лицо, собирают судки с обедами, на которые наносятся простые символные или цветные метки, не требующие для их понимания умения читать. Собранные судки доставляют к месту их сборки. Там они распределяются другими даббавалами по железнодорожным станциям назначения, при необходимости перемечаются и общественным транспортом, обычно железнодорожным, перевозятся на станции, где забираются местными даббавалами, которые и доставляют (тоже на велосипеде или мопеде) судки по месту назначения, а потом собирают пустые и отправляют их обратно.

Доставка происходит по расписанию, которое должно выдерживаться до секунды! И выдерживается, несмотря на то что нет никакого учета по нормам современной логистики. Все делается с максимальной скоростью и эффективностью при участии минимально возможного количества людей.

Обе эти системы говорят нам, что альтернатива всегда есть — даже в мире финансов и логистики. То, что в России делается путем заполнения кучи документов, которые все равно будут потеряны, как оказывается, можно сделать очень просто — без бюрократии и очень эффективно. Но есть одно важное обстоятельство: если во всей длинной цепочке окажется один бесчестный или просто неаккуратный человек, все рухнет. Таким образом, не веря случайным людям (а в огромном мире мы все для большинства — случайные люди), мы вынуждены жить в мире бланков и все более громоздких вертикальных схем.

Приведенные примеры, по нашему мнению, иллюстрируют мысль о модификации общественных институтов в зависимости от технологических возможностей общества. У индийского общества нет никаких способов контролировать правильность доставки продуктов, а доставлять надо — поэтому складывается система взаимоотношений, построенная на честности. Люди очень трудно вырабатывают общественные договоры, распространяющиеся на большие человеческие массы, но если «припрёт» — то есть когда альтернатива заключается в том, что либо будет система, основанная на договоре, либо не будет вообще никакой — то договор возникает. Подобным же образом законом было и купеческое слово в XVIII–XIX веках в России: всё равно не было эффективных судов, всё равно не было способов решать споры вне зависимости от количества печатей на бумаге, поэтому честность оставалась единственным выходом — или бы торговый бизнес просто не существовал.

Но что происходит по мере того как технологические возможности совершенствуются? Начинают становиться более сложными и взаимоотношения. Как говорится, где раньше был один бухгалтер со счетами, теперь сидят десять с компьютерами. И это действительно так: раньше государство просто не запрашивало с предприятий и 5% той документации, которая запрашивается сейчас, просто потому, что у государства не было никакой возможности эти данные собрать и обработать, а главное, оно прекрасно знало, что у предпринимателей нет никакой технической возможности эти данные предоставить. Теперь возможность есть — и документооборот увеличивается в десятки раз.

Другой пример вынужденного отказа от процедур, которые вообще-то кажутся полезными, — использование пластиковых карт или чековых книжек буквально несколько десятков лет тому назад. Это сейчас все транзакции проходят электронную проверку: система делает запрос банку держателя карты, тот подтверждает наличие на счете достаточного количества средств... Раньше же — не так. Покупатель выписал чек или предъявил карту — и этого достаточно, чтобы считать, что деньги у него есть. И ничего, так работала система безналичных расчетов. Но, конечно, когда технологические возможности все контролировать появились, система стала все контролировать. Стала ли она от этого лучше? Не факт! Вполне возможно, что если посчитать «по кругу», то мы обнаружим: совокупные издержки на обеспечение контроля превосходят те совокупные потери, которые раньше случались в системе из-за нечестности отдельных ее участников. Просто раньше из-за рисков в систему допускались не все — чековая книжка или пластиковая карта были символом принадлежности к определенным слоям общества. Сейчас же они доступны любому — все равно возможности махинаций сведены к минимуму.

Так вот, то же самое и происходит и с демократическими процедурами и институтами. Например, выборы: мы видим в телевизионной трансляции, как проходят первые демократические выборы в Южном Судане — к палатке тянется очередь плохо одетых людей, им на руке ставят крестик, что они проголосовали, эти люди (большинство — неграмотные) чуть ли не вслух говорят о своем выборе. Минимум процедуры — но это тоже выборы. У нас — сотни страниц федерального и регионального законодательства о выборах, строжайшие процедуры, детализирующие

всё — от процесса изготовления и распределения по комиссиям бюллетеней до всех тонкостей процедуры подсчета голосов и заполнения итогового протокола. Права и статус наблюдателей, порядок информирования избирателей о доходах кандидатов, принципы оформления избирательных кабин, порядок голосования на дому, участие политических партий в формировании избирательных комиссий... тысячи норм, деталей, институтов, выверенных многолетней практикой и теорией. Результат? С точки зрения свободы волеизъявления, качества отражения воли избирателей, репрезентативности итоговых протоколов получается когда чуть лучше, а когда и гораздо хуже, чем в Южном Судане. По затратам и тонкостям — в сотни раз сложнее и дороже.

Наращение сложности со временем является неременным атрибутом эволюции биологических, социальных и технологических систем. Однако эволюция технологических систем одновременно носит ярко выраженный циклический характер. В поисках большей функциональности сложность нарастает и копится до нового технологического прорыва, который знаменует очередной виток эволюции. На этом новом витке все накопившиеся наслоения безжалостно отбрасываются, новая базовая технологическая парадигма заступает на место старой и начинает понемногу совершенствоваться и усложняться. Эволюция технологий протекает в основном под давлением законов бизнеса, которые вынуждают резко отказываться от всего устаревшего, а кроме того, смена парадигм происходит достаточно быстро, чтобы старые не успели слишком глубоко войти в жизнь и стать непрекращаемой традицией для всего общества (хотя клубы любителей фотоаппаратов «Ломо» и виниловых пла-

стинок благополучно существуют). Даже и здесь есть исключения, которые подтверждают правило: «синяя печать» в деловом документообороте давно утратила практический смысл, который веками вкладывался в заверяющий оттиск на документе, гарантирующий его уникальность и неизменность. Соответственно, в эволюции социальных институтов сила традиций еще более ярко выражена, любые изменения происходят медленнее, а многие устаревшие технологические подходы сакрализировались в ходе многовекового использования.

В этом смысле важно понимать: **сложность общественных институтов не является достижением сама по себе и не обеспечивает их качественной работы. Очень часто общественные институты сложны только потому, что технологический уровень позволяет им быть сложными.** И это вовсе не значит, что того же результата нельзя добиться с много меньшими затратами.

9. Сетевые структуры и смена парадигм

Сетевые, или облачные, структуры стали одним из самых захватывающих новшеств нашего времени, но в каком-то смысле они совсем не новы для человечества. Точнее сказать, наше время облекло в удобную и общедоступную форму то, что в прошлом было организовано гораздо сложнее и причудливее.

Потребность в сетевых структурах всегда ощущалась людьми, особенно их активной частью. В каком-то смысле любопытной попыткой выстроить социальную сеть внутри постоянно расширяющейся вовлеченной в общественную жизнь тусовки стали тайные общества.

В чем суть классического тайного общества, например масонского, в развитой политической системе — допустим, в английской, американской или французской демократии XVIII–XX веков?

Фактически речь шла о попытке возродить на новом уровне более древнюю систему, когда обществом управлял узкий круг аристократии, связанной между собой родовыми и феодальными связями. Эти связи были своего рода гарантией, что человек понятен и управляем. Юноша приезжал ко двору из глухой провинции, представлялся — королевский двор видел, что человек из понятного круга, с понятным воспитанием и что если он будет себя неправильно вести, то на него можно найти управу. Как минимум старший мужчина в роду всегда сможет вправить ему мозги в приватном разговоре. Опять-таки все про всех все знали, и потому аристократы вынуждена была соблюдать правила в отношении друг друга, рискуя в ином случае стать изгоями.

К XVIII–XIX векам в политические процессы стали вовлекаться более широкие круги общества — купцы,

промышленники и т.д. Людей в элите стало физически больше, и старые правила внутренней самоорганизации перестали работать. Для успешного отправления власти надо было устанавливать связи между старыми и новыми элитами, создавать какие-то новые коммуникационные системы и социальные сети.

Осмелимся высказать предположение, что тайные общества и стали той самой социальной сетью, через которую не соприкасающиеся в реальной жизни слои элиты могли узнать друг друга и решать вопросы, опираясь не только на публично оглашенные правила, но и на личные связи и гарантии среды. Несомненно, это совершенно антидемократический процесс, о чем постоянно напоминали разоблачители масонства. Но, глядя с вершин нашего времени, надо признать, что играть по публичным правилам в условиях отсутствия гарантий того, что другие игроки их соблюдают, довольно опрометчиво, а добровольное принятие на себя обязательств и правил в рамках тайного общества стало новилось той самой гарантией.

Итак, рассмотрим масонство как аналог современной социальной сети для профессионалов. По сути, структура та же самая: сначала человек получает приглашение (в современных электронных сообществах — «инвайт») от каких-то своих друзей, которые гарантируют другим участникам сети, что человек готов играть по правилам. Дальше он проходит ритуальные посвящения — в современной ситуации это аналог регистрации аккаунта и выбора аватара, никнейма и т. д. Далее он постепенно получал доступ ко все новым кругам связей, то есть у него рос рейтинг внутри сети. Естественно, знакомства внутри сети имели продолжения в реальной жизни, и человек на-

чинал делать карьеру или бизнес, опираясь на связи и рекомендации, полученные внутри сети.

Помимо этого, сеть служила гарантией соответствия некоторым критериям. Более того, заручившись рекомендательными письмами, можно было получать выходы на широкий круг людей в других регионах и странах. Естественно, технологические проблемы вносили свою поправку, так что в итоге проходимцев и аферистов хватало везде, потому что документы можно подделать, а запросы и уточнения могли идти очень долго.

С другой стороны, с любым тайным обществом рано или поздно происходит одно из двух: или в нем оказывается слишком много членов, и снова прямые коммуникации исчезают и в итоге никто ничего ни про кого не знает, или же общество все сильнее изолируется от социума, маргинализируется, и неизбежно теряет влияние.

Другой аналогией могут служить преступные организации — там тоже все про всех все знают, но, какими бы они ни были эффективными, рано или поздно возникает та же проблема: или в шайке становится слишком много народа, и она теряет управляемость и эффективность, или структура костенеет, теряет эффективность и в итоге все равно проигрывает.

В этом смысле современные электронные социальные сети способны совместить в себе и возможность прямых коммуникаций между участниками, и бесконечное количество их участников. Любой может найти любого и получить большое количество информации о любом — минуя посредников.

Таким образом, современное нам общество вплотную приблизилось к тому, чтобы обрести все те качества и возможности, которых ему не хватало всю предыдущую историю. Сейчас главное — это осознать, что мно-

гие привычные нам атрибуты и процедуры отнюдь не необходимы, ибо порождены не их внутренней обусловленностью, а внешним техническим несовершенством.

Ниже мы рассмотрим один чрезвычайно любопытный пример, который не связан с политикой, но очень рельефно показывает, каким образом весьма консервативная сфера деятельности спустя многие столетия после стабилизации своих процедур и практик может неожиданно осознать, что мир полностью изменился и в этом мире гораздо выгоднее отбросить старые процедуры и развить новые.

Наш пример довольно далек от рассматриваемого нами предмета и может показаться несколько надуманным. Однако мы все-таки предлагаем ненадолго отвлечься от политики и вспомнить о том, как развивался бизнес. Потому что бизнес — это та сфера человеческой деятельности, в которой отжившие и старые нормы отбрасываются быстро и безжалостно, и это не вызывает такой полемики, как трансформация общественных институтов.

Сначала бизнес был очень простым: я тебе булку хлеба, ты мне сапог, я тебе вторую булку, ты мне второй сапог. И постепенно становился все более сложным, комплексным, и в нем появлялись различные инструменты. В XV веке уже существовали не только наличные деньги, но и акции, банки, займы, сложные финансовые инструменты, такие как векселя и фьючерсные обязательства, существовала и налоговая служба. Естественно, так было не везде, а в развитых центрах, в первую очередь в городах Северной Италии. Велись огромные бухгалтерские книги, была развитая система учета. И вот в 1494 году ученый монах-францисканец Лука Пачоли придумал вещь, на которую бухгалтеры всего мира молятся до сих пор, — она

называется «двойная запись». Он предложил каждую бухгалтерскую проводку отображать дважды: в дебете и в кредите. Появилось понятие корреспонденции счетов бухгалтерского учета.

Для чего нужна была двойная запись? Она была нужна для налогового учета. Если человек сжег свой гроссбух, то по всем остальным имеющимся во Флоренции гроссбухам можно восстановить все сведения и правильно исчислить размер налога. При использовании двойной записи гораздо сложнее уклониться от налогообложения. Является ли двойная запись прогрессом? Очень сложно ответить на этот вопрос, поскольку вся работа бухгалтеров удвоилась. С одной стороны, появилась возможность для самоконтроля, с другой — учет существенно усложнился. Прежде всего это было необходимо для государства, чтобы оно дальше процветало. Если бы была возможность не придумывать двойную запись, а каким-то другим образом проверять, кто и сколько совершил операций и каким налогом должен быть обложен, надо было бы ее изобретать? Нет, конечно. Таким образом, если представить себе, что существует бог Меркурий, который всё про всех знает и всегда информирует налоговую инспекцию о всех совершенных операциях, то в этом случае двойная запись была бы не нужна. Но поскольку такого Меркурия не существует, налоговой службе Флоренции приходится настаивать на том, чтобы все хозяйствующие субъекты ввели у себя двойную систему учета.

Насколько сильно ситуация изменилась за первые 500 лет, с 1494 по 1994 год? Правильный ответ — да ни насколько, с технологической точки зрения ситуация не изменилась никак. Да, появились компьютеры, и к концу XX века вся бухгалтерия стала вестись в компьютерах. Но эти компьютеры последовательно авто-

матизировали всё ту же самую двойную запись, только с помощью специальных программ. На смену бухгалтерским бумажным гроссбухам пришли точно такие же гроссбухи, только электронные.

Изменилось ли что-то за последние несколько лет? Да. С технологической точки зрения за последние несколько лет — по сравнению с первыми пятьюстами — всё изменилось кардинально: двойная запись стала просто не нужна. Появление компьютеров не изменило ничего, просто появились более мощные счеты. Появление Интернета изменило всё.

Сейчас и в Европе, и в России активно создаются электронные коммерческие пространства, когда мы на каком-то сервере, доступном для контролирующих органов, проводим все операции: сначала выставление счетов в электронном виде, потом проведение платежей тоже в электронном виде. Таким образом, субъекты такой электронной хозяйственной деятельности могут уже не вести у себя никакого громоздкого официального бухгалтерского учета — система выполняет роль описанного выше Меркурия. Это он «стучит» в налоговую и говорит, сколько должен заплатить купец Иванов. Автоматически формирует счета, платежные поручения и перечисляет со счета участника системы электронного взаимодействия соответствующую сумму налоговых платежей. Конечно, это пока тоже некий еще не достигнутый идеал, но, по оценкам экспертов Евросоюза, достижимый к 2015 году. Технологических препятствий нет никаких, есть только психологические.

Переход к электронным взаиморасчетам и электронному документообороту на удаленных серверах — это новая технологическая парадигма, которая возникла буквально в течение последних 10 лет и сейчас вытесняет прежнюю, которая просуществовала более

500 лет в неизменном виде. И сейчас все в самом деле могут вздохнуть с облегчением: отказаться от учета, который велся только в целях налогообложения, отнимаемая кучу трудовых ресурсов, и сосредоточиться на управленческом учете, важном для развития бизнеса. В управленческом учете двойная запись не нужна! Однако за последние 500 лет все технологии ведения бухгалтерского учета оказались настолько сильно вбиты в голову, что бухгалтеры до сих пор не могут понять и принять новую систему.

И тем не менее слом технологической парадигмы происходит прямо сейчас, и он неизбежен. Двойная запись (как и многие другие инструменты бухгалтерского учета) была придумана в свое время не от хорошей жизни, а потому что иначе было нельзя. Сейчас можно и иначе.

Вернемся теперь к политике и предложим смелую аналогию с вышеизложенным. Три тысячи лет, начиная с греческих полисов, совершенствовалась представительная демократия, все дальше и дальше уходя от идеалов прямой демократии, все в меньшей и меньшей степени оставаясь народовластием. Это делалось для того, чтобы устранить технологические ограничения, о которых мы уже говорили. И действительно, примерно до 2005 года нельзя было предложить никакую другую технологическую альтернативу, и человечеству ничего не оставалось, кроме как принимать представительную демократию со всеми ее институтами, к которым мы к тому же так привыкли.

Однако сейчас такая технологическая альтернатива появилась. Как и в случае с двойной записью в бухгалтерии, мы можем взять и одним шагом вернуться в изначальное состояние — к прямой демократии — на новых технологических платформах. Возможность каждого че-

ловека принимать непосредственное участие в прямой демократии, кликая мышкой по субботам и воскресениям в течение получаса в компьютерных политических игрушках, может войти и в нашу повседневную жизнь, и полностью изменить общественную жизнь.

Но готово ли человечество к такому шагу? Психологи давно доказали, что игровая активность человека — это подготовка его к будущей осмысленной деятельности. В наше время миллионы (если не миллиарды) людей часто или редко играют в компьютерные игры. Несмотря на то что наибольший успех имеют пресловутые «стрелялки», значительный интерес вызывают и стратегические игры, в той или иной степени являющиеся вариациями «Цивилизации». В рамках таких игр участник оказывается в положении руководителя государства или армии и должен принимать решения по широкому спектру вопросов, причем делается это на основании выдаваемой компьютером информации и оформляется путем нажатия одной из предлагаемых клавиш.

Кроме того, существует особый сегмент многопользовательских онлайн-стратегий, в том числе и политических. В них игрок фактически становится гражданином виртуального государства и в рамках игры ведет, в несколько упрощенной форме, обычную социальную жизнь — платит налоги, избирает, избирается, участвует в обсуждениях, воюет, работает и т. д.

При всей спорной ценности такого рода досуга несомненно одно: такие игры уже сейчас готовят человечество к политической системе ближайшего будущего.

В первом приближении предлагаемая нами модель политической системы — это смесь социальной сети и интерактивной политической стратегии в реальном времени. В заключительной части мы рассмотрим эти идеи конкретнее.

10. Электронная подпись

Конечно, само по себе успешное функционирование социальных сетей и компьютерных игр, симулирующих демократические процессы в виртуальной реальности, отнюдь не делает простой задачу реализации соответствующих механизмов в электронной прямой демократии, о которой мы мечтаем. Однако все технологические механизмы к настоящему времени уже созданы.

Рассмотрим подробнее один важный пример.

Предлагаемая нами модель электронной прямой демократии предполагает регулярное участие каждого избирателя в решении тех или иных вопросов в удаленном режиме, со своего домашнего компьютера или мобильного устройства. При этом, естественно, встает вопрос об аутентификации этого избирателя. Механизм существует уже сейчас — это электронная подпись. Собственно, ее появление — это один из тех шагов технологической революции наших дней, который в итоге сделает прямую демократию возможной в обозримом будущем. Разве не чудо, что уже сейчас через Интернет человек может произвести любой платеж, причем это ничуть не менее (а может, даже и более) безопасная операция, чем платеж в банке с заполнением всех традиционных бумажек.

Что же такое электронная подпись? Мы считаем необходимым остановиться на истории возникновения этого явления подробнее, в том числе и для того, чтобы читатели представили себе уровень доступных нам технологий. Тем более что история возникновения этой технологии, столь важной для функционирования прямой сетевой демократии, очень похожа на

неожиданную и мгновенную смену технологической парадигмы.

Когда рассказывают о защите информации, о передаче неких секретных сообщений на расстоянии, то обычно начинают с 46 года до н.э., с Юлия Цезаря.

Именно Гай Юлий Цезарь, по сообщениям историков, изобрел так называемый секретный алфавитный код Цезаря, который использовал для связи со своими легатами в регионах. Цезарь посылал им зашифрованные сообщения со сдвигом на три позиции в алфавите: вместо буквы А он писал букву D, вместо В – Е и т. д. Этой шифровки было достаточно, чтобы неразумные варвары, даже перехватив сообщение, не смогли бы его прочитать. Код Цезаря – это шифр с разделяемым секретом шифрования и дешифрования. Его функционирование основано на том, чтобы обе стороны – отправитель и получатель – заранее при встрече договаривались о некоем общем секрете. В данном примере секретом является параметр сдвига – цифра три. Используя имеющееся знание, которого нет у перехватчика, отправитель и получатель могут обмениваться информацией, будучи уверенными в ее конфиденциальности. Кроме того, легат мог быть вполне уверен, что отправителем послания являлся сам император, ведь никто кроме него не знал секретный код.

Интересно, что за последующие 2000 лет принципиально ничего не изменилось. Конечно, технологии развивались, и появлялись гораздо более сложные коды типа шифра Виженера, хитроумные шифровальные машины типа «Энигмы», использовавшейся во время Второй мировой войны. Однако принцип остался прежним: сторонам необходимо встретиться, договориться о разделении секрета, чтобы потом, уже разъехавшись, они могли обмениваться информацией на основании общего секретного кода.

Электронные коммуникации конца XX века сформировали новые вызовы. Появление Интернета поставило прежнюю схему обмена секретными данными под сомнение. Конечно, очень хочется уметь шифровать информацию при передаче через Интернет данных о кредитных карточках. Также очень хочется уметь на расстоянии идентифицировать покупателя в интернет-магазине. Однако какой будет смысл совершения покупки в интернет-магазине, если предварительно придется в этот магазин ехать и договариваться о секретном коде?

Иными словами, было непонятно, есть ли ответы на новые жизненные вызовы и возможны ли иные подходы к шифрованию информации и аутентификации. Однако такие подходы были найдены. В 1976 году два американских математика Уитфилд Диффи и Мартин Хеллман опубликовали работу о так называемой «односторонней функции-ловушке». Они предложили теоретическую модель инфраструктуры открытых ключей — механизма, на базе которого построены все современные системы электронной цифровой подписи. Суть работы механизма такова: представим себе, что у нас есть некая односторонняя функция, которая очень легко преобразует одно число в другое, однако обратное преобразование будет выполнить очень сложно. Классическим примером односторонней функции-ловушки служит произведение двух больших простых чисел. Умножить два больших простых числа очень легко, для компьютера это операция миллисекундная. При этом разложить большое число на простые множители очень сложно. Эта операция может занимать годы, даже столетия — в зависимости от длины числа.

Теперь, если у нас есть такая функция, то каждый участник системы обмена документами может при-

думывать первый, секретный, параметр функции, по нему с помощью односторонней функции вычислять второй, открытый, параметр и его публиковать. В этой ситуации можно не бояться, что секретный параметр будет узнан, поскольку функция в обратную сторону не действует. Это позволит людям обмениваться защищенными сообщениями, не встречаясь друг с другом и не разделяя секрета. У каждого участника системы будут закрытый и открытый ключи. Чтобы послать кому-то сообщение, человек его шифрует с помощью открытого ключа получателя — единственного человека, который сможет это сообщение прочитать, поскольку будет обладать парным закрытым ключом.

В 1977 году, уже через год после работы Диффи и Хеллмана, появилась первая практическая схема, работающая на открытых ключах. Ее предложили Рональд Райвест, Ади Шамир и Леонард Адлеман, по первым буквам их фамилий эта схема получила название RSA. Сегодня — беспрецедентный случай для теоретической математики — компания RSA Security, оцениваемая примерно в 2 млрд долларов, является крупнейшим игроком на мировом рынке информационной безопасности.

Все вышесказанное очень хорошо иллюстрирует то, что может случиться с технологиями: 2000 лет они оставались неизменными, но потом изменилась технологическая парадигма, появились новые носители, интернет-коммуникации, были предъявлены новые требования, и был найден новый способ обмена секретной информацией. Стало ясно, что можно обеспечить информационную безопасность на расстоянии для людей, которые никогда друг друга не видели.

Важно: электронная подпись не является панацеей, и не является единственным механизмом, способным

обеспечить решение многих технологических проблем, стоявших перед человечеством ранее. Например, есть технологии аутентификации пользователей с помощью привязки банковских карт (а не ЭЦП), и многие другие. Этим примером мы хотели еще раз показать такую принципиальную вещь: за последние 15–20 лет развитие технологий сделало возможным иные, гораздо более дешевые и практичные решения огромного количества проблем человеческого общества.

Но вернемся снова к политике.

Предположим, у нас идеальная форма правления, прямая демократия, а какой-то избиратель уехал. Как мы можем узнать его мнение? Если нет телефонов, он может оставить свое мнение другу или знакомому, который придет на общее собрание и скажет: он уехал и просил меня передать то-то и то-то. Если ему не поверят на слово, он должен будет показать нотариально заверенное доказательство своих полномочий высказываться от имени своего друга, что уже фактически превращает прямую демократию в представительную. Но считается ли в этом случае, что уехавший избиратель принял участие в голосовании? С одной стороны, он высказал свое мнение, с другой стороны, это мнение было высказано не им лично, и если допустить, что представитель — бесчестный человек, то в итоге может оказаться, что произошла манипуляция и даже фальсификация итогов голосования как минимум в данном случае.

Если мы верим друг другу и живем в маленькой общине, то да, этот голос может быть учтен. С точки зрения большого города и большой страны — нет, потому что доказать это невозможно. Аналогичные ситуации возникают у нас сплошь и рядом: «мне доверяют миллионы людей, и поэтому я представляю мнение

народа». Так вот, чтобы избежать подобного, момент делегирования права голоса должен быть институционально закреплён. Для этого все люди приходят в установленный день в специальные места и говорят, что мнение их местности будет представлять, условно говоря, Уинстон Черчилль. Когда люди, подобные Черчиллю, собираются в парламенте, предполагается, что у каждого из них в кармане лежит огромное количество нотариально заверенных голосов, которые и составляют их мандат, то есть право голосовать от имени множества других людей, им доверившихся. Кроме того, предполагается, что все они — джентльмены и будут голосовать только так, как обещали избирателям. Это проконтролировать гораздо сложнее, чем сам процесс передачи полномочий от избирателей к депутату, и именно тут кроются все самые большие разочарования.

Между прочим, здесь уместно вспомнить, как Уинстон Черчилль пришел во власть. В то время в Англии некоторые одномандатные округа были огромными, со многими десятками тысяч жителей, а некоторые — размером с одно поместье. Такая ситуация возникла потому, что нарезались округа еще до индустриальной революции, и существовали в неизменном виде, игнорируя значительные перемены в обществе. Так вот, Черчилль пользовался этой ситуацией по полной программе, и избирался депутатом от своего поместья, то есть за него голосовали конюхи, кучер и т.д.

Когда нам говорят, что прямое участие граждан в принятии решений невозможно, то мы отвечаем, что оно будет оставаться невозможным лишь до тех пор, пока мы будем делать вид, что ничего не изменилось в окружающем мире.

Сейчас не составляет проблемы организовать общение любой группы людей, как угодно распределен-

ных по поверхности земного шара. Электронная подпись (или ее юридически значимые аналоги) обеспечит подтверждение их волеизъявления. С этого момента все отговорки, что мы не можем позволить себе прямую демократию, исчезают. Более того, уровень современных технологий позволяет нам говорить о значительно более удобных и развитых моделях электронной демократии, чем просто моделирование вече в прямой демократии в Интернете — об этом пойдет речь в третьей части нашей книги.

Сегодня как раз получается странная вещь: мнение каждого можно узнать напрямую, но этим пренебрегают, предлагая мне высказывать свое мнение посредством странной многочленной структуры доверия своего голоса кому-то там. Зачем человеку искажать свой голос через много ступеней в какой-то совершенно непонятный пиксель (все та же самая аппроксимация, о которой мы писали ранее), когда уже сегодня технологически возможно учесть и сохранить голос человека в неискаженном виде, с учетом всех полутонов и ноток тембра?

III

БУДУЩЕЕ

11. Что такое облачная демократия?

Мы посвятили уже достаточно много времени критике современной представительной демократии, с разных сторон демонстрируя, что она является лишь приближением к идеалу — оптимальным с точки зрения ограничений реального мира, но все же очень грубым и дорогостоящим приближением. Делая это, мы постоянно намекали на то, что новые технологические условия позволяют спроектировать иную модель демократии, преодолевающую все издержки представительной демократии, которая так ушла в развитие своих институтов, что перестала быть народовластием.

Но что считать идеалом? Идеалом же мы полагаем такую систему, при которой каждый гражданин имеет все возможности для прямого участия в решении вопросов. В каком-то смысле можно говорить о возвращении к прямой демократии, но мы считаем, что полностью отбрасывать все наработки представительной демократии не стоит, тем более что технология позволяет нам совместить все лучшее, что было в теории и практике прямой и представительной демократии, в принципиально новой форме организации народовластия.

Время, когда облачная демократия будет работать на практике и войдет в повседневную жизнь людей, относится пусть к недалекому, но будущему. Сейчас еще трудно останавливаться на деталях и давать развернутые ответы на все возникающие вопросы. Мы отдаем себе отчет в том, что наше скромное сочинение станет лишь одной из ступенек, которая ведет человечество к новому образу жизни и самоуправления. Мы можем ошибаться и, скорее всего, во многом

ошибаемся, но наша цель — призвать всех, кому наши мысли покажутся хоть в чем-то интересными, серьезно задуматься над тем, как можно воплотить эту концепцию в жизнь.

Для начала обозначим некоторые неформальные определения, которыми мы будем пользоваться в этой части книги, и поделимся идеями относительно практического функционирования облачной демократии.

- *Сетевое общество* — общество, где абсолютное большинство людей пользуется Интернетом как важнейшим каналом коммуникаций всех уровней. По нашему мнению, перевод всех коммуникаций в Интернет произойдет исключительно из практических соображений и только потому, что большинство будет хотеть этого. Возможность получения всех государственных услуг через глобальную сеть неизбежно поставит вопрос о том, что медленные и архаичные способы формирования власти не соответствуют требованиям общества, живущего в совершенно ином ритме.

- *Облачная демократия* — форма политического самоуправления граждан в масштабах государств (а в перспективе — и в общепланетарном масштабе), которая строится на повсеместном использовании облачных интернет-технологий. Форма демократии, которая естественно и логично возникнет с развитием сетевого общества. Поясним на примере. Если все шлют друг другу информацию по широкополосному Интернету, что может быть глупее бумажного бюллетеня, который выдается в специальном месте после предъявления бумажного паспорта и засовывается в сложное электронное устройство, считывающее с него информацию, чтоб перевести ее в цифровой вид и по тем же широкополосным каналам отправить в изби-

рательную комиссию? Между тем пока что выборы в России выглядят именно так.

- *Государственная сеть* — нерв и главный инструмент облачной демократии, «сеть сетей», общественная, публичная защищенная сеть, совмещающая в себе функции социальной сети, интернет-банка, системы электронного голосования и системы поддержки принятия решения, а также доступа ко всем государственным информационным ресурсам и базам данных. Доступ других граждан к информации «личного кабинета» гражданина возможен с определенными ограничениями, которые зависят от степени вовлеченности этого гражданина в политическую активность. Общий принцип таков: чем выше уровень активности, тем выше уровень публичности его личной информации. Подлежит раскрытию информация по тем вопросам, по которым гражданин начинает собирать делегированные голоса. Государственная сеть неанонимна, симметрична и реализует принцип принудительной честности.

- *Личный кабинет* — средство организации персонального пространства участника сети, через который он управляет своими действиями, сообщает информацию о себе. Также «личный кабинет» помогает отслеживать все коммуникации пользователя системы, через него ведется все внешнее взаимодействие.

- *Экспертные советы* — виртуальные органы, состоящие из самых авторитетных граждан. По итогам делегирования первые 500 или 1000 граждан составляют государственный совет, первые 300 (цифра условна) наиболее авторитетных по объему делегирования жителей региона автоматически формируют региональные советы, первые 100 самых авторитетных жителей города — муниципальные советы. Все

топы подвижны в реальном времени, и человек становится членом совета (если, конечно, дает согласие) в тот момент, когда попадает в установленное число, и автоматически покидает совет, как только выходит из топа. Оплата его участия идет по времени фактического пребывания депутатом. Таким образом, изменения в структуре законодательных и контрольных органов становятся постоянными и напрямую зависят от воли избирателей.

- *Правительство* — орган, чей персональный состав утверждается советом соответствующего уровня на определенный срок. В случае демонстрации гражданами недоверия какому-либо члену правительства он автоматически лишается своих полномочий, как только уровень недоверия к нему достигает оговоренных показателей.

- *Партии*. Партии обретают новую жизнь, фактически становясь сообществами по интересам и теми площадками, где единомышленники могут выбрать из своей среды кого-то, кому они готовы делегировать свои голоса по какому-то кругу вопросов. Практически партия становится чистой идеологией или программой, которую поддерживают люди. Никаких бюрократических структур не создается, партии возникают и исчезают по ходу судьбоносных дискуссий, которые идут в обществе.

- *Топ* — вершина списка всех граждан (страны, региона, муниципалитета), расположенных в порядке убывания количества делегированных им голосов. Положение в топе определяется количеством делегирований. На основании этой объективной статистики гражданин получает приглашение стать членом одного из советов, в котором он может находиться исходя из количества делегирований.

- *Полное делегирование* — гражданин доверяет другому гражданину голосовать от его имени и его голосом по любым вопросам. Важно гарантировать, что в любой момент любой человек может отозвать свой голос.

- *Частичное делегирование* — гражданин доверяет другому гражданину голосовать по определенному кругу вопросов (помечая галочками те пункты, по которым он возможность голосовать оставляет за собой, если не делегирует это голосование другим людям).

- *Эксперт* — гражданин, который обнародует круг вопросов, в которых он считает себя экспертом, и начинает вести публичную деятельность в рамках системы, для того чтобы привлечь максимальное количество частично делегированных голосов по этим вопросам. Предположим, некто считает себя экспертом по вопросам налога на недвижимость. Он активно участвует во всех возможных дискуссиях на эту тему на различных площадках, публикует свои мнения. Если его позиция кому-то нравится, ему доверяют голоса по этому вопросу. Когда необходимо подготовить какое-то либо решение по узкому вопросу, создается комиссия из нескольких наиболее авторитетных экспертов в данной области. Фактически эксперт — это человек, который нацелен на профессиональную политическую деятельность и осознанно набирает сторонников, чтобы в итоге оказаться в каком-то топе или получить приглашение на работу в исполнительный орган.

- *Сбор голосов.* Существует возможность собирать голоса на всех площадках — открытых и анонимных. На анонимных площадках человек может собирать экспертные голоса. Например, в закрытой анонимной тусовке кто-то может собрать достаточно голосов,

чтоб выступать от имени большой группы по какому-то вопросу. Важно, что от одного человека по одному вопросу можно получить одно делегирование — на каком бы количестве уровней два человека ни пересекались. Кроме сбора голосов лично под себя возможен сбор голосов под законопроект или идею. Набравший определенное количество голосов законопроект или рассматривается собранием указанного уровня (естественно, в вопросах муниципальных и региональных учитывается география поданных голосов), или автоматически принимается, если собрано достаточное количество прямых голосований. Каждый человек может собирать голоса граждан или их делегирования по какому-то экспертному вопросу — то есть быть таким вот человеком-партией. Скорее всего, это будет одной из самых главных форм активности.

- Исполнительных чиновников назначают/утверждают собрания из списка выдвижений/самовыдвижений с учетом мнений экспертов. Если человек является экспертом по какому-то вопросу с большим количеством делегированных голосов, то его кандидатура считается приоритетной.

- Вопрос с судьями и полицейскими решается по тому же принципу, что и назначение чиновников исполнительной власти. Кандидат на юридическую должность должен сдать квалификационный аттестационный минимум и потом собрать достаточное количество голосов в поддержку своей кандидатуры.

- Любой человек может отказаться от ведения любой политической деятельности и тем самым максимально оградить свою приватность. Рядовой избиратель не обязан никому представляться, достаточно того, что он идентифицирован сетью.

12. Облачная демократия: основные идеи

Ниже мы постепенно изложим в общих чертах предлагаемую нами модель, но сначала, в последнем теоретическом отступлении, четко зафиксируем те проблемы, которые мы собираемся решить, и наметим механизмы их решения, которые мы намерены задействовать.

Проблема 1. Устойчивость системы. В математике есть важное понятие устойчивости, которое не равно покою. Устойчивая система — это та, которая возвращается к состоянию покоя после небольшого возмущения. Маленький шарик может покоиться как на вершине холма, так и в ложбинке, но лишь во втором случае его положение будет устойчивым, поскольку после отклонения от первоначального состояния он будет стремиться в него вернуться.

Мы уже писали о том, что XVIII–XIX века в американской демократии — это история о том, как честные люди с горящими глазами убеждали жителей выбрать именно их путь улучшения жизни. Большое американское счастье, что честных людей набралось достаточно. В течение первых ста лет развития представительной демократии в США не нашлось человека, который, став президентом, вывел бы все активы и сбежал, прихватив с собой всю казну, — а ведь в то время сделать это было технически гораздо проще, чем сейчас. Система была неустойчивой абсолютно, что показали, например, многочисленные попытки механического переноса американской модели демократии в другие страны (например, в государства Латинской Америки).

Обеспечение устойчивости к малым возмущениям с помощью системы сдержек, противовесов и взаимного контроля — самая дорогая и инфраструктурно сложная вещь в современной демократии. И тем не менее раз за разом, даже при очень продвинутом законодательстве, мы видим, как на почве абсолютно демократических конституций успешно вырастают все новые авторитарные режимы. Система выходит из равновесия и стремительно катится по наклонной.

Мы покажем, что в предлагаемой модели облачной демократии эти моменты могут быть обойдены. Она может быть устойчива по отношению к людям плохим и нечестным за счет целого ряда механизмов.

Устойчивость системы (как в математике, так и в политике!) может быть резко повышена за счет увеличения частоты замеров ее состояния, а облачная демократия позволит вообще перейти от дискретных измерений к постоянному наблюдению и контролю за системой в целом и за каждым из ее компонентов в режиме онлайн. Заметим, что в данном случае речь идет не о «Большом брате», внешнем наблюдателе, а о том, что контроль за ней на каждом уровне будет осуществляться изнутри, всеми задействованными в ней людьми.

Другая гарантия устойчивости системы — вовлеченность в нее максимального количества участников. До тех пор пока между властью и обществом существует очевидный разрыв, речь всегда будет идти об отношениях между правящим меньшинством и управляемым большинством. Единственный способ сделать власть авторитетной и гражданской — это создать условия для реального участия большинства граждан во власти. В предлагаемой нами системе каждый гражданин оказывается носителем неотчуждае-

мой власти, которую он в любой момент может прямо и непосредственно использовать, причем лично, а не через представителей.

Проблема 2. Компетентность избирателей.

Один из самых табуированных вопросов в современной демократии — всеобщее избирательное право.

Мы уверены, что в облачной демократии его не будет, потому что всеобщее избирательное право, как мы уже обсуждали ранее, — это тоже грубая аппроксимация, технологическое несовершенство, которое возникло от невозможности решить, кому нельзя давать право голоса.

В существующей системе мы можем провести ограничение только по самым общим критериям (пол, возраст, раса, имущественное положение), и, каким бы образом это ограничение не мотивировалось бы в общем, в частностях оно всегда окажется несправедливым. Поэтому, проще сказать, что голосовать могут все и это — хорошо и прогрессивно. Но на самом деле это не так.

Голосовать могут и должны все, кому это, во-первых, нужно, и, во-вторых, те, кто может. Первое достигается за счет существующей сегодня возможности выбора: хочешь — приходи на участок, хочешь — не приходи. А второе на сегодняшний день считается совершенно недостижимым, потому что кажется слишком сложным в реализации. На самом деле, если вдуматься, ситуация абсурдная: значительная часть людей, которые голосуют на выборах президента, не знают основы конституционного строя РФ, хотя бы в части полномочий президента. Тем более большинство людей, которые голосуют на выборах в Госдуму, не знакомы с основами конституционного строя РФ в части полномочий Госдумы. Думается, что не меньше

половины избирателей не знает, чем занимается нижняя палата двухпалатного парламента.

Облачная демократия предлагает простое решение этой проблемы, используя аналог механизма CAPTCHA, который знаком каждому интернет-пользователю. На всякий случай напомним, что речь идет о технологии «антикомпьютерного» ввода текста, когда пользователя просят распознать буквы или цифры на не очень четкой картинке, чтобы убедиться в том, что в систему пытается войти действительно живой человек, а не бот, имитирующий действия человека.

Смысл в том, что перед началом электронного голосования гражданин должен будет ответить на ряд простейших вопросов. Примеры этого уже существует в нашей жизни, мы к ним привыкли: «Да, я подтверждаю, что мне больше 18 лет». Примерно такой же механизм действует при заполнении визовых анкет, когда нужно дать ответы на простые вопросы: были ли вы судимы, ввозите ли вы наркотики, являетесь ли вы членом экстремистских организаций и так далее. Обычный человек отвечает «нет», практически не задумываясь. Но тем не менее он эти вопросы прочитывает и отвечает на них, понимая, что если он соврет, то ему потом откажут в получении визы.

Мы считаем, что заставлять людей голосовать не следует: если человек не хочет, зачем же его туда тащить? Если человека ставят в тупик элементарные вопросы, зачем ему голосовать? Если человек не понимает суть принимаемых в ходе выборов решений, то нужен ли его голос для их принятия?

Мы не ставим цели установить избирательный ценз в виде экзамена по конституционному праву. Мы предлагаем создать лишь символический фильтр, который к тому же возьмет на себя дополнительную

роль повышения престижности выборов. Он позволяет очень быстро репозиционировать выборы от раздражающей и непонятной общественной нагрузки в почетное и красивое общественное право: я пришел, я сдал экзамен. И пусть этот фильтр пройдут 95%, а не пройдут только 5% избирателей, которые находятся в состоянии полной неадекватности к окружающей политической реальности. Тем не менее выборы становятся чем-то почетным и значимым, а их результат — гораздо более осмысленным.

Проблема 3. Честность политиков. Гарантия честности возникает только в том случае, если будет создана система, совершенно открытая со всех сторон. Не может быть так, что где-то есть какой-то институт, который всех проверяет, но его проверить нельзя. Любой чиновник, который сидит и регулирует какие-то процессы, может и должен быть отозван, если его деятельность вызывает постоянное и массовое недовольство.

В невозможности отозвать уже избранного и наделенного властью человека кроется главная проблема представительной демократии сегодня. Почему? Потому что у людей нет возможности контролировать деятельность государства на каждом этапе, а значит, предвыборные обещания можно не исполнять: для нечестного политика главное — избраться, а там хоть трава не расти. Кроме механизмов контроля нет и механизма неотвратимого прекращения полномочий в крайних ситуациях, потому что само по себе обнародование сведений — это еще не решение проблемы. Даже когда избиратели видят, что политик делается нечто совершенно противоположное своим предвыборным обещаниям, в современной системе им остается только ждать следующих выборов.

Возьмем конкретный пример. Мы выбираем президента, который нам нравится. А он вдруг присылает губернатора, который нас не устраивает. Или не устраивает, как работает чиновник из социального ведомства, которого назначил губернатор. Как повлиять на эту ситуацию? Гражданин должен написать жалобу, чтобы она, по большому-большому кругу дошла до вышестоящей инстанции. Причем это еще не гарантирует, что меры будут приняты. Таким образом, право жаловаться или разоблачать не решает главной проблемы: пока суть да дело, человек, который нас не устраивает, продолжает править дальше.

При облачной демократии у людей появляется возможность дотянуться до любого чиновника одним прямым касанием. Если все функции электронного правительства будут собраны в одной интегрированной информационной системе, всегда доступной для гражданина, то первое же негативное столкновение с властью будет заканчиваться тем, что гражданин тут же сможет выразить свое отношение к этому. У власти не будет больше возможности прятаться за пустые лозунги каждый раз, когда мы ею недовольны.

Сегодняшний страх действий у власти возникает от неискренности. Если человек во власти убежден в своей правоте, он всегда сможет объяснить и доказать свою точку зрения людям. Более того, он просто обязан общаться с людьми, разъясняя им свою позицию. Благо современные технологии уже позволяют это делать без особых усилий. Уже сложилась безусловно положительная тенденция прихода чиновников в блоги, твиттер и т.д. — власть хочет объяснить людям, что она делает. Негативный аспект во всем этом тоже бросается в глаза: чиновники замечают то, что хотят видеть, а неприятные вопросы можно просто игнорировать.

О честности же возможно говорить только тогда, когда чиновник обязан отвечать на вопросы избирателей и технически не может игнорировать или просто закрывать неудобные вопросы и высказывания.

Например, конкретный депутат в своем блоге рассказывает своим избирателям, чем он занимается. Избиратели могут сказать ему: а вот у нас есть проблема, а вы ее не решили. Все остальные читают и видят, что депутата обвинили в том, что он что-то не сделал, а в ответ — тишина. И если обвинение выдвигает не аноним, а реально существующий человек, и если это не досужий разговор, а задокументированный факт, то это непосредственно сказывается на политическом капитале депутата. Такая система устойчива к нечестности — она быстро выявляет и нечестность, и того, от кого она исходит. Она заставляет человека быть честным, потому что нечестным быть становится гораздо сложнее. Хотя, конечно, люди во власти не любят открытость, и это сделает нынешних политиков главными критиками наших предложений.

Проблема 4. Сложность процедур. Попытки сделать демократию более устойчивой и прозрачной, снабдить ее обратной связью приводят к громоздким процедурам, все менее доступным для рядового гражданина. Например, регистрация в качестве кандидата на выборах из-за многоступенчатого механизма, предназначенного как бы для защиты от недобросовестных кандидатов, становится недоступной простому человеку, не имеющему в своем распоряжении штата юристов. Удорожание и усложнение юридической техники предэлекторальных процедур всегда обосновывается необходимостью не допустить во власть мошенников и проходимцев — а на практике приводит к противоположному эффекту: мошенники

и проходимцы находят свои лазейки и раз за разом успешно регистрируются, а честные и искренние общественные активисты остаются за бортом.

Предлагаемая система облачной демократии будет очень простой в использовании, в ней не будет барьеров для пассивного или активного участия в политической жизни. И это не потребует каких-то уникальных технологических изобретений, речь идет лишь о системной интеграции уже сложившихся и широко применяемых технологий.

В настоящее время в Интернете в различных приложениях и социальных сервисах уже используются все те технологические компоненты, на которых будет построена облачная демократия в будущем. Однако это не значит, что мы призываем брать эти компоненты и слепо их копировать. Использование каждого из них должно быть очень осознанным, компоненты должны быть адаптированы к нуждам электронной демократии и правильно состыкованы друг с другом.

Подобная ситуация бывает почти всегда перед какой-либо технологической революцией. Человечество научилось делать быстрые двигатели, легкие корпуса, компьютерные системы, и в конечном итоге получился космический корабль. В самом корабле никаких технологических инноваций может уже и не быть, он просто вбирает в себя все предыдущие инновации. Так же и с облачной демократией. Сейчас уже можно собрать ее из имеющихся деталей.

«Личный кабинет» гражданина в практической реализации модели облачной демократии станет ее ключевым элементом, его личным пультом управления государством. Кроме того там будет собрана информация о всех сделанных гражданином делегированиях, о всех голосованиях, в которых он будет уча-

ствовать, а также о голосованиях всех его представителей, которым он делегировал голос, и об инициативах выдвигаемых законопроектов. Безусловно, в «личном кабинете» будут отражаться подтвержденные факты о гражданине, которые должны публиковаться в рамках системы «принудительной честности» — системы раскрытия информации.

Итак, мы описали проблемы, которые должны исчезнуть с внедрением облачной демократии, и готовы перейти к подробному описанию ключевых технологий, применение которых обеспечит их решение. Этому посвящены три следующих главы, по одной на каждую из ключевых технологических идей.

Важно понимать, что каждая из этих идей существует и может эффективно применяться в широком спектре случаев вполне самостоятельно, они независимы друг от друга. Но особенно сильны они вместе. Каждая из этих идей — отдельный столп в основании здания идеально функционирующей облачной демократии. Ее потенциал раскроется только в том случае, если на некой технологической платформе в некой общегражданской государственной сети сетей все они будут реализованы одновременно.

Первая идея: Принудительная честность. Важное ограничение реального мира, которое мы хотим обойти, — это ограничение достоверности. В реальном мире мы не можем заглянуть и увидеть то, что происходит у других людей в головах, соответственно, обмен идеями не может быть прозрачным. В нашей модели мы обходим этот механизм при помощи принудительной честности, которая подразумевает раскрытие информации на каждом следующем уровне

политической активности в большей степени, чем на предыдущем.

Вторая идея: Живое измерение доверия к представителю. Этот механизм позволяет преодолеть существующее в нынешнем реальном мире ограничение времени, которое заключается в том, что избиратели могут выбирать своего представителя только через большие промежутки времени. Механизм подвижного доверия позволяет измерять уровень поддержки деятельности представителя постоянно. Главное следствие реализации такого механизма — изменение системы стимулов и мотивации политика; введение избирателей в заблуждение становится заведомо бессмысленным занятием.

Третья идея: Матричное делегирование доверия. Еще одно несовершенство реального мира заключается в том, что никакой человек не может быть экспертом сразу по многим вопросам одновременно, это ограничение компетенции. Тем не менее в реальном, неэлектронном мире избирателю приходится иметь одного представителя по всем вопросам. В облачной демократии мы обходим это ограничение посредством матричного механизма делегирования. В этой ситуации по каждому вопросу на каждом уровне власти мы можем либо принимать решение самостоятельно, либо привлекать других людей, чтобы быть их представителем, либо делегировать собственные голоса. Облачная демократия не является ни прямой, ни представительной — она берет лучшие черты у обеих этих моделей.

Повторимся, что все эти механизмы — самоценны, но лучше всего их комбинировать между собой. В нашей идеальной модели облачной демократии избиратели выбирают себе представителей по каждому из

важных для них вопросов, имея возможность также не делегировать свой голос никому. Выбирая представителей, избиратели имеют исчерпывающие сведения об их компетенциях по соответствующим вопросам и получают полную информацию о том, как представители реализуют их законные интересы. Основываясь на полной, открытой и общедоступной информации, избиратели поддерживают живую обратную связь со своими представителями, что исключает всякий потенциальный смысл для политика дезинформировать избирателей относительно своих намерений.

13. Принудительная честность

Даже сейчас и даже в развитых демократиях политик сам определяет степень своей честности и открытости для избирателя. Опять-таки потому, что порядочные люди полагают, что если человек идет в публичную политику — значит, ему нечего скрывать. Тем не менее существует масса лазеек для сокрытия от избирателей информации, которая способна влиять на их мнения.

Между тем сбор всех данных, относящихся к конкретному гражданину (не говоря уже о публичных фигурах), в наши дни далеко не является технологической новинкой. Уже сейчас все поисковые системы умеют собирать пресс-портреты, обрабатывая и сортируя сообщения в СМИ о той или иной персоне, и эти технологии постоянно совершенствуются. Таким образом, рано или поздно у публичной персоны просто не останется возможности что-то о себе скрывать. Речь не идет о том, что одни люди будут заставлять других людей быть честными. Более того, мы совершенно не призываем к этому. Мы просто констатируем неизбежность такой ситуации по мере дальнейшего развития современных технологий.

Но «принудительная честность» в том аспекте, о котором мы сейчас говорим, подразумевает не только пассивное принятие того факта, что вся информация о персоне рано или поздно где-то появится, но раскрытие определенной информации о человеке в обязательном порядке — для участия в каких-либо общественных процессах, а также для занятия каких-либо должностей.

К нашему удивлению, именно эта идея вызвала огромное количество вопросов и возражений после

публикации первого издания книги. Люди с большим энтузиазмом относятся к идее прозрачности власти, но становятся совершенно некритичны когда речь заходит о них самих. Здесь сказывается и определенный «культурный багаж» интернета, который исходно складывался как анонимная, анархичная среда.

Но современный интернет — не анонимен. Возможность получать качественные услуги и качественную коммуникацию зиждется на персонализации, а, следовательно, и на раскрытии информации. Участие в политической жизни — это претензия на получение определенного объема прав и полномочий, но в сбалансированной политической системе права всегда неразрывно связана с обязанностями, а полномочия — с ответственностью. Особенно важным это соответствие становится в той ситуации, когда барьер между властью и обществом размывается.

Поэтому идея о принудительной честности является нашей принципиальной позицией, и мы не видим, каким образом можно было бы построить подлинно демократическую систему обсуждения и принятия решений, которая не учитывала бы всей полноты информации также об инициаторах и ключевых участниках политического процесса.

Уже сейчас очевидно: любой человек, пользующийся дарами современной цивилизации, расплачивается за это отказом от части своей приватности — он оставляет информацию о себе во множестве баз данных, которые рано или поздно становятся доступными неопределенно широкому кругу пользователей. Желая активнее социализироваться, современный человек сам о себе рассказывает все или почти все в блогах, со-

циальных и коммуникационных сетях. Например, человек регистрируется в системе FourSquare и сам, добровольно сообщает всем желающим, где именно он находится в каждый отдельный момент времени. Разве кто-то его заставляет? Нет, он сам легко и непринужденно отказывается от этой части приватности. И, надо сказать, чаще всего не жалеет об этом.

Также и со стороны государства развивается и стимулируется все большее раскрытие информации. Так, например, ведется общедоступный Единый государственный реестр юридических лиц, где можно найти интересующую информацию о вовлеченности в деловую деятельность любого человека по всем хозяйствующим субъектам. Другой пример, который у всех на слуху: развивается декларирование имущества и доходов не только госчиновников, но и членов их семей. Хочется надеяться, что в скором времени появится и декларирование расходов госчиновников. Все эти данные переводятся в электронный вид, становятся доступными для поисковых систем. Развиваются интерфейсы открытых данных, которые делают возможными автоматизированную обработку информации, содержащейся во всех этих информационных ресурсах.

По мере развития социальных сетей, в которых все коммуникации между людьми становятся видны, все больше внимания уделяется прошлым высказываниям публичных персон. Что говорили нынешние политики 20 лет назад — этого не знает никто, это тайна, покрытая мраком. Между тем все, что говорили и говорят политики будущего в молодости, будут знать все, потому что они успеют «наследить» на просторах интернет-дневников, социальных сетей, форумов и т. д.

Анонимности как таковой не будет больше существовать — и не потому, что явится «Большой Брат», а потому что скрыть о себе всю информацию можно будет только в том случае, если она никем не будет востребована.

В недалеком будущем, анонимность превратится в удел специфических сообществ, сайтов и форумов, для которых она является принципиальным условием. Однако в государственных электронных системах анонимность неизбежно будет утрачена, поскольку существование таких систем будет бессмысленно без ответственности человека за свои слова, без возможности однозначной идентификации личности.

Это произойдет, когда люди начнут принимать в электронных системах совместные решения об управлении городом, регионом, государством. В условиях «принудительной честности» и вытекающей из нее «принудительной неанонимности» люди с сомнительным прошлым не будут рассматривать для себя в качестве опции приход во власть. Мы считаем, что общество от этого только выиграет.

Естественно, что с нарастанием описываемых тенденций обществу придется как-то регулировать степени открытости для разных лиц. Уровни «принудительной честности» могут и даже должны варьироваться в зависимости от того, на какой объем власти претендует человек: если он хочет возглавить исполнительную власть в городе, то он должен показать, что у него нет конфликта интересов, что его фирмы не ведут хозяйственной деятельности в этом городе. Если человек хочет проявить себя на региональном уровне, то он должен раскрыть больше информации о себе, на федеральном уровне, соответственно, — еще больше.

Важно также, что строгая аутентификация гражданина в системе облачной демократии является необходимым и достаточным условием, обеспечивающим возможность проведения юридически значимых электронных голосований. Существующие криптографические протоколы позволяют сделать следующее: добиться, чтобы, с одной стороны, нельзя было отследить, кто как голосует, и, с другой стороны, обеспечить возможность для каждого избирателя контролировать судьбу и правильность учета каждого поданного им лично голоса и каждого сделанного им делегирования.

Кроме того, принудительная неанонимность и честность помогут реализовать важный принцип симметрии общественной активности: критикуешь — предлагай, критикуешь — покажи, на что ты способен, выдвини свои идеи. Сейчас распространена следующая ситуация: выступает в Интернете некий общественный деятель, чиновник, а в ответ получает 99% анонимных оскорблений на 1% конструктивных предложений. Так происходит потому, что положение несимметрично: тот, кто оскорбляет, знает о своем контрагенте многое, а тот, напротив, не знает ничего. Будет хорошо, если подобных ситуаций удастся избежать в дальнейшем. Хотя, конечно, всеобщая прозрачность должна гарантировать и авторам критических замечаний защиту от возможной мести. Собственно, публичность всех коммуникаций между гражданами должна стать главной защитой от коррупции и произвола.

Между тем пространство секретности сокращается не только вокруг публичных персон, но и вокруг целых государств и всей системы международных отношений. Фактически в прошлое могут уйти секретные стоворы и закулисные переговоры. В условиях посто-

янно совершенствующих средств записи, обработки и хранения информации сделать что-то по-настоящему секретным становится невозможным. Достаточно иметь с собой телефон — и с его помощью в считанные минуты можно обнародовать фотографии, видео и аудиозаписи, разместив их в социальных сетях или где-то еще. За считанные секунды новость облетает мир и тайна становится анекдотом.

Следующий этап — прозрачность международных отношений и честность в обсуждении острых проблем. Если людям что-то не нравится в политике, в том числе и в международной, они уже сейчас имеют возможность заявлять об этом напрямую, лично, со страниц своих сайтов и блогов. И потому неизбежно продолжение — сцепление общественного мнения с механизмом принятия решений на всех уровнях. До него, возможно, осталось совсем немного. Это будет выход на новый уровень существования человечества, где каждый голос имеет значение и участвует в принятии решений, касающихся всех.

Так наступает эра всеобщей и принудительной честности. Все это может не нравиться и раздражать, но, с другой стороны, может быть, это просто серьезный повод не делать ничего такого, за что может быть стыдно? В условиях либерализации общественного мнения в личной жизни человека остается все меньше такого, что могло бы стать компроматом, — фактически круг порицаемых обществом моделей поведения в развитых странах Запада (конечно, кроме уголовных преступлений) свелся к недлинному списку довольно экстравагантных и специфических действий (педофилия, бытовое насилие, жестокость к животным и т.д.). Таким образом, сужаются возможности для использования личностного компромата в политике.

Реальным компроматом остаются только уголовно наказуемые деяния, а потому всеобщая прозрачность — хороший заслон для преступников, а не для нормальных людей, которые в большинстве своем и не делают ничего такого, что стоило бы как-то особенно скрывать.

Оглядываясь вокруг, следует признать, что общество едва ли понимает, куда оно идет. Но каждая новая страничка в социальной сети, каждый новый блог — это еще один шаг в сторону всеобщей открытости. И важно понимать, что открытость и честность в общении с окружающим миром — это выгодная стратегия.

Позволим себе курьезную аналогию с сайтами знакомств. Первое время, когда они только появились, пользователей Интернета было относительно немного, и все они были из однородной и понятной тусовки. Таким образом, любой пользователь понимал, что, кем бы ни был его собеседник, это в любом случае человек понятного ему круга — IT-специалист, бухгалтер, бизнесмен или журналист. Все остальные просто не имели доступа к Интернету и не знали о его возможностях. Осознание узости круга потенциальных участников создавало некоторую атмосферу взаимного доверия. Но чем больше людей получало доступ к Интернету, тем сложнее было понять, кем может быть собеседник. В последние годы собеседником может оказаться кто угодно, потому что количество участников этой коммуникационной игры стало необъятным — и идея убила саму себя. Рассуждая чисто математически, шансов познакомиться с кем-то интересным стало столько же, сколько имел человек, наугад набирая первый попавшийся телефонный номер.

Парадоксальным образом альтернативой специализированным сайтам знакомств стали социальные сети. Вместо хаотичного карнавала, где любой может оказаться любым, социальные сети показывают (за понятным исключением)

реальное лицо реального человека, а также его биографию, социальный статус, круг общения. Даже если что-то является неправдой — это легко проверяется. Таким образом, познакомиться в Интернете можно, но самый эффективный способ — честно написать на своей страничке в социальной сети, кто ты такой и кого для чего ищешь. Издержки тут тоже понятны: готов ли человек честно сообщить о своих сексуальных пристрастиях на общедоступной страничке в социальной сети?

Возвращаясь к истории демократии, мы обнаруживаем схожее явление: сначала политикой занимался узкий круг лиц, в котором все знали всех — если не лично, то через небольшую цепочку общих знакомых. Это демократия античных полисов и небольших общин. На следующем этапе в игру вступали более широкие круги общества, но в абсолютном исчислении это все равно был небольшой процент населения. Разбирая демократии XVIII-XIX веков, мы сталкиваемся как раз с ситуацией сайтов знакомств на их начальном этапе: даже если лично вы не знаете этого человека, он все равно как минимум джентльмен с определенным уровнем достатка и прочими необходимыми качествами. Иначе бы он просто не оказался на избирательном участке, не говоря уже об избирательном бюллетене.

Но вот в ситуации всеобщего избирательного права смысл процесса оказался утерянным: миллионы людей выбирают десятки тысяч представителей, которые в итоге могут оказаться кем угодно, потому что никто никого толком не знает и узнать не может, и только постоянно случающиеся скандалы открывают изумленному обществу отвратительную изнанку политической системы. Если добавить сюда практическую невозможность быстро и эффективно отозвать замеченного в нечистоплотности деятеля, хаос стано-

вится полным, а разочарование в представительной демократии — общим местом.

Какая бы жесткая вертикаль власти ни создавалась, она будет неустойчивой без горизонтальных связей на всех уровнях. Устойчивым может быть только общество, где вертикаль власти, вертикаль отправляющих различные полномочия лиц погружена в многоуровневые горизонтальные связи. Но при такой структуре со временем неизбежно остается одна на всех сеть, где вертикаль или вовсе исчезает, или становится символической, а у каждого человека появляется возможность получить какую-то информацию о каждом, с кем его сталкивает жизнь.

Таким образом, мы говорим не о каком-то введении принудительной честности «сверху», мы говорим о признании того факта, что в условиях сетевого общества, которое формируется на наших глазах, она возникает как побочный эффект. Более того, в действительности она есть уже сейчас, просто пока информация очень разбросана и сохраняются возможности для манипулирования ею.

14. Подвижность выбора

В классическом рассказе Роберта Шекли «Билет на планету Транай» описывается вымышленный мир, в котором почему-то никто не хочет брать на себя властные полномочия. Землянина, который через много звезд прилетел на эту планету, все население буквально упрощает стать их президентом. Землянин почти соглашается, но, к счастью, в последний момент понимает, что делать этого не следует, потому что успеет познакомиться с системой власти на этой планете. Оказывается, в столице планеты Транай есть специальный зал, в котором размещены таблички с именами всех чиновников, и около каждой таблички находится кнопка. Чиновники же носят на шее специальный медальон с небольшим запасом взрывчатого вещества. Любой желающий может зайти в зал — он никак не охраняется — и просто нажать на кнопку напротив соответствующей таблички. Тем самым он выражает недоверие чиновнику и несогласие с его действиями. А у чиновника в момент нажатия кнопки срабатывает медальон, и голова отделяется от туловища.

Эта прекрасная и утопичная система понуждает госслужащих к абсолютной честности. Конечно, она нереализуема в реальной жизни хотя бы потому, что тогда, как и на планете Транай, работать в госаппарате никто не будет. Однако предлагаемая нами модель облачной демократии позволяет, как ни странно, воплотить в жизнь аналогичные механизмы, только, конечно, без человеческих жертв.

Любопытно, что Шекли в столь же гротескной форме предусмотрел и описал в своей повести и обратную связь.

В кабинете любого чиновника на стене висит ружье, и, при малейшем желании, чиновник может открыть окно и застрелить любого прохожего. Прохожий, в таком случае, *post mortem* объявляется государственным преступником, а произведенный чиновником выстрел — исполнением государственных функций.

Шутки шутками, но, на самом деле, речь идет о достаточно сложной проблеме. Не может быть эффективной и устойчивой система, в которой одна сторона заведомо беззащитна. Здесь мы возвращаемся к концепции принудительной честности: любой человек, критикующий другого, должен отдавать себе отчет в том, что и он сам может стать объектом пристального внимания. В системе электронной демократии чиновник весьма уязвим — но и он тоже является участником этой системы, и, в свою очередь, имеет возможность аргументированно ответить.

Мы уже говорили о фундаментальной проблеме представительной демократии: выборы происходят довольно редко и являются лишь грубой аппроксимацией реального мнения избирателей, того, как они видят будущее города, региона, страны. Однако дороговизна процедуры плебисцита — выяснения мнения избирателей — заставляет проводить голосования через значительные интервалы времени. Такая система, как уже было сказано, способствует нечестности политика: можно много наобещать, зная, что, очутившись у власти на несколько лет, сможешь делать что угодно.

Более того, существующая система даже способствует тому, чтобы политики были нечестными. Избирательная кампания, которая проходит раз в пять лет, стоит очень дорого, человек вкладывается в нее по максимуму, а потом старается отбить затраченные средства. Надо ли говорить, что вся эта закулисная возня никак не касается интересов избирателей, более того, чаще всего прямо им противоречит?

Система замещения исполнительных должностей, основанная на принципе «подвижной демократии» (в англоязычной литературе устоялся термин *liquid democracy*, т. е. «жидкая демократия», но это не слишком благозвучно), позволяет уйти от неточности аппроксимации. Представим себе, что у нас так же раз в несколько лет проходят регулярные выборы главы города, региона, страны. Допустим, что на этих выборах так же установлена планка в 50% голосов: именно столько нужно набрать кандидату, чтобы получить назначение. Мы фиксируем тех избирателей, которые через нашу систему электронного голосования доверили ему эту должность, а потом даем этим же избирателям возможность в любой момент изменить свое мнение.

Теперь представим себе, что горожане избрали мэра, и тот (по привычке) принялся делать нечто противоположное тому, что он обещал. Раз сделал не то, два сделал не то... Терпение у избирателей постепенно кончается. И по истечении определенного времени избиратель заходит в свой «личный кабинет», в свою систему голосования, благо она ему всегда доступна, и отзывает свой голос. Один избиратель отозвал голос, потом второй, третий, и вот уже поддержка мэра меньше определенного уровня. Мы гуманисты и не требуем, чтобы при этом обязательно у него на шее взрывался динамит, но совершенно естественно, что в таком случае мэр автоматически теряет свою должность, и назначаются новые выборы! Специально заметим, что технологически это всего лишь привычные всем нам «лайки» (и, соответственно, «дизлайки») в социальных сетях. С той лишь разницей, что кроме эмоционального удовлетворения от выражения своего неудовольствия избиратель получает и реальный

эффект: мэр-обманщик лишился должности безо всяких дополнительных церемоний, а просто потому, что люди перестали ему доверять.

Эту базовую модель можно и нужно уточнять. Практически любой политик теряет популярность сразу после своего избрания (ведь грамотная, победная политическая кампания выводит политика на пик рейтинга именно ко дню голосования, подобно тому как план тренировок профессионального спортсмена должен обеспечить ему нахождение на пике формы к самому ответственному матчу). Конечно, избранный политик должен иметь право и на то, чтобы проводить непопулярные меры (особенно если он их обещал в ходе своей предвыборной кампании), помогающие решать долгосрочные задачи. Поэтому на практике должен устанавливаться некий «порог чувствительности»: скажем, мандат будет отзываться только при падении уровня поддержки ниже 25%. Но это уже технические детали, которые надо прорабатывать и проверять на практике.

Систему необходимо развернуть таким образом, чтобы она стимулировала должностных лиц выполнять данные обещания и удовлетворять ожидания избирателей. Кстати, не исключена и обратная ситуация: должностное лицо чувствует изменения в обществе, начинает делать то, что не нравится его прежним избирателям, но при этом его действия начинают нравиться другим избирателям. В этом случае у него появляются новые голоса, и он будет продолжать занимать свою должность. В предлагаемой нами системе такая ситуация тоже вероятна, ведь должностное лицо будет вынуждено следить за реальными настроениями в обществе, и ориентироваться на большинство.

В основе механизма подвижного выбора — крайне низкая себестоимость процедур электронной демократии. Она стала возможной лишь в самые последние годы, после интернет-бума. Поэтому-то только сейчас, через три тысячи лет после зарождения демократии в Древней Греции, мы можем наконец победить «ограничение времени». Именно это ограничение заставляло избирателей и представителей власти несколько лет смотреть на одну и ту же мутную картинку вместо полноцветной, насыщенной трансляции, в которой отражается мнение каждого участника политической жизни, причем в динамике.

15. Делегирование и экспертные группы

Сегодня в социальных сетях есть интересная возможность: один пользователь может «зафолловить» другого. Этот термин произошел от английского глагола to follow — «следовать». Для примера можно взять хостинг микроблогов Twitter: пользователь что-то пишет, и у него появляются «фолловеры», или последователи. Это люди, которые читают всего его записи, потому что он им по тем или иным причинам интересен. Аналогичные механизмы есть и в ЖЖ, и в Facebook, и в иных социальных сетях.

Практика показывает, что наибольшее количество последователей оказывается у тех людей, которые являются лидерами общественного мнения. В российском сегменте Twitter это самые разные люди: от политиков до звезд шоу-бизнеса, все они могут иметь сотни тысяч подписчиков. В мире есть персонажи, которых читают миллионы. Так происходит потому, что одни люди интересуют окружающих гораздо сильнее, чем другие. Иногда из-за популярности в других сферах, а иногда из-за востребованности публикуемого ими контента или согласия с их позицией.

Теперь представьте себе, что гражданин, участник нашей системы облачной демократии, не хочет пользоваться своим правом участия в обсуждении и голосовании по каждому вопросу повестки дня. Тем более что в нашем сложном мире таких вопросов ежедневно возникают тысячи в самых разных сферах. Многие из этих вопросов слишком сложны для него, да и времени на все не хватает. В подобной ситуации он может кого-то «зафолловить» или, чтобы больше не пользоваться этим неблагоприятным термином, делегировать кому-то свой голос.

Самый простой пример: вы ознакомились с политической программой некоего Иванова, вам нравится все, что он делает, и вы ему доверяете. При этом сами вы особо в политике не разбираетесь, поэтому делегируете свой голос Иванову и доверяете ему все решения. Теперь Иванов распоряжается двумя голосами. Потом тремя, потом тысячью, потом десятью тысячами голосов.

В нашей системе интернет-голосования, куда мы размещаем законопроекты, на нашем виртуальном вече в день появляются тысячи решений, и никто не в состоянии их прочитать. Однако сегодня ведь Госдума — предположительно! — как-то эту проблему решает. Ожидается, что там работают профессиональные политики, которые могут во всем разобраться. Теперь представим себе такого политика: Иванова или Жириновского, который говорит: «По таким-то вопросам я буду голосовать следующим образом, вы мне делегируете свое доверие, и ваш голос переходит ко мне». Можно ли это назвать представительной демократией? Не совсем. Это такое замечательное сочетание лучших сторон представительной и прямой демократии. В этой ситуации возможны следующие варианты.

Например, многие делегировали свой голос все тому же Иванову, и теперь он может голосовать тысячами голосов. Благодаря этому он стал оказывать серьезное влияние на принятие ключевых решений. Вокруг Иванова бегают журналисты, политики, лоббисты. Он принимает участие в электронных голосованиях, все это протоколируется, и вы можете смотреть, как Иванов проголосовал по каждому из вопросов. Соответственно, через некоторое время, если вам не понравится позиция Иванова, вы можете отозвать у него свой голос и выбрать кого-то другого, причем сразу же, онлайн. Иными словами, не получится так, что депутат выби-

рается один раз в четыре года и больше никто не имеет возможности его контролировать. Нет, сегодня вы доверите свой голос Иванову, посмотрите результаты сегодняшних голосований или голосований прошедшего месяца, поймете, что он не так хорошо выражает вашу точку зрения, как вам бы хотелось, и в конечном итоге заберете у него свой голос. Потом этот голос можно либо отдать кому-то другому, либо оставить за собой — при условии, что теперь вы самостоятельно будете вникать во все тонкости политических вопросов.

Что в этой ситуации делать Иванову? Как мы уже говорили, проблема сегодняшней представительной демократии в том, что депутат провел предвыборную кампанию, наобещал, избрался, а потом на протяжении нескольких лет владеет мандатом, и никто ему уже ничего не может сделать. То, что он наобещал, становится неважным: он потратил на избирательную кампанию деньги, которые теперь неплохо бы отбить.

В предлагаемой нами системе эта ситуация полностью исключена. Человек избрался, пишет в блогах заманчивые и актуальные статьи на тему «Я против увеличения пенсионного возраста» или «Я за бесплатное образование и медицину». На волне популярности у него может быть миллион последователей, то есть фактически он голосует сразу миллионом голосов. Потом он участвует во всех государственных голосованиях, и его избиратели видят, что говорил он одно, а голосовал по-другому. Естественно, политическая жизнь обретет новые формы, и отслеживание того, совпадают ли обещания с реальными делами, будет едва ли не самым популярным видом социальной активности. Итог очевиден: на следующий день после того, как он таким образом (весьма привычно для нынешнего депутата) политически спроституировал, у него оста-

ется только три последователя, и те — члены его семьи. Только что он был лидером общественного мнения, и его голос был практически решающим при принятии решений, однако он проголосовал не так, как хотели его избиратели, и все ушло. А избиратели голосуют дальше своим умом. Или кто-то из них понял, что ни Иванов, ни Петров, ни Сидоров не выражает его волю, и сам написал пост в блоге со своим мнением по тому или иному вопросу. Этот пост людям понравился, и они доверили ему выражать свои интересы — по всем вопросам или в какой-то одной сфере.

Так идея делегирования работает в связке с идеей подвижной демократии. Но это еще не все. Главное в делегировании — это возможность «разбивать» его в зависимости от сути выносимых на голосование вопросов. В случае если она реализуется, неизбежно возникают экспертные механизмы принятия решений.

Очевидная, казалось бы, мысль: довольно опрострачиво доверять одному и тому же человеку решение всех вопросов только потому, что он популярен в какой-то сфере. Между тем представительная демократия склоняет нас именно к этому: депутатами становятся известные люди — спортсмены, музыканты или врачи, а потом им предлагается принимать решения по вопросам экономики, юриспруденции и внешней политики.

В современной России это явление стало типичным: в законодательные органы разных уровней избираются звезды спорта и шоу-бизнеса. Они — безусловные лидеры общественного мнения. Вполне логично доверить известному спортсмену судить о спорте, потому что он, наверное, понимает, что нужно делать для развития массового спорта. Однако странно доверять ему же судить о здравоохранении, космической программе или региональном бюджете, поскольку у

него нет какого-либо специализированного образования, и совершенно непонятно, почему он сможет быть хорошим представителем интересов граждан по этим темам. Логичнее было бы спрашивать о спорте у спортсменов, о юриспруденции у юристов, а об образовании — у преподавателей.

Но этого разделения нет в современной представительной демократии, отчего она очень сильно страдает. В предлагаемой нами облачной демократии именно это становится возможным.

Представим себе, что весь круг вопросов разбивается условно на 50 тем, и у человека появляется настроенная матрица: по этим вопросам я делегирую свой голос тому, по иным — другому, по каким-то вообще не делегирую голос никому, хочу оставить решение вопроса за собой, а по каким-то вопросам еще и хочу, чтобы мне другие люди делегировали голоса!

Например, некий гражданин является специалистом в информационных технологиях и хочет, чтоб его мнение учитывалось при принятии решений в сфере ИТ. В политике, экономике, пенсионном обеспечении, медицине он не эксперт, соответственно, охотно отдает право принимать решения этих сферах знающим людям. Но вот по ИТ-вопросам он активно пишет статьи и добивается, чтоб люди доверили принимать решения ему. Его резюме, с которым любой может ознакомиться, свидетельствует о компетентности в данной сфере и усиливает доверие к высказываемым мнениям.

Может сложиться такая ситуация, что из тысячи вопросов, которые поступят за день на рассмотрение электронному вече, 999 вопросов гражданин даже не обязан будет просматривать, потому что его представители проголосуют за него и от его имени. Но вот по тысячному вопросу он проголосует сам: сеть опо-

вещает, когда выпадает вопрос из выбранной предметной области. Человек голосует сам, и, более того, в силу его авторитета в конкретной области его голос может оказаться решающим.

В России 140 миллионов человек, и наш воображаемый гражданин — простой избиратель, но конкретно по вопросам IT он очень авторитетен и смог завоевать доверие, так что по какому-то голосованию он может голосовать от имени 30 миллионов доверителей. Это значит, что ни один вопрос в сфере IT без него, по сути дела, не решится: у него чуть ли не контрольный пакет, он сам себе парламентская партия. Его точку зрения, конечно, возможно перебороть, но для этого необходимо будет консолидировать огромное число разных людей. Но, обращаем внимание, все это по одному конкретному вопросу. В другом голосовании, например по вопросу рыболовных квот, голос нашего воображаемого специалиста по IT — лишь один из миллионов, доверенных кому-то еще — тому, кто более компетентен в вопросах использования водных ресурсов, ну, или создал себе такую репутацию.

Может быть также градация по важности обсуждаемых вопросов. В этом случае определяется список важнейших вопросов, например, изменения в Конституции. В этом случае у себя в интерфейсе человек ставит галочку, что он доверяет депутату Иванову по всем вопросам, кроме важнейших. Тогда в 99,5% случаев голосует Иванов, но по самым значимым вопросам человек голосует сам. При этом политик может выступать и предлагать свою точку зрения, но решение люди принимают сами. Это тоже прямая демократия. В этом случае, кстати, воплощается древнегреческий подход к демократии, когда старейшины совещаются о незначительном, а граждане о наиболее важном.

Или гражданин оставляет за собой определенную тему: например, вопросы войны и мира. Может получиться, что вопросы спорта решают 10–15 депутатов, известных спортсменов, каждый из которых аккумулялировал по несколько миллионов последователей, а вопросы войны и мира автоматически превращаются в общенациональные референдумы, где каждый участвует только со своим единственным голосом. Прямая и представительная демократия — одновременно!

Деление возможно еще и по уровням: государственная власть, региональная власть, местное самоуправление (муниципалитеты), территориальное общественное самоуправление (микрорайоны, кварталы, ТСЖ). Вопросы бывают разных уровней. Скажем, в моем подъезде живет профессор экономики, умнейший человек, и я хочу, чтобы он был моим представителем по экономическим вопросам. Но, честно говоря, когда заходит речь об уборке мусора во дворах, я лучше сам возьму метлу, чем доверю ему. Иными словами, я делегирую ему доверие на федеральном уровне, а не на местном.

В Германии Бундестаг избирается только по партийным спискам, 100% депутатов — партийные. В местных выборах участвуют как кандидаты от партий, так и независимые кандидаты. В муниципальных советах в итоге 44% депутатов — беспартийные самовыдвиженцы, при этом выборы проходят в один день. В России такое представить нельзя. Немецкий избиратель более грамотный, он понимает, что на федеральных выборах он проголосует за список CDU/CSU, а на местном уровне он лучше поддержит Ганса из соседнего подъезда, поскольку он его хорошо знает, и в родном городке тот наведет порядок. Поскольку вопросы на федеральном и региональном уровнях решаются разные, то следует их в сознании разводить. Поэтому в предлагаемой системе электронного делегирования доверия человек может передать его полностью другому че-

ловеку или партии, также он может делегировать доверие по тому или иному кругу или уровню вопросов.

Заметим кстати, что подобные вещи происходят в системе местного самоуправления и сейчас, правда, на неформальном уровне. Скажем, в городской Думе любого крупного муниципалитета обязательно есть представители сферы здравоохранения (обычно, главврачи больниц), и большинство прислушивается к ним (вне зависимости от партийной принадлежности), когда речь идет о тех или иных вопросах из этой сферы. Конечно, если тем удастся завоевать доверие и признание коллег, наработать авторитет, показав, что, рассматривая те или иные вопросы, они не руководствуются политическими пристрастиями, а действительно вкладывают свой профессиональный опыт и делают так, как лучше.

Мы предлагаем систему, когда осознанное голосование по понятным вопросам и делегирование прав голосовать по непонятным вопросам другим людям становится абсолютно реальным, контролируемым и прозрачным.

Вы простой избиратель, отдавший свой голос по большинству вопросов своим представителям, но и в вашем кармане на сегодня 50 тысяч голосов по вопросам информационных технологий в федеральном масштабе и 10 тысяч голосов по дорожному строительству на уровне муниципальном. И этот факт уже создает вам вес. Если какая-либо группа интересантов или политическая партия пытается провести какое-либо решение в сфере ИТ, то им придется вас убедить, потому что за вами еще 50 тысяч голосов. При этом вся эта система находится в живой динамике, потому что по каждому вопросу видно, кто и как проголосовал или участвовал в обсуждении. Избиратель может с любой частотой менять свои пристрастия, хоть каждый час, а может делегировать свой голос один раз на

четыре года. Все будет зависеть от личной заинтересованности. Происходит перетекание электората. При этом каждый человек получает подписку и может отслеживать, как голосовал его кандидат.

Политическая борьба при этом ведется так же, как и в нынешних условиях, и даже интенсивней. Люди высказывают свое мнение, предлагают свои пути решения вопросов, профессиональные политики завоевывают таким образом популярность среди последователей и стараются набрать их как можно больше. Однако предлагаемая система исключает политическую проституцию, поскольку продать свой голос не получится, а если и получится, то только один раз и на короткий период. При такой системе профессионалы в своей области смогут внести огромный вклад в политику страны. Предлагаемая нами схема позволяет выстроить систему таким образом, чтобы специалисты, которые заинтересованы в том, чтобы их знания использовались обществом при управлении страной, имели такую возможность.

Естественно, профессиональная политика требует много затрат и сил. Очевидно, что если человек хочет заниматься политикой на государственном уровне, то он должен постоянно писать статьи, отвечать на вопросы, быть очень публичной персоной. Также он должен реагировать на пожелания избирателей, много времени тратить на то, чтобы читать законы, голосовать за них, предлагать свои решения по вопросам.

Но ведь и сегодня в Госдуме 450 депутатов, на которых тратятся огромные деньги! А теперь давайте половину этих денег сэкономим, а половину будем тратить так же, как и сейчас, то есть мы будем давать деньги только тем четверемстам пятидесяти депутатам, которые сейчас находятся в топе, у кого будет наибольшее

число делегированных голосов, чтобы можно было заниматься этим профессионально. Но, как только депутат потерял последователей, так сразу, с этого же дня, никаких денег ему уже выделяться не будет, а будут выделяться тому, кто этих последователей набрал. То же самое — на региональном уровне (вместо областных Дум), на муниципальном (вместо городских Дум). Без всяких дополнительных расходов политическая борьба приобретает вполне понятный смысл, то есть у человека есть еще и денежный стимул, а в результате получается честная работа.

Итак, описанная система сочетает в себе лучшие черты прямой и представительной демократии. У человека всегда есть возможность отказаться от любого делегирования и голосовать по всем вопросам самостоятельно, и в этом смысле это прямая демократия. Кроме того, у избирателя есть возможность по каждому из вопросов выбрать лучшего представителя, которому он доверяет, но которого будет полностью контролировать. В таком случае политическая нечестность становится практически бессмысленной. При этом профессиональная политика тоже продолжает существовать и нормально финансироваться. Быть хорошим законодателем, публицистом, идеологом по-прежнему (или, точнее сказать, снова) будет почетно, однако необходимо будет, чтобы твои идеи завоевали популярность в обществе и оставались востребованными. Потому что обратная связь, интерактивность — краеугольный камень облачной демократии и ее главное отличие от всех других форм народовластия.

IV

**ПРАКТИКА ОБЛАЧНОЙ
ДЕМОКРАТИИ**

16. К чему приведет облачная демократия?

После того, «Облачная демократия» была впервые опубликована для всеобщего обозрения на сайте www.cdem.ru летом 2011 года, мы стали получать отзывы читателей — как хвалебные, так и критические, — и количество их вскоре стало измеряться сотнями. Основная масса критических отзывов была посвящена обсуждению предлагаемой нами модели принятия решений: читатели выражали глубокие сомнения относительно того, как эта модель будет работать.

Важный программистский принцип заключается в том, чтобы разрабатываемое решение по автоматизации какого-либо процесса нигде не ухудшало того, каким образом процесс функционирует без этой автоматизации. Если новый процесс во всем лучше, но в чем-то одном резко уступает старому, то, как правило, он будет непригоден к практическому использованию. А вот если он нигде не хуже, а чем-то пусть немного, но лучше — переход к новому будет возможен, и даже не так уж труден. Таким образом, не надо стремиться улучшить сразу всё (в подавляющем большинстве случаев это просто невозможно), надо двигаться постепенно, все время сравнивая прогресс с отправной точкой.

В этом смысле довольно наивную методическую ошибку совершают те, кто начинает сопоставлять облачную демократию с неким ими придуманным и несуществующим идеалом, выискивая недостатки и указывая (вполне справедливо) на то, что предложенная модель в целом ряде аспектов идеалу не соответству-

ет. С таких позиций очень легко критиковать любое нововведение, но, увы, нельзя никуда прийти. Надо сравнивать облачную демократию не с обществом всеобщего добра и справедливости, а с нынешними процессами выработки и принятия политических решений.

Разберем несколько примеров наиболее часто слышанных нами после выхода первого издания книги критических замечаний, и попробуем продемонстрировать их несостоятельность, опираясь на озвученный выше «принцип неухудшения».

1. При электронных голосованиях будут скупаться голоса!

Безусловно, будут! Но разве они не скупаются сейчас, при «бумажном» голосовании? Даже в самых развитых политических системах, увы, вокруг выборов всегда есть место и коррупции, грязным технологиям, скандалам. Нет ни одной избирательной системы, которая обеспечивала бы подведение итогов голосования с точность до одного голоса; разница лишь в том, что в России реальные итоги голосования могут отличаться от результатов подсчета на 10–15 процентных пунктов, в то время как в более зрелых политических системах вряд ли больше, чем на 1–2 пункта.

Способна ли электронная демократия улучшить состояние дел в плане точности определения воли избирателей? Безусловно. Например, в сегодняшней Эстонии, избиратель вправе неоднократно изменить свое решение в течение всего процесса электронного голосования. Таким образом, подкуп и/или принуждение к голосованию практически теряет смысл — пока день голосования не закончился, избиратель может просто

переголосовать так, как подсказывает ему совесть. Это не значит, конечно, что таких явлений, как подкуп или давление на избирателей не осталось совсем, но масштаб их существенно снижается, а организация существенно затрудняется.

Электронные голосования более эффективны не только в борьбе с подкупом, но и с многими иными видами электоральных махинаций. Массив протоколов, в которых в обезличенной форме содержится информация о ходе голосования, позволяет автоматизировано находить статистические закономерности, свидетельствующие, например, об «организованном нагоне» избирателей, об региональных и культурных особенностях выборов. Сейчас всю эту информацию приходится собирать по крупицам, на это уходят усилия десятков тысяч наблюдателей, и все равно о полноте и достоверности данных приходится только мечтать.

Грубо говоря, точность определения результатов в электоральной системе России сегодня не превышает 10–15%; электронная демократия заведомо позволит повысить ее на порядок, до 1%, а возможно и больше. Абсолютно же точных, абсолютно защищенных информационных систем не бывает.

2. Вы предлагаете дать каждой кухарке управлять государством! Избиратели, не являющиеся специалистами ни в каких вопросах, получают возможность непосредственно принимать решения!

Вся история развития демократии и есть история о попытках наилучшим образом учесть волю каждого избирателя, включая и ту самую кухарку. Здесь возникает принципиальный вопрос: является ли в целом

демократия благом или злом? Это важная развилка, и с теми, кто полагает, что демократия — это зло, нам в глобальном смысле не по пути. Исходные позиции слишком далеки и слишком различны для того, чтобы разговор состоялся; он всегда будет идти на разных языках.

Электронная демократия заведомо повышает степень участия граждан в принятии решений. Если демократия — благо, значит и электронная демократия является благом, если демократия — зло, то электронная демократия, действительно, ухудшает положение дел. И обсуждать здесь нечего.

Поэтому, конечно, всю эту книгу (и об этом написано в предисловии) мы адресуем лишь тем, кто находится с нами в одной системе координат, воспринимая демократию, со всеми ее недостатками, как ценность. Задачей этой книги не является агитация за концепцию демократии. Мы в демократию верим, и привели несколько аргументов в пользу того, что в долгосрочной перспективе демократический способ принятия решений является оптимальным.

В конце концов, базовая концепция демократии — это концепция уважения к человеческой личности. Мы не считаем людей, наших сограждан, идиотами. Мы считаем, что любой гражданин, при условии полноты и достоверности входящей информации, обладает здравым смыслом в достаточной степени для того, чтобы сделать осознанный выбор, и этот выбор следует уважать. А те, кто боится повышения уровня демократии, боятся приближения власти к народу, а людей — к процедуре принятия решений, в конечном счете, относятся к людям с презрением.

3. Бабушки не смогут разобраться в вашей облачной демократии!

Чаще всего, претензия звучала именно в вынесенном в подзаголовок виде. В развернутом виде она звучит так: некоторые сограждане не способны разобраться в личном кабинете гражданина внутри государственной сети, таким образом мы лишаем им их гражданских прав. Или, как вариант: у бабушек интернета нет, и никогда не будет, какая там облачная демократия?

Во-первых, стоит обратить внимание, что этот аргумент прямо противоположен разобранному выше. Забавно отметить, кстати, что очень часто оба этих аргумента высказывались в одном и том же разгневанном письме авторам. То есть нам предъявляли одновременно и то, что мы хотим дать реальное право голоса каждому, что ни в коем случае делать нельзя, и что мы забыли про слепоглухонемых бабушек в таежных деревнях, как же вы так могли и какие же вы после этого демократы. Вспоминается сразу классический анекдот про крестик и трусы: уж либо «голос каждой, даже самой дремучей бабушки бесконечно важен», либо «ни в коем случае нельзя давать полную власть народу».

На самом деле, конечно, аргумент о том, что электронные голосования слишком сложны и недоступны, несостоятелен, и опровергается уже имеющейся мировой практикой. В России подавляющее большинство пенсионеров получает сейчас пенсию на карточки, но интерфейс банкомата ничуть не проще интерфейса обычной системы для электронных голосований; в США в большинстве штатов голосование производится только с помощью электронных машин, и это не привело к снижению среднего возраста избирателей; в ряде стран мира, как мы уже говорили,

успешно осуществлен 100% перевод населения на использование электронных паспортов, имеющих вид чиповых смарт-карт, и это не вызвало никаких массовых проблем у тех или иных социальных групп (а ведь в большинстве из этих стран средняя продолжительность жизни существенно выше, чем в России, и доля бабушек и дедушек в населении гораздо больше).

Как раз-таки, система облачной демократии позволяет всем желающим бабушкам и дедушкам, равно как и их внукам и внучкам, в любой момент времени реализовать свои гражданские права, что в нынешней России бывает весьма непросто для пожилых людей, испытывающих проблемы со здоровьем.

Во-вторых, организовать разовое обеспечение всех сограждан доступом в интернет, и обучение их пользованию системой принятия решений — это никак не дороже печатания бюллетеней, создания комиссий и организации полетов вертолетов с урнами для голосования в дальние поселки. Такое обучение будет принято с пониманием и благодарностью — чего-чего, а свободного времени у пожилых людей, как правило, более чем достаточно. И, конечно, не надо недооценивать наших дедушек и бабушек, в большинстве своем это вполне адекватные люди и стоит только им помочь — и они во всем разберутся. В тех же местностях, где 100% интернетизация все еще не представляется возможной, легко вырывает просто решение в виде создания сети пунктов коллективного доступа, использующих, например, инфраструктуру школ, почтовых отделений, сельских клубов и т. д.

В-третьих, и это, пожалуй, самое важное — неспособность разобраться в нескольких кнопках на экране является самым очевидным признаком фактической недееспособности данного гражданина. Ведь в

том-то и дело, что разобраться в листке с галочками и названиями партий тяжело больному (дело ведь не в возрасте, а именно в уровне адекватности ситуации) человеку ничуть не проще, чем с упоминавшимися выше кнопками на экране. К сожалению, во многих случаях голосующие в психиатрических лечебницах и домах престарелых люди не осознают в полном объеме, что они делают, ставят подпись и галочку в указанных местах. И зачастую именно хождение с урнами по квартирам тяжело больных людей, а равно и голосования в домах престарелых и психиатрических лечебницах являются базой для фальсификаций и манипуляций в нашей стране. Мы же предлагаем другой вариант, гораздо более простой и гуманный: у человека есть возможность участвовать в жизни своей страны, но если он уже настолько не в себе, что не может разобраться с несколькими кнопками — возможно, ему уже и не стоит голосовать.

4. Анонимность является фундаментальной свободой в интернете! Вы покушаетесь на свободу пространства информации!

Если какая-то система развивалась определенным образом в течение лет или даже десятилетий, это вовсе не значит, что она не может развиваться иным образом. Все меняется, и интернет тоже. Социальные сети практически отменили анонимность в повседневном интернет-общении, широкое использование ЭЦП положило конец анонимности в деловых интернет-коммуникациях.

Мы не считаем анонимность базовой, фундаментальной ценностью интернета, и заявляем об этом прямо. Для нас интернет — это, в первую очередь,

уникальная коммуникационная среда, которая позволяет решительно упростить и удешевить огромное количество процессов, неэффективных в оффлайновом мире. Но в реальном мире очень немногие процессы протекают анонимно; эти же процессы и должны быть анонимны в интернете.

Что же касается голосований, принятия решений, государственного управления — то хорошо известно, и мы тоже придерживаемся этой точки зрения, что максимальная прозрачность является единственным способом достичь ответственности, качества принимаемых решений, эффективной обратной связи, победить коррупцию и предотвратить управленческие ошибки. И если кто-то не готов жить в доме со стеклянными стенами — это его право, никто его не ограничивает. Значит, этот человек может быть просто избирателем и сидя глубине своей приватности отдать свой голос людям, о которых он все знает. Но если он все-таки захочет вступить полемику — ему как минимум придется представиться, а если захочет сам стать политиком — тогда совершенно непонятно, о какой анонимности может идти речь?

Как же на самом деле будет работать облачная демократия, если в силу каких-то политических преобразований она станет основой государственного устройства? Мы не можем этого точно утверждать — и никто не может, пока не будут проведены достаточно масштабные натурные эксперименты, — но мы с большой долей уверенности предполагаем, что **реализованная на практике облачная демократия станет экспертократией в частностях и народовластием в главном.**

Мы полагаем, что большинство пользователей достаточно быстро (может быть, немного «поиграв» с системой) примет решения о делегировании своих голосов тем или иным лидерам общественного мнения. Постоянно следить за происходящим в системе облачной демократии будет лишь незначительная часть политизированных граждан — вряд ли более 15-20% от общего числа имеющих право голоса. Таким образом, система окажется достаточно консервативной и устойчивой к небольшим возмущениям; например, естественный спад популярности любого политика, который наступает вскоре после избрания на ту или иную должность (когда у избирателей есть уже запросы и ожидания, но еще слишком мало времени прошло, чтобы практические результаты работы политика были наглядны), не будет приводить к его мгновенному переизбранию, поскольку подавляющее большинство избирателей после окончания предвыборной кампании будет на длительное время терять интерес к деятельности политика, и не будет отзываться на него свои голоса, пока он не совершает каких-то действительно тяжелых ошибок или проступков.

Вместе с тем, граждане будут постоянно получать информацию о происходящем в системе, и, поэтому, будут наблюдаться периодические всплески интереса к тем или иным голосованием. Размер этих всплесков будет определяться скорее не объективной важностью темы, а ее резонансностью, и личным восприятием граждан. Так, условно говоря, вопрос об инвестициях в транспортную инфраструктуру будет, наверное, собирать меньше непосредственно голосующих и, тем более, меньше комментирующих, чем вопрос о перезахоронении тела В.И.Ленина, а на местном уровне вопрос реконструкции дорожных развязок окажется

менее обсуждаемым, чем вопрос о строительстве торгового центра — но это нормально; возвращаясь еще раз к «принципу неухудшения», мы легко вспомним, что и в оффлайновом мире интерес избирателей распределяется с подобными неравномерностями. Более того, обсуждение таких мелких по существу, но резонансных вопросов, пойдет на пользу системе облачной демократии, поскольку будет стимулировать избирателей постоянно сохранять там свое активное присутствие.

Вместе с тем, большинство серьезных вопросов будет обсуждаться почти исключительно экспертным сообществом. Вряд ли можно ожидать, что значительная часть избирателей захочет оставить за собой голоса по бюджетным вопросам, чтобы регулярно прочитывать многостраничные документы с цифрами. Очевидно, что и на местном, и на региональном, и на федеральном уровне, голоса большинства граждан по вопросам такого рода будут переданы узкому кругу экспертов; в этом круге, однако, будут представлены все основные политические и экономические течения. В соответствии с нашей концепцией о том, что лидеры по числу делегированных голосов должны получать финансовое вознаграждение, работа этих экспертов будет выстроена на профессиональной основе, и они смогут, достигая компромиссов, готовить и принимать качественные решения.

В то же время, по фундаментальным вопросам типа войны и мира, государственного устройства, по громких и касающихся каждого реформам (образования, здравоохранения, армии и т. п.) вполне следует ожидать, что большая часть избирателей примет решения не делегировать свои голоса. Такие голосования по

важнейшим вопросам превратятся тогда фактически в референдумы.

Наконец, при практической реализации облачной демократии заметную роль будут играть лоббистские группы, группы по интересам. Все они тоже будут участвовать в системе облачной демократии, обсуждая свои, неполитические вопросы. Будучи хорошо организованными, они станут мощной силой при подготовке, обсуждении и принятии решений в своей сфере интересов.

Таким образом, любая группа активистов или интересантов может и должна превратиться в ячейку облачной демократии. Условное общество цветоводов, поглощенное вопросами организации очередной ежегодной выставки, обязательно активно и организовано отреагирует на законопроект об изменении норм фитосанитарного контроля при импорте луковичных цветов. Ведь этих цветоводов уже много в системе, ведь у них сложилась культура обсуждения и принятия решений, ведь в их сообществе есть признанные эксперты. Они смогут быстро сорганизоваться, наделить всеми своими голосами одного своего представителя, и серьезно повлиять на итоги голосования по затрагиваемому их интересы вопросу. Переход от аполитичной повестке к политической и общественной (и обратно) будет осуществляться очень легко, стихийно.

Облачная демократия — это не только набор инструментов для принятия решений большими группами людей посредством электронных голосований. Мы полагаем, что облачная демократия — это еще и очень сильная идеология, которая сама по себе имеет огромный потенциал для преобразования фундамен-

та системы взаимоотношений в обществе. Идеология прямой электронной демократии — это идеология участия каждого гражданина в принятии решений, идеология сфокусированная на ценности личности и ее прав, и на необходимости участия каждого гражданина в активном преобразовании своего жизненного пространства, вместо ожидания благ от государства. Роль государства при облачной демократии минимальна, роль гражданина — максимальна.

Это соображение, высказанное в ряде наших статей, тоже вызывало много вопросов: мол, электронная демократия — это всего лишь инструмент принятия решений, технология, а вовсе не самодостаточная идеология. На наш взгляд, это не так.

В России (да и не только в России) сейчас невооруженным взглядом видна борьба и раскол между двумя полярными принципами, между двумя мировоззрениями — одно из них можно условно назвать «патерналистским», другое — «партиципативным», мировоззрением опеки и мировоззрением участия. Первая модель — это модель ожидания сильной руки от государства. Государство должно что-то своим гражданам, государство существует для того, чтобы опекать граждан, граждане ожидают от государства гарантий и предоставления определенного набора социальных благ, государство должно решать за граждан их проблемы. (При этом, если государство решает проблемы граждан более или менее успешно, граждане соглашались не интересоваться тем, как именно государство ведет свои дела).

Конкурирует с ней модель, в которой в качестве главного источника инициативы, активных действий рассматриваются граждане. Неравнодушные граждане, не склонные ожидать чего-либо от государства, но

вкладывающие свои силы и время в решение проблем окружающего мира, начиная, возможно, с самого низового уровня (подъезда, дома, двора).

Так вот, облачная демократия — это наиболее прямое, полное, концентрированное выражение партиципативного подхода. Минимизируя роль государства, облачная демократия ожидает от каждого гражданина непосредственного участия в решении всех вопросов жизни общества, определяет как наивысшую ценность свободу выражения гражданином своего мнения, предоставляет наибольшие возможности для политического роста самым активным гражданам.

Идея о том, что граждане не должны ждать мудрой отеческой опеки от государства, а должны сами обустроить свой быт (причем не только на уровне дома, но и на уровне муниципалитета, региона, всей страны — потому что электронная демократия предоставляет технологические возможности для этого) — это базовая идеологическая установка, самоценная, обладающая огромным потенциалом.

17. Как нам обустроить Электронную Россию?

Идеи о будущем, которые мы излагаем в этой книге, относятся к идеальному состоянию электронной демократии, которая пока еще нигде не существует. Однако в принципе можно себе представить, что некая небольшая страна начинает ее внедрять уже сейчас. Более того, некоторые страны стоят на пороге перехода к такой форме общественного устройства.

В качестве классического примера страны, реально приближающейся к облачной демократии, сейчас принято приводить Эстонию. При населении в 1,3 миллиона человек эта небольшая страна полностью смогла решить вопрос обеспечения всех своих граждан факторами аутентификации, удостоверяющими личность в электронных коммуникациях.

Выглядит это так: у каждого гражданина есть электронная карта с ключами электронной же подписи, которая позволяет ему идентифицировать себя при взаимодействии с банком, пенсионным фондом, правительством и т. д. Также в Эстонии уже проводят электронные голосования (во время парламентских выборов 2011 года, более 25% голосов избирателей были поданы через Интернет). Немало продвинулись по этому пути также Бельгия, Сингапур, другие государства. Финляндия и Дания уже сделали весь обмен документами между государством, гражданами и бизнесом электронным. Даже экзотическая Гватемала летом 2012 года решила полностью перевести на электронные рельсы все деловые коммуникации.

Таким образом, скорее всего, какая-нибудь из европейских стран и станет пионером на пути внедрения облачной демократии. К сожалению, для России все

это пока только теория. Понятно, что пока у нас невозможно быстро обеспечить всех граждан средствами аутентификации. Понятно, что невозможно решить проблему цифрового неравенства и отсутствия выхода в сеть для очень многих избирателей. Именно поэтому внедрение облачной демократии не выглядит в нашей стране задачей ближайших нескольких лет. Да и невозможно представить себе одномоментный переход от демократии обычной к демократии электронной, тем более в масштабах России.

Нам кажется, что расстраиваться из-за того, что прямо здесь и сейчас в России электронной демократии быть не может, не стоит. Разумнее будет поговорить о том, какие могут быть сделаны конкретные шаги на пути к ней. Потому что к тому моменту, когда наша страна подойдет к возможности внедрения таких технологий, передовые страны уже наработают колоссальный опыт — и положительный, и отрицательный. То есть в каком-то смысле мы получим уже опробованные на больших массивах технологии и схемы. Тем не менее одного пассивного опыта, извлекаемого из наблюдений за соседями, будет маловато.

В последующих главах мы опишем те практические шаги, которые были нами предприняты для создания в России площадки, которая в некотором смысле является прообразом будущей глобальной системы облачной демократии. Такой площадкой мы считаем наш проект Демократия2, но в каком-то смысле все социальные сети, все проекты электронных голосований, петиций работают на воплощение тех идей, о которых мы говорим.

Многokrатно нам задали опрос: стоит ли заниматься отработкой принципов «облачной демократии» в сети прямо сейчас? Может быть, стоит бросить

все силы на изменение политического режима в России, а уж потом, на государственном уровне внедрять эти принципы в жизнь?

Прежде всего, мы совершенно не противопоставляем реальную социальную или политическую активность и подготовку базиса для облачной демократии в сети. Никакой дихотомии «или-или» нет, да и не может быть. Уход в виртуальный мир, и отказ от политической борьбы в реальном мире — это несомненный тупик. Но ничуть не меньшим тупиком, по нашему мнению, является сведение всех возможных форм гражданской активности только к участию в секундных политических тусовках и акциях. Любая активность должна структурироваться и закрепляться, чтоб раз собравшись по какому-либо поводу, люди могли сохранять возникшие связи и использовать их в других ситуациях.

Необходимо накапливать общественную активность, фиксировать и институционализировать ее, причем в максимально удобной и доступной форме. В любой ситуации думать надо о будущем, о том, к чему вы придем после того, как нынешняя система окончательно рухнет — тогда пригодятся все наработки, и все возникшие альтернативные сети и связи.

Мы смотрим на проблему и с другой стороны: поскольку технической возможности для повсеместного внедрения электронной демократии в России прямо сейчас нет, а теоретическую и практическую подготовку к грядущей электронной демократии нельзя взять и сделать обязательной для всех граждан, то надо искать компромиссные варианты. Например, для начала можно подумать о том, чтобы сделать электронную демократию доступной для тех граждан, которым хо-

телось бы в ней участвовать. Этим мы достигаем решения нескольких задач.

Во-первых, решаем задачу обкатки механизмов электронной демократии в пилотном режиме, не принимая на себя слишком большой ответственности за последствия этих опытов.

Во-вторых, это помогло бы уже сейчас привлечь политически активных граждан, которые потом станут элитой нового общества, так как будут наиболее осведомлены и подготовлены к жизни в новых условиях. Не секрет, что нынешняя политическая система в нашей стране фактически не оставляет пространства для политического самовыражения. Трагические последствия такого положения дел мы ощутим со временем, когда демократия (не обязательно сразу электронная) станет возможной, а вот с кадрами и опытом будут проблемы.

В-третьих, виртуальная площадка может стать удобным плацдармом для формирования и обкатки команды единомышленников, с которой можно попытаться поучаствовать и в реальной политике.

Этот пункт приобрел особую важность после начала так называемых «политических реформ», прежде всего — после изменения законодательства о партиях. Если отбросить фактор возможного произвола регистрирующих органов, то создание партии в новых условиях уже не представляется таким уж сложным делом. Ключевой вопрос любого партстроительства — откуда взять людей и как их организовать по всей стране с минимальными затратами?

Когда затевался проект Демократия2, ни о каком партстроительстве мы, естественно, не думали. Изначально этот проект формулировался как открытая площадка для различных сообществ. Мы надеялись,

что среди этих сообществ в том числе окажутся политические, и постепенно мы сможем построить некое пространство альтернативной гражданской активности. Мы ждали, что первыми «клиентами» Демократии² станут ТСЖ, небольшие некоммерческие организации, региональные сообщества по интересам.

Как это часто бывает, время быстро и неумолимо внесло свои коррективы в наши планы. Поправки, внесенные в закон «О партиях», с одной стороны, сделали возможными эксперименты, связанные с построением партии, а с другой стороны, породили большой спрос на партстроительство. Если раньше политические и гражданские активисты прекрасно знали, что в существующих политических реалиях невозможно построить партию (у всех перед глазами были наглядные примеры в виде нескольких десятков неудачных попыток регистрации партий в 2003–2011 годах), то теперь стало ясно, что партия может стать инструментом для участия в местных и региональных выборах.

Мы уверены, что созданная нами площадка вполне может оказаться подходящей базой для построения реальной политической партии снизу вверх.

Главная проблема тех партийных проектов, которые стали появляться в огромных количествах после либерализации партийного законодательства, заключается в их московской ориентации и ориентации на одного лидера. Схема подобного партстроительства однообразна: лидер находит деньги и создает сетку региональных отделений, которые легитимируют статус лидера на федеральном съезде партии. Этим исчерпывается смысл их существования. Условно говоря, в партии имени Иванова, председателем не может быть никто иной, кроме Иванова, и на этом демократия заканчивается. При этом нельзя сказать, что такая

прискорбная картина сложилась только потому, что все партстроители сугубо антидемократичны и хотят строить исключительно тоталитарные секты вместо партий. На самом деле, существуют и объективные проблемы.

Например, любому партстроителю необходимо создать региональные отделения не менее, чем в 42 регионах страны. Это очень непросто, поскольку речь идет о том, чтобы охватить практически все крупные города (в России всего 13 городов-миллионников), все федеральные округа и т.д. Кроме того, в каждом субъекте необходимо найти адекватных политических активистов, готовых к конструктивной и организационной политической работе. Проблема заключается в том, что таких людей осталось крайне мало, поскольку политическое безвременье начала XXI века извело под ноль практически всех независимых политических активистов как класс. Те люди, которые были активны в региональной политике в конце 90-х, либо влились в системные политические институты, либо ушли в бизнес, либо уехали в Москву или за границу. На пустом российском политическом поле, за редчайшим исключением, не возникает новых независимых региональных политиков. Именно поэтому московскому лидеру, пожелавшему построить для себя политическую партию, практически не остается другого выбора, кроме как идти по пути партстроительства «сверху вниз», фабрикуя региональные отделения из имеющегося некачественного материала и обеспечивая их лояльность небольшими, но регулярными денежными вливаниями.

Создание партии «снизу-вверх», через поиск и объединение единомышленников, через использование схем коллективного финансирования (краудфандин-

га) и коллективного составления и редактирования программных документов (краудсорсинга) — все это создает предпосылки для появления даже в рамках нынешней политической системы реальных партий, представляющих интересы групп единомышленников и сторонников каких-либо идей.

Но дело, конечно, не только и не столько в создании партий.

Главная идея облачной демократии — это возможность каждого человека быть активным там и тогда, когда он сам этого хочет. Любые виды и формы общественной активности могут и должны развиваться. Нюанс в том, что внутри появляющихся групп активности необходим четкий и понятный механизм принятия решений и внутреннего структурирования — прежде всего, через механизмы голосования и делегирования полномочий.

Практически мы предлагаем политически активному классу России, лишенному ныне ряда политических возможностей, начать учиться, тренироваться и готовиться к будущему, которое неизбежно настанет. И делать это в режиме реального времени, в условиях максимально приближенной к действительности виртуальной реальности, где никто не сможет помешать нам строить такую страну и такую власть, какую мы хотели бы иметь. И главное — с возможностью в любой подходящий момент перенести виртуальную активность, со всеми ее связями и иерархиями, в реальный мир.

Политические активные люди, для которых Интернет давно уже стал важнейшим средством коммуникации и самовыражения, не просто вступают еще в одну социальную сеть. При участии в подобном проекте значительного количества людей он сам по себе

довольно быстро становится политической силой и начинает воздействовать на внешний мир.

Собственно говоря, интернет в России уже стал важным фактором и власть вынуждена действовать с оглядкой на реакцию сетевого сообщества (а по факту — самой активной и образованной части населения). Но у власти есть ряд замечательных отговорок, каждая из которых позволяет обосновывать игнорирование того или иного мнения, высказываемого сетью.

Во-первых, используется тезис об анонимности сетевых активистов. С одной стороны, это дает возможность ставить под сомнение их количество («это все нанятые за деньги боты»), с другой — сомневаться в качестве высказываемых идей («пишут офисные хомячки»). Следовательно, анонимность в общественно-политическом секторе интернета должна отойти в прошлое.

Во-вторых, на щит поднимается фактор отсутствия в сети какой-либо объективной иерархии. Даже наличие в каком-то блоге сотен тысяч читателей не делает его автора уполномоченным для общения с властью: как уже указывалось выше, количество реальных граждан, участвующих в сетевой активности, оспаривается, да и никакого основания утверждать, что все эти люди не просто читают, но и согласны с автором, тоже вроде как нет. Можно, конечно, провести голосование, но оно будет проигнорировано или оспорено — да и где его проводить, на каких условиях?

Таким образом, для развития «облачной демократии» в России важно сделать первые, но очень значимые шаги: граждане должны высказываться неанонимно и фиксировать свои мнения с помощью понятной и прозрачной системы. Только так участники

сетевых дискуссий станут реальными игроками и на политической сцене «живой» России. Конечно, если их действительно наберется достаточное количество.

Решения, которые будут приниматься в такой системе, нельзя будет игнорировать, поскольку это будут решения активной части общества. Мы знаем, что крупные изменения делаются 0,3–1% активных людей, притом что основная масса находится в пассивно-послушном состоянии. Массу в 100 тысяч реальных граждан России, вовлеченных в электронную политику, просто проигнорировать не получится. Хотя даже если и игнорировать, все равно в результате их деятельности будет накапливаться серьезное число альтернативных законов, законопроектов, местных нормативных актов и просто принципиальных и стратегических решений о путях развития той или иной территории. Этот интеллектуальный капитал будет конкурировать с тем, что предлагается сейчас официальной властью, и сможет легко его заменить в любой момент. Будут обсуждаться и решаться и те вопросы, которые сейчас действующей властью игнорируются. При этом система сама выявит, какие из этих вопросов нуждаются в первоочередном обсуждении, будь то проблемы незаконной миграции, люстраций или, может быть, экологии.

Таким образом будет достигнута еще одна побочная цель: возникнет альтернативная легитимная инфраструктура нормативных актов и органов власти в сети. По сути, возникнут некие параллельные сетевые парламенты для каждого серьезного региона и города. Также появятся альтернативные политики, которые преуспеют в своей работе в определенных структурах. Плюс создадутся альтернативные политические движения, течения, которые смогут о себе заявить, — ска-

жем, экологи или «пиратская партия», которая сейчас не имеет никакого шанса быть хотя бы созданной, тем более быть услышанной. Особенное значение такой проект может иметь для формирования альтернативной элиты в периферийных регионах и небольших городах, где давно уже нет никакой возможности что-то делать в плане практической политики, на полностью зачищенном и подконтрольном власти политическом поле.

Все это представляется абсолютно реальным. Более того, параллельно будет решена задача, о которой мы говорили в самом начале, — будет проведена техническая обкатка всех механизмов. Станет понятно, с какими проблемами придется столкнуться, что сможет, а что не сможет работать в будущем. В конце концов, мы будем иметь внятный и четкий ответ на вопрос — «а кто вместо них?». Пусть это будет сначала казаться смешным, пусть сначала это будет просто прикол, но когда в каждом регионе, в каждом городе, а главное — в масштабах всей страны сформируется альтернативная власть — это будет тот фактор, который нельзя игнорировать. Так потешные полки Петра I стали фундаментом, на котором была построена русская гвардия.

18. Разработка, запуск и эволюция системы Демократия2

Сразу после написания и выхода в свет первого издания этой книги мы очень плотно занялись поисками путей воплощения наших идей в жизнь.

Главный наш тезис был (да и остается) простым: единственный путь перехода к облачной демократии — это участие большого числа людей в этом проекте. Если людей будет много, то их нельзя будет игнорировать. Если людей будет очень много, то все, что они делают совместно, обретет легитимность явочным порядком, вне зависимости от желания или нежелания нынешних властных группировок. Поэтому нам казалась приоритетной задача создания удобной и функциональной интернет-платформы облачной демократии, на базе которой сотни тысяч, а может и миллионы людей могли бы взаимодействовать и общаться — но не в бытовом смысле, а по политической и социальной тематике.

Конечно, какой бы развитой не оказалась в итоге интернет-площадка, она все равно останется лишь прототипом, потому что полное воплощение изложенных в данной книжке принципов возможно только в случае полного преобразования государства и общества. Тем не менее, мы считали и считаем необходимым создавать и расширять общественную социальную сеть, ибо убеждены, что именно там формируется будущее. При каком-то развитии событий, созданная сейчас общественная сеть могла бы стать костяком будущей общегражданской сети.

Итак, мы были преисполнены намерений перейти от слов к делам, и создать программную платформу для обкатки предложенной нами теоретической модели. Сделать это было невозможно без финансовой и организационной поддержки со стороны других людей, которые сочувствовали бы нашим идеям. Поэтому, первая задача, которая перед нами стояла, заключалась в том, чтобы рассказать о наших идеях как можно большему количеству людей. Еще на стадии черновика мы разослали наше сочинение разным людям и, к нашему удивлению и радости, получили отовсюду весьма вдохновляющие отзывы. Нам удалось издать небольшой тираж нашей работы и при участии наших друзей провести ее презентацию в Москве.

После презентации книжки «Облачная демократия» в Москве и Екатеринбурге, она была выложена в интернет и получила хорошие отзывы в нескольких популярных блогах. Вместе с десятками тысяч скачиваний и сотнями отзывов, мы получили ряд содержательных предложений о том, как нашу теоретическую идею облачной демократии можно было бы воплотить на практике в виде работающего программного продукта. В основном это были предложения со стороны программистов из разных городов. Однако, имеющийся опыт управления в сфере разработки программного обеспечения однозначно говорил, что очень сложно будет вести масштабный проект с распределенной по разным городам командой, состоящей из программистов-волонтеров, которые не смогли бы уделять проекту достаточного количества времени. Примеры таких успешных проектов, безусловно, есть — но только если их создатели не связывают себя жесткими временными рамками, мы же летом 2011 года прекрасно

понимали, что времени очень мало, и востребованность системы вскоре будет очень высока.

Именно поэтому, и в этом мы должны честно признаться, основное внимание мы уделяли не предложениям волонтерской помощи, а письмам и звонкам от людей, готовых оказать материальную поддержку нашего проекта. Мы сформулировали определенные критерии, на которых мы были бы готовы принять такую поддержку (главным из этих критериев было невмешательство инвестора в политическую жизнь проекта), и, в конечном итоге, остановились на предложении, которое поступило от Сергея Колесникова — российского бизнесмена, известного своими публикациями, которые можно было бы отнести к категории принудительной честности. Самыми известными статьями Сергея Колесникова были материалы о деятельности концерна «Петромед», и в частности, о строительстве так называемого «дворца Путина в Геленджике».

Сергей Колесников «на берегу» согласился на отказ от какого бы то ни было политического вмешательства в разработку проекта, а также на то, чтобы управление проектом взял на себя конгломерат его пользователей. Иными словами, предоставленные им средства явились не столько инвестициями, сколько спонсорскими пожертвованиями.

Заручившись гарантиями финансовой поддержки проекта по крайней мере на начальной его стадии, мы уже в начале августа 2011 года сформировали команду разработчиков. Ее ядром (существенно расширенным для работы над проектом Демократия2) стал коллектив разработчиков, который ранее уже работал над важным и успешным общественно-политическим проектом «ДалСлово» (www.dalслово.ru).

Об этом проекте мы рассказывали в приложении к первому изданию. Проект ДалСлово, стартовавший в марте 2011 года, и успешно продолжающий свою работу по сей день, посвящен сбору и контролю над выполнением обещаний политиков и иных публичных деятелей. Пользователи сами заносят в систему ДалСлово найденные ими на просторах интернета обещания политиков, подкрепляя их ссылками на исходные материалы, а когда подходит срок проверять исполнение обещания, система оповещает об этом всех подписанных на обещание пользователей, и начинается работа по проверке. Реализована функциональность рейтингов политиков, обсуждения обещаний, поиска и добавления новостей о ходе исполнения обещаний. Конечная цель проекта: повысить степень ответственности политиков (вне зависимости от их партийной принадлежности) за свои слова.

Мы подробно проанализировали различные сценарии использования системы и исходно ориентировались на то, чтобы создать универсальную открытую платформу, пригодную для организации работы любых сообществ, которым необходимо принимать юридически значимые решения путем голосования. Мы надеялись на то, что нашими клиентами станут и политические партии, и гаражно-строительные кооперативы, и клубы по интересам, и общественные организации. Техническое задание к проекту достигало 70 страниц, и было написано, исходя из представления об открытой и легко расширяемой системе. В целом его удалось реализовать, но определенные коррективы в развитие системы внесла российская политическая жизнь. Мы выше уже говорили о том, что летом 2011 года, запуская проект, понимали, что он должен быть реализован в короткие сроки — но, конечно, мы не предвидели той скорости, с которой политический ландшафт России начал меняться после 4 декабря

2011 года, и того, насколько в этих изменениях оказался востребованным наш проект Демократия2.

Первый прототип системы был представлен в беспрецедентно короткие сроки: уже 2 ноября 2011 года на фестивале гражданского общества «Последняя осень» (этот фестиваль был «второй редакцией» нашумевшего летнего лагеря «Антиселигер», в рамках которого мы также выступали с докладом об основных идеях облачной демократии) все участники мероприятия получили персональные приглашения на площадку Демократия2. Всего было роздано около тысячи приглашений, и многие из тех, кто эти приглашения получил, впоследствии составили костяк первых участников системы. К тому времени проект уже имел функциональность групп, блогов и голосований, которые, правда, предусматривали только варианты ответа «да/нет». Согласно нашей задумке, группой могла быть любая общность людей, которой было необходимо регулярно обсуждать вопросы и принимать решения путем голосования.

После парламентских выборов мы еще ускорили разработку. Уже 16 декабря 2011 года вышла вторая предварительная версия системы, а в середине января 2012 года вышла версия, которую мы назвали первой бетой. (В разработке программного обеспечения бета-версией принято называть «сырую» версию продукта, которая может содержать ошибки, но уже пригодную для открытого пользовательского тестирования.)

Всего за 5 месяцев мы прошли путь от запуска проекта с нуля, до создания устойчивой бета-версии в условиях меняющихся картин политической жизни и требований внешнего мира. Это очень достойный результат. Когда мы говорим о меняющихся требованиях внешнего мира, то в первую очередь мы имеем в виду

осознание того, что параллельная демократия в меняющейся России не должна носить смысл электронной игры, на которую мы нацеливались изначально, и о которой рассказывали в последней главе первого издания нашей книги.

Дело в том, что мы видели перед собой уже совершенно реальные потребности окружающей нас политической сферы, и они разительно отличались от тех, которые мы имели в виду, проектируя нашу систему. Так, например, в декабре состоялась громкая история с выборами выступающих для митинга на проспекте Сахарова, и стало ясно, что гражданским активистам необходим инструментарий для проведения заведомо честных и защищенных голосований. Голосование перед митингом на проспекте Сахарова проходило на двух электронных площадках: на сервере опросов SurveyMonkey и на Facebook'e, и в обоих случаях оно сопровождалось скандалами, подозрениями в накрутках и обвинениями в адрес организаторов. При этом организаторы не могли ничего ответить на эти обвинения, поскольку протоколы таких систем как Facebook недоступны и неконтролируемы, соответственно, невозможно проверить объективность проводимых там голосований.

Таким образом, стало очевидно, что нам надо уходить от важных, но несколько абстрактных с точки зрения практической вопросов типа: «должна ли Россия быть президентской или парламентской республикой?», которые активно обсуждались на площадке Демократия2 на заре ее существования, и заняться более насущными темами, которые вдруг появились в политической повестке..

Здесь важно отметить: несмотря на наши личные политические убеждения (а они были и остаются либе-

ральными), мы создавали систему для всех, а не только для оппозиции. Более того, мы крайне надеялись, что в ней будет и сегмент сторонников власти. К сожалению, никакого интереса со стороны сторонников действующей власти к нашим идеям мы не заметили. Несмотря на то, что в одной из своих предвыборных статей Владимир Путин упомянул об электронной демократии, никаких ясных попыток вступить в дискуссию с обществом на свободных площадках не последовало. В каком-то смысле адептов нынешнего режима можно понять: они привыкли доминировать в оффлайновых СМИ, а в интернете оперировать стаями анонимных «троллей», атакующих день и ночь оппозиционные сайты и блоги. При таком раскладе, конечно, никакая облачная демократия им не нужна.

Так или иначе, зимой 2011/12 годов российское гражданское общество в лице своей самой активной части оказалось в оппозиции власти, и всё дальнейшее функционирование и развитие проекта оказалось связанным именно с оппозиционно настроенной частью российского общества. Мы стали переделывать Демократию2, исходя из трех конкретных задач, которые в ближайшее время предстоит решать российскому гражданскому обществу в системе параллельной легитимности.

Первая задача. Выстраивание объективной иерархии среди лидеров гражданского движения. До декабря 2011 года статус и авторитет участников протестного движения не базировался ни на чем объективном, кроме того положения, которое они занимали до перехода в лагерь оппозиции; условно говоря «бывший вице-премьер» по умолчанию считался более «крутым» оппозиционным лидером, чем «бывший депутат Госдумы». После 4 декабря стало ясно, что нужна

некая новая ценностная шкала, поскольку в гражданское движение вовлеклись сотни тысяч людей по всей стране, не ориентированных на примелькавшихся лидеров первого десятилетия XXI века.

«Вы нас даже не представляете» — таким был один из самых знаменитых лозунгов зимы 2011/12 годов; этот лозунг был обращен к нелегитимной Государственной Думе VI созыва. И действительно, эта Дума никак не может считаться представительным органом. Но кто может представлять интересы «рассерженных горожан»? Очевидно, что симпатии этих людей были на стороне новых лидеров протеста, но было непонятно, кто из лидеров все же имеет право говорить от имени Болотной площади. Именно на этот вопрос было важно дать четкий, честный и измеримый ответ. Помочь в этом могла только система верифицированных голосований.

Вторая задача. Выработка идеологии и программы протестного движения. Понятно, что в гражданском движении в России объединились очень разные политические силы, и сделать из их политических программ одну, «общую программу оппозиции» никак не представляется возможным. И все же есть обширный перечень вопросов программного плана (например: Как мы видим себе переходный период? Должно ли быть создано Конституционное собрание? Есть ли место для переговоров с нынешней властью? Могут ли быть ей даны гарантии безопасности, и если да, то какие?), которые никак не могут быть спущены «сверху» (просто неоткуда!), а должны обсуждаться утверждаться широким кругом участников движения. Для этого тоже нужна подходящая площадка.

Третья задача. Избрание представительных органов протестного движения: оргкомитета протестных

действий, или, например, состава переговорщиков для взаимодействия с властями, альтернативного парламента, те же самые голосования о выступающих на митингах, о времени их проведения и лозунгах; короче говоря, решение организационных вопросов.

В отличие от идей, которые ранее рассматривались на Демократии 2 первое время, эти три задачи отличал их непосредственное влияние на окружающий мир.

В техническом плане, главной задачей, которой нам пришлось заняться в рамках проекта Демократия2, стало развитие механизмов аутентификации пользователей. Одно дело — игровая параллельная реальность; другое дело — политическая площадка, на которой принимаются решения, оказывающие существенное влияние на реальный ход политических событий в рамках российского гражданского общества.

Исходно, по техническому заданию, в системе Демократия2 была предусмотрена регистрация пользователей через механизмы так называемых «инвайтов», то есть регистрация на основании приглашений новым пользователям от ранее уже зарегистрированных. Инвайт в таком случае служил и подтверждением идентичности нового пользователя — считалось, что приглашающий несет ответственность за то, что он знает приглашаемого, и тот, действительно, является живым человеком. Даже если это было бы не так, в случае выявления деятельности группы «ботов», можно было бы по цепочке инвайтов легко проследить, действия каких пользователей привели к попаданию в систему фальшивых пользователей, и принять необходимые меры по их отключению.

Однако, аутентификация с помощью инвайтов хороша для проектов, которые ориентированы на длительный период закрытого тестирования (на который у нас не было времени), а потом рассчитаны на некоторую элитарность, клубность, когда обладание инвайтом становится ценной привилегией. Этого мы позволить себе в рамках Демократии² никак не могли.

Вторым шагом в развитии системы аутентификации стало подтверждение номера мобильного телефона участника системы; таким образом был сразу резко повышен порог вхождения для «ботоводов». Одно дело — создать несколько аккаунтов; другое дело — раздобыть где-то большое количество сим-карт, и, постоянно переключая их, вести работу в системе. Безусловно, это все еще возможно, но уровень временных и финансовых затрат для потенциальных злоумышленников возрастает настолько, что такая деятельность перестает быть интересной.

Третьим шагом стала привязка банковской карты через PayPal. Владелец любой банковской карты получил возможность привязать его к своему аккаунту в системе Демократия², при этом хранение номеров самих банковских карт в системе не предусматривается (этим занимается известный и хорошо защищенный сервис PayPal). Снова повышается «порог входа» для недобросовестных пользователей: необходимо не только несколько сим-карт привязать, но и несколько выпущенных на разные имена банковских карт. И все же, даже эту схему еще нельзя назвать на 100% надежной.

Поэтому финальным, четвертым шагом в развитии системы аутентификации пользователей стала привязка персональных данных через банковский платеж. В этой схеме пользователь получает SMS с личным ко-

дом, который представляет собой трехзначное число, и осуществляет банковский перевод на соответствующее количество копеек (например, если был получен код 573, то пользователь должен отправить платежку на сумму 5 рублей 73 копейки), и личные данные пользователя, содержащиеся в банковском платежном поручении, автоматически привязываются к тому номеру телефона, на который была отправлена SMS, и, соответственно, к аккаунту пользователя в системе Демократия2. Качество такой схемы аутентификации не ниже, чем личная проверка паспорта пользователя.

На этом развитие системы Демократия2 как программного продукта отнюдь не заканчивается. Так, следующий большой блок работы будет связан с разработкой специализированного мобильного приложения для всех основных платформ. Пользователи смогут тогда активно принимать участие во всех голосованиях (получая оповещения о них), будучи избавленными от обязанности непременно продирааться через весь объем формируемого в системе контента.

Вот такой была эволюция системы Демократия2 за прошедший год, между первым и вторым изданием нашей книги. На сегодняшний день система развивается как волонтерский проект. Денежные средства, которые были предоставлены Сергеем Колесниковым, закончились еще зимой, поэтому иногда развитие системы идет не так быстро, как нам хотелось бы. С другой стороны, мы очень хорошо понимаем, чего мы хотим добиться в конечном итоге. Демократия2 — это площадка для создания альтернативной легитимности подлинной гражданской политической жизни в России.

Мы много думаем над будущим наших идей и действующего прототипа той облачной демократии, о ко-

торой мы пишем. Мы понимаем, что пока нам особо нечем хвастаться. Несмотря на большие возможности, которые уже сейчас дает наш проект Демократия2, он все еще неизвестен для большинства потенциальных пользователей. Тем не менее, мы верим, что рано или поздно, на созданной нами площадке или на какой-то другой, а скорее всего — на базе целой сети разных социальных сетей за спиной всех ныне существующих политических режимов возникнет и оформится новое общество, и новая структура политических взаимоотношений — прозрачная, честная и общедоступная демократия нашего ближайшего будущего.

19. Немного футуризма: регионы и нации в облачной демократии

Наша небольшая книга заканчивается, но история электронной демократии только начинается. Мы прекрасно осознаем, что сняли только самый верхний слой сливок, что очень многие аспекты электронной демократии еще предстоит обдумывать и обсуждать, и, скорее всего, серьезные попытки практического внедрения описанной нами модели повлечет за собой и значительную ее корректировку.

На достигнутом останавливаться нельзя — надо продолжать думать, продвигаться вглубь, обсуждать различные аспекты функционирования общественных институтов в эпоху облачной демократии. Эта эпоха несомненно наступит — рано или поздно, но скорее рано — и мы должны подойти к ней во всеоружии.

Поэтому в завершающей главе мы хотим вернуться к теоретизированию, которое может показаться сомнительным, излишне футуристическим. Но мы хотим оставить как можно больше пространства для дискуссии, возбудить как можно больше порывов мысли и желания поспорить. Поэтому мы хотим поговорить о двух очень больших вопросах — региональном и национальном — в контексте развития облачной демократии.

Многие органы и даже уровни власти, которые сейчас существуют и кажутся нам вполне логичными, при ближайшем рассмотрении оказываются издержками исторически сложившейся иерархичной власти, кото-

рая в своем привычном виде формировалась при абсолютизме. Поскольку концепция облачной демократии основывается на переосмыслении исторических ограничений в контексте возможностей современных технологий, было бы интересно таким же образом посмотреть и на другие институты современного политического устройства.

Например, представляется, что регионы (то есть крупные единицы административно-территориального деления государств) в их нынешнем виде являются пережитком прошлого для современного мира. Исторически, каждый регион так или иначе сформировался самостоятельно, естественным образом, через объединение городов и общин, которые позже входили в состав государств на правах графств, княжеств и так далее. Впоследствии, с развитием империй и, прежде всего, на вновь осваиваемых территориях, регионы начали формироваться искусственно — путем административной нарезки и без учета пожеланий жителей той или иной территории, исключительно для удобства управления «сверху». Примерна такова же история возникновения и районов (как административных районов в составе регионов, так и районов внутри крупных городов) — это тоже результат нарезки, которая нужна была для администрирования.

Здесь мы снова возвращаемся к нашему тезису о необходимости человеческого общества постоянно преодолевать объективные технические проблемы. Чем больше становилась территория государства, тем сложнее становилось его контролировать непосредственно. Для улучшения контроля иерархия власти ветвилась и уходила все ниже и ниже. Вертикали власти было необходимо создавать как можно больше ступенек для передачи сигнала вниз и денег вверх.

На сегодняшний день ситуация не изменилась, за исключением того, что на каждой ступеньке сформировалась еще и некая выборная структура. В России мы привыкли к трем уровням (федерация, регион и муниципалитет), во многих других крупных странах (например, в Германии) этих уровней может быть даже четыре.

При этом границы регионов, а также и многих других административно-территориальных образований существуют исключительно в головах чиновников. Исключением являются только города; по прогнозам урбанистов, жить в урбанизированном окружении в ближайшем будущем (на протяжении жизни нынешнего поколения) будет 100% населения развитых стран, и именно города как единицы местного самоуправления оказываются единственной неэфемерной объединяющей людей сущностью.

Согласитесь, что очень странной выглядит типичная ситуация, когда к очередному дню района (то есть к совершенно абстрактной дате принятия каким-то давно несуществующим органам советской власти решения о создании еще одной административной единицы), администрация района развешивает на бойком месте растяжки: «Уважаемые кировчане, поздравляем вас с 65-летием Кировского района!» Совершенно непонятно, кто собирается праздновать этот праздник и почему жителей Кировского района назвали «кировчане». В повседневной жизни человек не задумывается о том, в каком районе он живет, но, конечно, всегда помнит, в каком он живет городе.

Любой административный район в крупном городе представляет собой произвольный набор жилых микрорайонов: одна часть района упирается в центр города, а другая часть уходит в пригородные поселки.

При этом между жителями центра города и пригородных поселков нет ничего общего, кроме городской администрации и необходимости ездить по разным надобностям в одну администрацию, расположенную обычно ближе к центру, а вовсе не там, где жители района хотели бы ее видеть.

Вместе с тем, у жителей каждого района города существует самоидентификация в соответствии с фактическим микрорайоном проживания. Казалось бы, вот он, путь к логичной и понятной людям нарезки города?

Но надо понимать, что существующим органам власти, городским и районным администрациям, невыгодно, чтобы люди были разделены по такому принципу. Во-первых, в случае подобного разделения получатся очень неравномерные общины — богатый и ухоженный центр и некоторое количество бедных микрорайонов, а то и просто поселков. Во-вторых, и это гораздо важнее в наших условиях, эта община будет намного более устойчивой и внутренне собранной, чем абстрактные районы. Нужды своего микрорайона даже очень далекий от коммунальной проблематики человек понимает более-менее предметно. То есть манипулировать микрорайонным самоуправлением чиновникам будет гораздо сложнее, хотя бы потому, что собрав со всех жителей микрорайона деньги на благоустройства им не удастся объяснить, что все они потрачены на благоустройство где-то в другом месте.

Еще одна беда России, возможно одна из самых главных — это полностью раздавленное общинное самоуправление. В федеральном законе «О местном самоуправлении» есть лишь карикатурная структура ТОСов (органов «территориального общественного самоуправления»), которые не обладают ни финан-

совыми полномочиями, ни правом принятия каких бы то ни было решений. Фактически, единственное, что могут делать ТОСы — это субботники проводить. В сложившейся политической ситуации ТОСы используются исключительно как основа предвыборной сетки чиновниками городских администраций. Между тем, развивайся наше общество в XX веке эволюционно, мы могли бы получить другую ситуацию, когда местное самоуправление вызревало бы с уровня дворов и приходов до уровня кварталов, микрорайонов и муниципалитетов.

Облачная демократия как система принятия решения на базе прямых сетевых коммуникаций позволяет довольно быстро и эффективно восстановить всю эту структуру снизу доверху. Люди сами могут договориться, какой горизонт власти они видят ниже и выше общегородского (муниципального). Низший уровень самоуправления — это ТСЖ во всех их видах (учитывая размеры современных жилых комплексов, кое-где ТСЖ могут оказаться размером с провинциальный муниципалитет).

Средний уровень власти должен сформироваться в виде общины, которая обладает собственной внутренней инфраструктурой. Более-менее естественным объединяющим принципом общины может быть некая естественная доминанта, которая формирует сферу притяжения, например, станция метро, дом культуры, завод, водоем, парк и так далее. Как мы указывали выше, если бы в России не было бы революции, то этот уровень назывался бы приходом, как и раньше, когда центром притяжения была церковь.

Вслед за этим уровнем идет уровень муниципалитета, а уже за ним следует наиболее интересный для

политически активных граждан уровень — федеральный.

Относительно свободное и эффективное развитие общественной жизни можно рассмотреть на примере такого явления, как *махалла* — так в Узбекистане и некоторых других регионах Центральной Азии называют сообщества жителей нескольких соседних улиц. Изначально это и были *приходы* — поселения людей вокруг мечети (в среде бухарских евреев — вокруг синагоги). Граница мусульманской махаллы определялась зоной слышимости голоса муэдзина. Однако религиозный фактор постепенно отходил на второй план: если бы дело было только религии, то махаллы в Узбекистане и других регионах ждала бы судьба остальных религиозных общин в Советском Союзе. Махалла же прежде всего — многоуровневая система социальных, родственных, дружеских и приятельских связей внутри компактной населенной территории большого города. Главный смысл махаллы — поддержание добрососедских отношений между теми ее жителями, выстраивание взаимовыгодной системы общегития.

Любопытно и характерно, что еще с 19 общественной жизни махаллы стала не мечеть, а чайхана, то есть светское заведение. Именно там встречались и общались жители махаллы, и там обсуждались и принимались важные решения. Махалла как явление существует уже много веков и едва ли исчезнет. Во всяком случае, это явление пережило советскую власть, которая разрушила очень многие структуры традиционного общества. Махалла устояла потому, что она нужна и людям, и власти. Людям она позволяет решать свои текущие проблемы с помощью общины и поддерживать жизненную среду в приемлемом для жизни состоянии, а власти — через руководство махаллы контролировать жизнь людей.

К сожалению, как и все оффлайн-структуры, махалла имеет множество негативных сторон. Тем более, что это очень традиционная и даже традиционалистическая структура, со всеми вытекающими последствиями: кон-

троль общины над личной жизнью человека, этическим консерватизмом, аполитичностью. Тем не менее, совершенно очевидно, что существование таких общин является опровержением популярного термина о том, что некоторые народы (а особенно исламские) изначально чужды демократии.

В контексте облачной демократии махалла интересна еще и тем, что решения внутри нее принимались без сложной процедуры выборов, по взаимному согласию жителей с обязательным учетом мнения старейшин и просто уважаемых людей. Таким образом, мы видим еще одну специфическую модель прямой демократии без формализованных выборов. Естественно, и здесь необходимо учитывать высказанные выше замечания: махалла ориентирована на традиционные ценности и их носителей, так что и авторитетность внутри нее определяется по специфическим критериям. Традиционная восточная почитательность к старикам достойна всяческого уважения, но возраст (как и знание традиций) не может быть определяющим критерием при принятии жизненно важных для общины решений в XXI и последующих веках.

Внедрение облачной демократии и ее развитие значительно изменит окружающий мир. После изменения структуры местного самоуправления, а точнее сказать — его нормализации, изменения перейдут и на следующий уровень. Так, после ряда внутренних дискуссий, имевших место при написании этой главы, мы пришли к выводу, что с развитием облачной демократии обязательно трансформируются регионы.

Здесь мы вновь хотим вернуться к вопросу: кому нужны регионы в их нынешнем виде? Ответ нам кажется очевидным: в нынешнем виде регионы больше всего нужны администрации и региональным чиновникам (как и внутригородские районы нужны муни-

ципальным чиновникам и чиновникам районных администраций).

Если мы перебрасываем большую часть налогов и бюджетных полномочий на уровень муниципалитетов и общин, то получается, что в сфере полномочий региональных властей остаются лишь крупные, инфраструктурные проекты.

Наше глубокое убеждение состоит в том, что вся вертикаль власти, которая возвышается над человеком, нужна и вообще может существовать лишь до тех пор, пока она может обеспечить инфраструктурные интересы человека за пределами его двора.

В современном мире региональный уровень мог бы существовать не как административно-командная надстройка над муниципалитетами, а как связующая их структура принятия совместных и взаимовыгодных решений. При таком подходе, региональный уровень представляют собой сформированный из специалистов экспертные советы по развитию инфраструктуры, которые предлагают проекты, и лоббируют их перед муниципалитетами и общинами.

Иными словами, все мы платим инфраструктурный региональный налог, который депонируется на специальном счете. Также существует инфраструктурный экспертный совет, который пишет проекты по развитию инфраструктуры в регионах, а далее происходит продвижение того или иного проекта в муниципалитетах и общинах.

Рассуждая в такой логике, мы невольно должны задуматься и о следующем организации общества — о национальном. Что такое государство и нация, в поли-

тическом смысле этого слова, в условиях облачной демократии?

Мы видим, что концепция «плавильного котла» повсеместно потерпела крах. Люди все равно живут своими внутренними сообществами, стратифицируясь, как правило, согласно доходам и уровню образования. Понятно, что в слоях общества с относительно высоким доходом и уровнем образования не существует национальных и расовых границ. Особенно ярко это можно наблюдать в США, где в топовом списке «100 людей Силиконовой долины» представлено практически одинаковое количество англо-саксонских, индийских, еврейских, китайских и прочих фамилий. В то же время, в более низких стратах произошло очень сильное разделение, и люди живут преимущественно своими общинами, выстраивая коммуникации внутри своей этнической группы и не пересекаясь с другими этническими общинами.

Таким образом, уже сейчас мы наблюдаем две взаимоисключающие тенденции, которые явно будут развиваться и дальше.

С одной стороны, еще долго никуда не денется нация как сообщество людей с одинаковым гражданством, как это уже сейчас принято в Европе и США. С другой стороны, будут представлены разнообразные внутренние сообщества внутри одной политической нации, которым ничто не мешает развиваться и существовать.

К чему может привести подобная ситуация и чем она интересна с точки зрения облачной демократии? Начнем с того, что вся напряженность, связанная с делением людей по национальному и территориальному признаку, идет из древних времен, когда принадлежность к определенной национальности опре-

деляло место жительства человека и его роль в обществе. Сейчас этого нет. Тем не менее, все политические нации связаны языком и географией. Например, мы можем сказать, что американская нация — это люди, которые группируются на территории США, признают политическую систему этого государства и говорят на английском языке (хотя последнее уже не так очевидно). То же самое можно сказать про любую другую современную нацию, за исключением каких-то мононациональных государств, где ко всему прочему примешивает еще и общность национальной и религиозной культуры.

На наш взгляд, противоречие между двумя типами общества, о котором было сказано выше, может быть нивелировано при повсеместном переходе на облачные технологии, поскольку ничто не будет мешать человеку оставаться членом своей этнической и религиозной группы, в каком бы окружении он не жил. У любого человека появится возможность взаимодействовать с тем обществом, частью которого он себя считает. Соответственно, мы можем говорить о том, что требование неких специальных институтов, исходя из этнической и религиозной принадлежности человека, может уйти из общественной повестки дня.

Конечно, с религиозной составляющей дело обстоит несколько сложнее, но с языком и культурой вопрос решается очень просто. В том случае, если человек хочет жить в близкой ему среде, смотреть телевизор и учить детей на родном языке, то он легко может это сделать, подключившись к глобальной внутренней сети своей этнической группы. Скажем, у курдов нет своего государства, но этот народ образовал в Европе и Америке многочисленные диаспоры, и ему удается поддерживать свое национальное единство с по-

мощью современных средств коммуникации — через спутниковые телеканалы, сайты и так далее.

Важно вынести вопрос культурной идентичности за пределы политического пространства. Каждый человек должен сам решать, на каком языке он хочет разговаривать и воспитывать своих детей — и современные технологии уже сейчас дают ему возможность не чувствовать себя одиноким в любом окружении.

Таким образом, суммируя все аргументы, можно сделать вывод о том, что в современном мире постепенно исчезает необходимость сохранения обособленного государства с единой культурой, национальной жизнью и языком. Более того, исчезает оправдание существования государства как хранителя какой-то идентичности — идентичность сохраняется теми, кому она нужна и в том виде, в котором она им важна и дорога, а не навязывается сверху чиновниками и идеологами.

Очевидно, что для человека всегда будет важно, на какой улице он живет, в какой школе учатся его дети и по каким дорогам он ездит, поскольку это объективная реальность, от которой невозможно уйти. Сейчас мы все больше говорим о том, что со временем может исчезнуть региональный уровень политики, но, возможно, на следующем витке истории, именно уровень добровольных регионов будет иметь главенствующее значение, а государства превратятся в набор чистых формальностей. Здесь можно снова вернуться к нашему любимому примеру английской королевы. По факту в Англии королева есть, но при этом там наблюдается полное отсутствие абсолютизма и монархии в классическом понимании этого слова. Наверное, в каком-то смысле это судьба всех государств, и в будущем останутся лишь некие уважаемые обществом

ритуальные фигуры, которые будут выполнять исключительно декоративные функции. Глобальную же координацию будут осуществлять структуры континентального масштаба — более развитые и совершенные аналоги Европейского союза.

Сейчас в мире насчитывается около 3% людей, которые являются экспатами, и их количество возрастает с каждым годом. Есть вероятность того, что с развитием современной экономики для людей понятие Родины будет становиться все более виртуальным и находить свое отражение лишь в цвете их паспорта. В то же время, в критической ситуации будет немало важным, гражданином какой страны является тот или иной человек. В том случае, если человек имеет гражданство уважаемого государства, то он может рассчитывать на большую помощь и местных властей, и властей собственной страны.

В качестве вывода хотелось бы отметить, что, по нашему мнению, уже сейчас мир превращается в некое сообщество человеческих общезжитий. При этом ранее все человеческие объединения в группы рассматривались механически. Любой мечтатель XIX века, рассуждая о всемирном государстве, упирался в такую малоприятную вещь как всемирный язык. Далее шли попытки его создания, например, так появился эсперанто. Соответственно, люди были вынуждены учить чуждый им язык, навязанный кем-то сверху. В настоящее время, с развитием технологий, необходимость повсеместного изучения какого-то универсального языка отпадает. Напротив, сейчас в современной Европе идет процесс возвращения полузабытых языков и региональных диалектов, из которых и сложились современный английский, французский и немецкий языки. Таким образом, не стоит бояться появления так

называемого «общего человека с общечеловеческим языком», который существует в воображении некоторых традиционалистски мыслящих людей.

Что касается религии и культуры, то, на наш взгляд, сейчас эти вопросы стоят не так остро как в XIX и даже XX веке. Другой вопрос, что иногда они заостряются финансово-политическими лидерами искусственным путем, особенно в не очень развитых обществах. Тем не менее, с развитием современных технологий можно являться приверженцем той или иной религии, общаться с духовными лидерами и участвовать в общественной жизни, находясь в любой стране мира.

В наше время не модно быть оптимистами, популярнее всевозможные сценарии апокалипсисов и коллапсов. Тем не менее, мы верим в счастливое будущее всего человечества, в его прогресс и развитие. Современные технологии дают нам повод верить, что человек будущего, может и не такого далекого, будет свободнее и счастливее нас. Человек будущего будет сам решать, на каком языке ему говорить, какую этническую идентичность считать своей, какого мировоззрения придерживаться и где со всем этим жить. Еще раз повторимся, это не будет общечеловек без рода и племени, но это будет человек, который сам будет определять степень и уровень своей принадлежности к любым общностям. Да, по мере развития общество становится более атомизированным. Но гораздо лучше, когда у человека есть право остаться одному, чем когда его принудительно записывают в некую общность. Главное — чтоб его голос был услышан каждый раз, когда человек хочет что-то сказать.

Заключение

В нашей стране живут активные, смелые, инициативные люди. И если в нынешней политической реальности у них нет никаких возможностей предлагать что-то новое и строить будущее без оглядки на замшелые схемы и унылые лица бюрократов, надо строить модель нашей страны в виртуальной реальности, чтоб в подходящий момент наша общая мечта воплотилась в жизнь.

Да, мы предлагаем всем желающим поучаствовать в создании Утопии, конструировать наше будущее там, куда не дотянутся потные лапки коррупционеров и бюрократов, — в виртуальном мире. Нынешняя политическая элита России ленива, отстала, некреативна и коррумпирована. Поэтому мы уверены, что они не смогут, да и не захотят нам мешать — все войны в виртуальном мире власть проиграла и будет проигрывать и впредь.

Рано или поздно наши виртуальные победы станут реальными.

Рано или поздно Россия станет свободной и демократической страной, где все решения будут приниматься всеми гражданами и никто не сможет лишить людей их прав, их возможностей, их перспектив.

Весь мир идет этим путем, и мы не видим причин, почему Россия должна пятиться назад.

*Екатеринбург,
2010 — 2013 гг.*

Послесловие

Главное чувство, которое нами овладевает, — это ощущение, что мы немного опоздали.

Теоретически и даже технологически мы были готовы к началу протестной активности в России в 2011–2012 годах. Но увы, идеи не овладели массами и возникла масса проблем, которых можно было избежать, если бы российское протестное движение восприняло концепцию облачной демократии и действовало в ее рамках.

Главная проблема, которая оказалась во многом и фатальной, — это отсутствие у протестного движения легитимного и общепризнанного руководства, с одной стороны, и отсутствие каких-либо механизмов срочно эту проблему решить, с другой.

Стихийный протест попытались оседлать и новые протестные лидеры, и лидеры традиционных оппозиционных движений всех мастей. Возникшие на равном месте оргкомитеты и круглые столы хоть и стали важной школой демократии, но не смогли решить главной проблемы — объединить протестное движение в национальном масштабе, задать для него единый вектор. Сам факт наличия четко выраженной единой позиции гражданского общества в условиях очевидной растерянности власти в первые дни после декабрьских выборов в Государственную Думу мог бы трансформировать кремлевский нокдаун в нокаут.

Увы, этого не случилось, и момент был безнадежно упущен; уже к весне Кремль смог консолидироваться. Теперь необходимо ждать следующего всплеска протестной активности — с учетом всех извлеченных уроков.

Тем не менее в череде потерь и поражений были и несомненные победы.

Главной из них стали выборы Координационного Совета российской оппозиции. Какие бы претензии к работе и персональному составу этого органа не высказывались бы, одно то обстоятельство, что российской оппозиции удалось договориться об общих правилах игры, провести совместными усилиями избирательную кампанию и сами выборы, — причем в интернете, минимизировав офлайн-процедуры, — стало еще одним доказательством того очевидного для нас факта, что российское общество в лице своей самой передовой части готово к электронной демократии.

А то, что руководителем Центрального выборного комитета по выборам КС российской оппозиции единогласно и без особых дискуссий был назначен Леонид Волков, стало для нас важнейшим доказательством того, что наши идеи востребованы и воспринимаются обществом.

Выборы координационного совета показали, кроме того, что для развития демократических институтов процесс важнее результата, — и в этом нет ничего плохого. В ситуации, когда все выборы в стране превращены в акты бессовестной профанации, любое честное и прямое голосование привлекает к себе большой интерес. Люди хотят выбирать, людям нравится выбирать, люди готовы этим заниматься — и это очень важный фундамент для будущего. «Политический компас», «Дебаты на Дожде» и другие проекты агитационного периода, организованные Центральным выборным комитетом, стали самими яркими медиа-событиями осени 2012 года, за ними следили сотни тысяч избирателей. Важность этого в том, что таким образом

(впервые с декабря 2011 года) российская оппозиция смогла перехватить инициативу и сформировать собственную повестку, а не двигаться в кильватере кремлевских стратегов.

Тем не менее остается вопрос — что же делать дальше и куда идти?

Прежде всего для нас очевидно, что российского государство в его нынешнем виде не заинтересовано в становлении и развитии электронной демократии в любом ее проявлении. Авторитарный режим больше всего боится честных выборов и постоянной обратной связи с массами просто потому, что это неизбежно приведет к его падению. Понимая спрос на электронную демократию, режим привычно занимается созданием симулякров (типа института сбора подписей под петициями, которые станут законопроектами только после преодоления нескольких непрозрачных фильтров), и не более того.

Поэтому мы совершенно осознанно заявляем, что не только будущее «облачной демократии» в России, но и будущее самой нашей страны, связаны исключительно со сменой нынешнего режима на более демократический, свободный и справедливый.

Своей задачей мы считаем подготовку инструментария, который станет технической помощью всем тем, кто желает себе и своей страны лучшей доли, демократии, свободы и справедливости.

Ниже мы предлагаем вашему вниманию краткое описание нашего видения тех проблем и решений, которые мы видим и собираемся реализовать.

Демократия, государство и радикалы

Демократия — это сложный и дорогой, а потому легко разрушаемый режим.

Сложный — потому что организация всех демократических процедур требует значительного количества подготовленных людей, системы их взаимодействия между собой, обеспечения честности процесса и безопасности его участников.

В небольших сообществах и территориях все это возможно организовать на чистом энтузиазме. Любой выход на большие массивы и территории сразу ставят финансовый и организационный вопрос ребром.

Исходя из сказанного приходится признать справедливым нижеследующий тезис:

Единственная сила, которая способна организовать и поддерживать демократический режим в соответствии с требованиями традиционной представительной демократии — это государство.

Собственно, демократическое государство для того и существует, чтоб обеспечивать своим гражданам достойную жизнь и личные свободы.

Однако, высказанный выше тезис легко объясняет нам, почему жители авторитарного государства не могут изнутри его изменить: если власти используют весь возможный финансовый и организованный ресурс для подавления свобод граждан, то никакого энтузиазма и карманных денег не хватит на противостояние давлению. Сколько бы усилий не вкладывали в борьбу оппозиционные активисты, в каждом отдельном случае государство будет сильнее.

Окно возможностей для демократического движения открывается только в ситуации паралича власти, когда структуры власти перестают давить на граждан и позволяют им сформировать новые, революцион-

ные, органы власти, которые в итоге и сменяют старый режим.

К революционным органам власти мы вернемся позже, пока же отметим вот какую опасность: лишенное гражданских свобод общество не имеет возможности организационно и идейно подготовиться к краху авторитарного режима. В итоге крах диктатуры ведет сначала к хаосу и безвластию, а потом власть достается самым радикальным силам, которые раньше других смогли сплотиться в новых условиях и изначально были готовы действовать максимально жестко.

Чтобы не быть голословными, отошлем к опыту двух очень разных революций.

Крах царского режима в России в 1917 году обернулся несколькими месяцами хаоса и нарастающего безвластия, которые создали базу для захвата власти партией Ленина, малочисленной и маргинальной, но лучше других организованной. Иранская революция 1979 года развивалась по схожему сценарию, но гораздо быстрее и драматичнее: против шахского режима выступил широкий фронт общественных сил, но в итоге власть взяли радикальные исламисты Хомейни.

В обоих случаях, на момент краха авторитаризма никаких альтернативных иерархий власти внутри общества практически не существовало, но зато были прошедшие суровую школу подпольной борьбы и постоянного противостояния власти радикалы: в России это была сплоченная и готовая на все сеть сторонников Ленина, в Иране — опирающаяся на радикальную часть шиитской религиозной структуры сеть сторонников исламской диктатуры. В итоге, именно эти альтернативные иерархии (хотя и с признаками сети, потому что радикальные идеи в обоих случаях не распространялись централизованно — этому препятство-

вало государство) получили власть и сформировали недемократические режимы.

Революционные органы власти

Что мы имеем в виду, когда говорим о революционных органах власти?

Революционные органы власти — это временные и чрезвычайные органы власти, которые берут власть после краха диктаторского режима и формируют контуры будущего общественного строя. Как уже было сказано выше, здесь и наступает момент истины: по сути, именно характер революционных органов определяет характер будущего режима.

Соответственно, если после краха режима или, лучше всего, в момент паралича власти на арену выходят революционные органы власти, сформированные заранее и имеющие пусть даже самую краткую, но общую программу действий и общее же понимание необходимости демократии, — будущий режим будет демократическим, а радикальные элементы маргинализуются и не смогут существенно влиять на ситуацию.

Таким образом, единственный способ изменить режим в государстве с тоталитарного на демократический — это заблаговременно сформировать параллельную структуру оппозиционных координационных центров, которая в условиях кризиса режима берет власть в свои руки. Даже если они будут больше моральными центрами сопротивления режиму, чем фактическими центрами принятия решений, — они все равно сыграют координирующую — и потому решающую — роль в чрезвычайной ситуации, которая рано или поздно возникнет в силу тех или иных, зачастую непредсказуемых обстоятельств.

Современное общество так устроено, что никакая бесконечная стабильность в нем невозможна ни по экономическим, ни по технологическим, ни по демографическим причинам: раз в несколько лет кризисы той или иной величины сотрясают режимы, и, если приложить усилия, то любую из таких ситуаций можно развернуть и довести до революционного уровня. Еще чаще ситуация будет эскалироваться до революционной самостоятельно, в силу падения гибкости, окостеневания любого тоталитарного режима. Пронизанный коррупцией и nepотизмом, осуществляющий отрицательный естественный отбор, стареющий и раздражаемый внутренними противоречиями, диктаторский режим достаточно быстро превращается в колосса на глиняных ногах.

Власть за спиной власти

Возможно ли сформировать центры оппозиционной активности (потенциальные структуры революционной власти) за спиной авторитарной власти с учетом всех соображений, высказанных ранее?

В настоящий момент это представляется вполне реализуемой технологией, однако требует новых подходов и нового понимания формы и логики демократии вообще — о чем мы и рассуждали в нашей книге.

Технологии мы рассмотрим ниже, а пока разберемся с целями и задачами.

Органы оппозиционной активности — это не столько власть, сколько заявка на нее, моральные центры сопротивления режиму.

По сути своей это руководящие и координирующие органы протестного демократического движения, имеющие авторитет и легитимность прежде всего в

глазах активистов, то есть людей, которые в критической ситуации поведут за собой массы.

Главное требование к таким координационным органам гражданского протестного движения — легитимность. Выступая против недемократического и нелегитимного режима, гражданские активисты требуют демократических и легитимных органов координации протестной активности — и от этого нельзя отступить ни на сантиметр.

На фоне самоназначаемой диктатуры протестное движение должно демонстрировать понятные и положительные примеры избираемых органов координации и управления. Потому что самоназначенные лидеры протестного движения, представляющие какие-либо системные или несистемные оппозиционные группировки (обычно в столицах), изначально не имеют никакого основания кого-либо представлять и по сути своей ничем не более легитимны, чем власть, с которой они ведут борьбу.

Таким образом, самый важный шаг в подготовке смены режима на современном этапе — это создание условий для развертывания за спиной власти системы органов координации протестной и вообще оппозиционной, а также любой другой гражданской активности, которые в решающий момент должны будут стать теми самыми органами революционной власти, то есть формирование параллельной гражданской легитимности.

Естественно, начинать этот процесс надо «сверху», а не «снизу» — то есть вполне логично, что для начала был сформирован общенациональный орган координации протестной и оппозиционной активности — вышеупомянутый Координационный совет российской оппозиции.

Во-первых, на национальном уровне больше потенциальных участников процесса. Во-вторых, вопрос о власти так или иначе решается на высшем уровне, то есть оппонировать государственной власти и в итоге отобрать у нее рычаги управления государством может и должен именно альтернативный оппозиционный орган общегосударственного масштаба. В-третьих, удачное формирование общенационального протестного органа само по себе может стать отличным примером для активистов на местах, но не наоборот. В-четвертых, сформированный под гарантии уважаемых и заслуженных в прошлом оппозиционных лидеров общенациональный орган способен организовать и гарантировать потом честные выборы местных структур.

Это то, к чему мы все должны стремиться.

Технологические требования и решения

Теперь сформулируем некоторые технологические требования к формированию кратко описанных выше альтернативных оппозиционных и потенциально революционных органов власти.

1) Система формирования этих органов должна быть максимально изолирована от воздействия властей в организационном и технологическом смысле.

2) Система формирования этих органов должна быть демократична, прозрачна, понятна, легитимна, но при этом — безопасна для участников.

3) Участники всего этого процесса — и избиратели, и избираемые — должны оставаться на связи между собой и до, и во время, и после формирования органов. Вся система должна быть постоянно действующей — любая проблема должна немедленно обсуждаться и проголосовываться, а итоги голосования доводиться до всех.

Какие же решения возможны в данном случае?

1) Единственный способ изолировать формируемую протестную систему от власти — сделать ее полностью онлайн-овой. Это не дает гарантий полной неуязвимости, но технологически сорвать альтернативные выборы в оффлайне гораздо проще, чем в онлайн-е: в первом случае достаточно физически закрыть участки и изолировать активистов, во втором — придется ввязываться в кибервойны.

Здесь есть и определенный гуманитарный аспект: даже при полном поражении оппозиции в киберпространстве, реальный ущерб протестному движению будет меньше, если репрессии власти будут направлены на технологии, а не на живых людей. Каналы коммуникаций можно восстановить, а вот вернуть в строй напуганных и сломленных репрессиями людей гораздо сложнее.

Другое требование, вытекающее из сказанного выше — система должна быть многоканальной, в том смысле, что отключение того или иного ресурса (Twitter, Facebook, местных соцсетей) не должно блокировать всю систему, а только ее части. Участники должны иметь возможность продолжить активность другими способами.

Естественно, ситуация может дойти до тотального отключения доступа к интернету в национальном масштабе — но это уже кризисная ситуация для любой современной экономики, которая и сама по себе может спровоцировать революционный коллапс.

2) Выборы в интернете должны радикально отличаться от привычных актов анонимного голосования. Один участник выборов всегда должен иметь один голос. Следовательно, все участники процесса должны заранее пройти процесс верификации и валидации —

легкий, но достаточно надежный способ участия во всех видах оппозиционной активности.

Однако, верифицировавшись в системе, участник, при необходимости, должен сохранять свою анонимность перед лицом власти и карательных органов. То есть все должны быть уверены, что все участники — это живые, настоящие люди и какими бы никами и аватарами они не пользовались, в итоге это все равно конкретные люди, и скрывающийся за псевдонимом оппозиционный лидер в нужный момент назовет свое настоящее имя.

3) Множественность способов коммуникации внутри протестного сообщества — одна из важнейших задач, которые надо решать с учетом всего вышесказанного. В решающий момент все должны четко знать: кто лидеры, что они говорят, куда выходить и чего требовать, а также — по каким каналам получать дальнейшую информацию. Неизбежным является и требование постоянного поддержания коммуникации на всех уровнях. Даже в периоды затишья система должна жить — это возможно добиться интеграцией ее со всевозможными социальными сетями, форумами и имиджбордами. Любой желающий должен иметь возможность в любой момент подключиться к системе и пользоваться ее возможностями.

Существует и еще один пункт: вся эта активность должна быть освящена авторитетом лидеров общественного мнения. Все описанное выше возможно и реально — но только тогда, когда вся оппозиция работает в одном направлении.

Все эти вопросы или решаются или будут решены в самое ближайшее время — как мы многократно отмечали, развитие технологий — это наш главный союзник.

Пока же мы хотим призвать всех активных и неравнодушных людей не ждать приказов и команд, не спрашивать никого, что делать и чем заниматься —

главное, что надо делать обязательно — это самоорганизовываться. На всех уровнях, под политическими, социальными, экономическими, гуманитарными или какими угодно другими лозунгами. Чем больше ячеек гражданской активности возникнет — тем легче будет создать общенациональную сеть активности.

Самое сложное здесь — преодоление психологического барьера. Параллельная гражданская легитимность — красивые слова, но трудно смириться с тем, что выбранные органы и лидеры будут лишены реальных полномочий: трудно и для них самих, и для их избирателей. Мысль о том, что «процесс важнее результата» очень непросто «продать» широким массам активистов. И тем не менее — это так. Само умение быстро организовываться и принимать решения окажется палочкой-выручалочкой в ситуации системного слома, и сейчас это умение надо всеми возможными способами тренировать. Лучшей же тренировки, чем практика, представить себе невозможно.

Иерархию можно легко уничтожить, но постоянно развивающуюся сеть — невозможно.

Именно в этом мы видим залог будущей победы облачной демократии — и в России, и во всем мире.

Мы действительно верим, что все, описанное нами, возможно и реально.

Мы будем делать все, чтоб наши идеи воплотились и готовы приветствовать любые решения предлагаемых проблем. В этом вопросе нет смысла отстаивать право первородства, мы видим смысл только в одном — люди должны самоорганизоваться и победить! Только так можно вывести нашу страну из тупика и сделать ее свободной, справедливой и демократической в самом полном и самом современном смысле этого слова.

СТАТЬИ

Огромную роль в продвижении идей облачной демократии сыграла серия публикаций в разделе «Мнения» газеты «Ведомости», которую нам предложил сделать редактор этого раздела Максим Трудолюбов. Благодаря Максиму, мы получили возможность держать в курсе развития проекта Демократия2 весь круг читателей ведущей российской деловой газеты, и это дало нам не только очень много пользователей, но и бесценную обратную связь. Цикл этих публикаций, с учетом их важной роли для развития проекта, мы решили воспроизвести здесь в качестве приложения.

Демократия на новом уровне *«Ведомости», 19 сентября 2011 года*

Облачная демократия — это определение мы придумали, когда искали заголовок для своей книжки, презентованной в начале лета. Название оказалось удачным, и сама книжка, совершенно некоммерческий проект, оказалась востребована — ее активно читают и на сайте www.cdem.ru, а небольшой бумажный тираж разошелся как горячие пирожки.

О чем, собственно говоря, речь?

Во всем мире наступает эра облачных технологий. Они приходят в бизнес, в быт, и неизбежно придут они и в политику. Облачные — значит открытые и расплывчатые по миллионам и миллиардам пользовательских компьютеров и серверов, существующие везде и нигде. А значит, невозможен тотальный контроль за всем из одной точки, что особенно важно для нашей страны, где власть пытается контролировать общество.

Уже сейчас бизнес активно использует сервис электронной подписи, электронный документооборот и видеоконференции. Все это никому не кажется странным и неправильным. Бизнес охотно расстается с неэффективными традициями и ритуалами, и внедрение нового там происходит быстро — просто потому, что в отличие от государственного аппарата бизнес озабочен быстротой, качеством и удобством принятия решений.

Но как только мы обращаем свой взгляд на российскую политическую систему, мы обнаруживаем, что все ее институты крайне архаичны, а правящие элиты не желают даже задумываться о том, как сде-

лать ее более прозрачной и простой с использованием современных технологий. При всем при этом страны с гораздо более долгой и сложившейся системой демократии не стесняются внедрять у себя, к примеру, электронные системы голосования и прямо говорить о том, что придет час, когда любой человек сможет принимать участие в любых политических процедурах с использованием своего личного кабинета в глобальной сети.

Три принципа облачной демократии

Что такое в действительности облачная демократия? Как мы ее понимаем? Это три базовых принципа: раскрытие информации, делегирование голоса с возможностью его отзыва и живая обратная связь избирателей и их представителей. Это не что иное, как модель коллаборативного принятия решений для значительной группы людей, общающихся через интернет. Мы предполагаем, что эта группа людей может достигать численности целого государства и благодаря гибкости системы ее участники смогут взаимодействовать между собой и принимать решения демократичным образом. В то же время мы прекрасно понимаем, что экспериментировать с государством нам пока никто не позволит. Тем не менее в мире вокруг нас есть немало других групп людей, которым надо принимать решения путем голосования. Оглянитесь: ТСЖ, садовый и гаражный кооперативы, волонтерские, добровольческие, профессиональные организации, профсоюзы, общественные организации инвалидов, ветеранов локальных войн, клубы по интересам и т. д.

При этом вспомните, когда вы голосовали в последний раз. Заметьте, сейчас речь идет не о полити-

ческой жизни, а о принятии решений путем голосования в общественных организациях. На мой вопрос большинство, скорее всего, ответит: «никогда». Так вот, этот ответ вытекает из того, о чем мы пишем в нашей книжке: в отсутствие технологий, а область голосования является очень консервативной, производственные затраты и накладные расходы связанные с осуществлением демократических процедур, будь то Российская Федерация или обычное ТСЖ, очень велики. Именно поэтому даже устав ТСЖ, не говоря уж о Конституции РФ, вероятнее всего, не соблюдается: протоколы голосования рисуются, сами собрания проходят в заочной форме либо в очной, но без должного оформления, просто путем подсчета числа поднятых рук. В итоге демократия превращается в набор бессмысленных и унылых процедур, удел маргиналов и чиновников.

Между тем демократия — это интересно, голосование — это правильно, а принятие решений можно сделать эффективным, прозрачным и понятным современному человеку.

При этом переход к коллаборативному способу принятия решений логичнее было бы начать не с уровня Российской Федерации, а как раз с уровня ТСЖ. Описав облачную демократию в самых общих чертах, мы приступили к ее реализации в том практическом виде, в котором она возможна в современной России.

Социальная сеть для совместного действия

До сегодняшнего дня в России нет ни одной социальной сети с упором на побуждение к социальной активности, с заложенными в нее механизмами для групповой и личностной активности в этих сферах, так что

и эта ниша свободна. Но речь совсем не идет еще об одной социальной сети.

Платформа облачной демократии, которую мы сейчас проектируем, будет открытой системой, с которой сможет работать любая группа, заинтересованная в коллаборативном принятии решений. Таким образом, группа сможет получить в свое распоряжение готовые инструменты для обсуждения и формирования проектов решений, а также для голосования и подведения итогов. Бонусом станет возможность участвовать в различных группах в рамках одной системы, которая в итоге становится своеобразной «сетью сетей».

Технологически в самом проекте нет ничего сложного. По сути, создаваемую платформу можно назвать «универсальная обсуждалка-голосовалка» с элементами социальной сети. Мы верим, что в рамках этой «обсуждалки-голосовалки» у нас самозародится какая-то жизнь внутри системы — как минимум, появятся общности людей, которые поймут, что так удобнее и эффективнее принимать решения.

В современной России нет ни политики, ни аналитики, ничего, что заставляло бы думающего человека быть социально активным. Собственно, и обсуждать уже давно нечего — все и так понятно. Учитывая политизированность русского интернета, в результате реализации нашего проекта неизбежно получится параллельная Россия, где будет интереснее и перспективнее, чем в путинской РФ.

Когда людей в проекте станет много, востребованными окажутся механизмы делегирования, такие же, которые мы в нашей книге описывали для масштабов государства. В этот момент в нашей системе мы начнем потихоньку формировать новостные и информационные потоки и ставить на обсуждение всем

участникам более-менее глобальные вопросы вне зависимости от того, ради какой общности они пришли исходно.

Мы хотим создать площадку, где любые дискуссии возможны и где любому думающему человеку есть где развернуться. Если мы создадим живущую своей жизнью параллельную Россию, то она станет своеобразным убежищем, ну или хотя бы отдушиной для всех, кому тесно и душно в реальности. И мы убеждены, что в какой-то момент уровень обсуждений там станет выше, чем в реальности, — самые талантливые журналисты и аналитики России просто от скуки и безысходности бесплатно и по доброй воле будут писать гораздо более интересные статьи о жизни внутри проекта, потому что там будет жизнь в отличие от унылого и предсказуемого болота реальной российской политики.

Поэтому мы призываем рассматривать наш проект именно как создание параллельной общественной среды. Интернет — это зона свободы и гражданской активности. И если самая активная и перспективная часть российского общества отстранена от принятия властных решений — значит, надо готовиться к тому, что рано или поздно ей все равно придется брать на себя ответственность за страну. В этом и есть главная цель нашего проекта — увести в него самую активную и креативную часть русского общества, создать параллельную политическую реальность. Но не игровую и абстрактную, а очень тесно связанную с реальной жизнью. Любой виртуальный проект (в том числе и наш) — это возможность бегства от реального мира, но в отличие от игровых проектов мы не создаем оторванный от реальности мир, мы создаем мир, который потом и станет реальностью. И это очень понятная и моби-

лизирующая цель — сделать параллельную Россию интереснее реальной, чтобы именно там сгруппировались все те, кто думает о будущем, и в решающий момент выступили в реальном мире сплоченной силой с продуманной программой и авторитетными лидерами.

Проект вызвал интерес у многих, и мы надеемся уже этой осенью сделать часть наших идей реальностью. Во всяком случае, пока все идет по плану.

Демократия: бета-версия

Ведомости, 10 октября 2011 года

В политически активной части нашего общества царят пессимизм и апатия. И без того печальная ситуация с думскими выборами усугубилась неизбежностью предстоящей консервации режима личной власти одного человека на многие годы вперед. Сравнение Путина с Брежневым, недавно звучавшее лишь из уст маргиналов, становится общепринятым. Мы, очевидно, стоим на пороге новой эпохи застоя.

Отдушиной для думающих людей во время прошлого периода социального застоя в России были кухонные разговоры и самиздат. Разговоры на кухне, несомненно, были занятием более массовым, чем подпольная издательская деятельность: всю ночь сидеть на кухне и ругать советскую власть гораздо проще, чем перепечатывать и распространять крамольные тексты. Главная проблема брежневского застоя была в разрозненности недовольной властью аудитории. Люди могли говорить об одном и том же, сидя на соседних кухнях, но никогда не узнать друг о друге. Ни о какой координирующей сети, помимо сети личных знакомств, не могло быть и речи. Никакой

самоорганизации умеренно недовольных людей, позволившей бы консолидировать значительную социальную силу, в советское время не было, и потому режим был больше озабочен борьбой с единичными активистами, чем тотальным контролем за ворчанием на кухнях.

Вертикаль против вертикали

В новый застой Россия входит с интернетом, и это существенно отличает нынешнюю ситуацию от ситуации 30–40-летней давности. Сегодня информацию можно распространять быстро и этот процесс не поддается полному контролю со стороны властей. Кроме того, социальные сети и блогосфера позволяют частично решить вопрос координации. Не случайно именно блогосфера стала основной точкой кристаллизации протестных настроений (и вообще альтернативных мнений) в современном российском обществе.

Но, с другой стороны, она не стала основой для зарождения каких-то внятных альтернативных политических повесток дня. Есть отдельные очаги недовольства, есть резонансные темы, по которым даже иногда удается добиться от властей «более справедливого решения», есть лидеры... и ничего больше. Какая-то тема ненадолго консолидирует сетевое сообщество, но внимание быстро рассеивается. Мы видим, что власти внимательно следят за происходящим в блогосфере. Они реагируют на резонансные истории, такие как бесчеловечное обращение с пожилыми людьми в доме престарелых в поселке Ямм Псковской области или выставление гаишниками «живого щита» на МКАД. Не исключено, что тенденция со стороны властей обращать внимание на то, что беспокоит сетевую общественность, может измениться. Они ведь могут

себе позволить и не реагировать на «мелкие» раздражители.

Власть позиционирует себя как четко организованная иерархия, где расклад сил абсолютно ясен. Она предлагает гражданскому обществу мериться с собой силами по своим собственным критериям: вот постройте собственную вертикаль, сопоставимую с нашей, и мы признаем ваше право на существование. Не можете? Значит, вас просто нет и с вами не о чем разговаривать. С удивительным постоянством лидеры оппозиции наступают на эти грабли: они снова и снова соглашаются играть по навязанным правилам и пытаются победить вертикаль власти вертикалью оппозиции.

Горизонталь против вертикали

Между тем те инструменты коммуникаций, которые используются гражданским обществом, и не созданы для построения вертикалей! Ни в каких Facebook или ЖЖ выстроить вертикаль нельзя: они для этого просто не предназначены. Зато идеально подходят для горизонтальной, сетевой самоорганизации сколь угодно широких человеческих сообществ.

Для того чтобы самоорганизация стала эффективной в современных российских политических реалиях, надо только добавить к существующим механизмам социального интернета несколько важных опций.

Во-первых, надо отказаться от анонимности. Российская блогосфера традиционно полуанонимна; наличие в ней действительно авторитетных лидеров и точек зрения, по сути дела, недоказуемо, так как все участники процесса прячутся за никами и нет никакой технологии их удостоверения как реальных граждан.

Здесь обнаруживается обратная сторона анонимности: когда в одной системе сосуществуют живые люди и «боты», по степени достоверности первые приравниваются ко вторым. Нет реальных личностей — нет и возможностей определить, какие точки зрения действительно являются актуальными, какие общественные деятели востребованы.

Во-вторых, современный социальный интернет, даже в виде самых развитых и технологичных социальных сетей, не дает возможностей для понятного и честного выстраивания иерархий внутри групп единомышленников. В ныне существующих ресурсах такая группа попросту не имеет технической возможности выбрать себе лидера на понятных и неоспоримых условиях. С другой стороны, и потенциальные лидеры общественного мнения не могут подтвердить свое фактическое лидерство — для этого нет механизмов.

Демократия-2

Но дополнить традиционный функционал социальных сетей такими механизмами совсем не трудно. В понедельник, 17 октября, мы запускаем в тестовом режиме проект Демократия2 (www.democratia2.ru). Главная цель проекта именно самоорганизация людей на базе общих интересов с гарантированной возможностью высказывать любые мысли, объединять единомышленников по любому признаку, выбирать и быть избранными. Мы рассчитываем, что уже через короткое время после запуска проекта появятся яркие лидеры, которые предложат свои варианты решений тех проблем, которые действительно волнуют всех нас. И, что немаловажно, с помощью нашей системы смогут объединить вокруг себя большие группы сторонников.

Чтобы достичь этих амбициозных целей, запускаемый нами проект реализует все те идеи, которые были высказаны нами в нашей книге «Облачная демократия»: возможность частичного или полного делегирования своего голоса любому другому человеку, возможность формировать экспертное реноме за счет привлечения делегирования голосов, четкое соблюдение принципа «один человек — один голос», отказ от анонимности. Система «облачной демократии» сочетает в себе сильные стороны прямой и представительной демократии. Каждый пользователь системы имеет право непосредственно участвовать в любых обсуждениях и голосованиях либо делегировать свой голос по той или иной теме эксперту, которому он доверяет.

Мы убеждены: как только в проекте начнут участвовать сотни тысяч граждан — он станет реальной самоорганизующей силой общества. Почему мы уверены, что они туда придут? Потому что уже сейчас очень многие деятели гражданского общества России высказали готовность принять участие в проекте Демократия2.

Мы не считаем наш проект принципиально оппозиционным. Более того, участие в нем представителей власти, партии «Единая Россия», партий «системной оппозиции» — это то, на что мы хотели бы рассчитывать. Мы не сомневаемся, что внутри официальной политической элиты есть люди, которые готовы отстаивать свою точку зрения в равной и честной полемике. Таким образом, для самой власти участие в нашем проекте стало бы гораздо более эффективным способом выявить внутри себя талантливых и энергичных лидеров, чем неуклюжие «праймериз» с заранее известным результатом. Ну а если они не придут, мы, конечно, обойдемся без них. Но пусть потом не

удивляются, что за фасадом официального безмолвия сформируется альтернативная многоуровневая структура самоорганизованной гражданской власти.

Да, Россия стоит на пороге застоя

Но мы не должны сдаваться, мы должны готовиться к будущему. К тому будущему, в котором новые технологии будут играть ключевую роль и которое пусть и с опозданием, но обязательно наступит в нашей стране. Застой — самое время для создания фундамента для демократии будущего, для облачной демократии. А тем, кто не верит в возможность глобальных общественных перемен, которые начинает горстка энтузиастов, мы рекомендуем посмотреть на историю христианства: преследуемое и маргинальное учение через некоторое время стало господствующей идеологией.

Посредственная электронная демократия

Ведомости, 13 февраля 2012 года

В своей статье «Демократия и качество государства» Владимир Путин коснулся и темы прямой интернет-демократии. Так уж получилось, что мы в свое время выступили с небольшой брошюрой «Облачная демократия», целиком посвященной этой теме (www.cdem.ru), и даже попробовали создать работающую модель для электронной демократии (www.democratia2.ru). На первый взгляд то, что предлагает Путин, технически близко к концепции «Облачной демократии», но дьявол, как всегда, в деталях.

Главное достижение современности — это техническая возможность обеспечить каждому человеку участие в прямой демократии, причем на гораздо более комфортном и эффективном уровне, чем это было возможно в любое другое время. Опыт внедрения систем электронной демократии в ряде государств мира (очень разных и по численности населения, и по уровню экономического развития — от Сингапура до Бельгии, от Эстонии до Чили) показывает, что 3–4 лет было бы достаточно, чтобы обеспечить всех граждан России электронной подписью и создать надежно функционирующую государственную систему учета любых волеизъявлений граждан по любым вопросам.

Путин, однако, предлагает не системное, а частное решение: любая петиция, собравшая в интернете более 100 000 голосов, должна быть рассмотрена в Государственной думе. Почему эта частная идея не может быть первым шагом к построению в России полноценной электронной демократии? Во-первых, между прямым волеизъявлением граждан и его оформлением в качестве закона остается Дума. То есть фактически мнение сотен тысяч граждан может быть проигнорировано. Между тем ключевая идея всех концепций электронной демократии заключается в том, что при достигнутом сегодня технологическом уровне можно и нужно учитывать мнение граждан непосредственно и громоздкие институты представительной демократии — парламент, в частности, — становятся ненужными. Прогонять решение, сформированное методами прямой демократии, через фильтр демократии представительной — это нелепое смешение двух совершенно различных концепций.

Во-вторых, такая же непонятная двойственность прослеживается и во всем остальном: Путин готов

признать имеющим силу голос гражданина, поданный в поддержку какого-либо закона через интернет. Но он не предлагает автоматически регистрировать партии, собравшие сколько-то тысяч голосов в интернете, или допускать к участию в выборах кандидатов, собравших определенное количество подписей. Почему?

К сожалению, ответ очевиден. Именно Путин кровно заинтересован в сохранении существующей системы, в которой само государство каждый раз решает, признавать ли ему волеизъявление гражданина или не признавать; признавать, например, собранные подписи или нет. Между тем электронная демократия как раз позволяет избежать применения таких инструментов, как сбор подписей, и других подобных, возникших за годы борьбы с несовершенством технологий представительной демократии. Сейчас выборы можно свести к простейшей процедуре: сначала все желающие выдвигаются, а потом идет голосование по всем кандидатам из сформированного таким образом списка. Конечно, возможны и сценарии многоуровневого, рейтингового голосования: в течение всей президентской кампании граждане отмечают тех кандидатов, которые им нравятся, и к окончанию выборного периода из изначально очень длинного списка кандидатов формируется шорт-лист наиболее популярных, а в день выборов избирателям остается лишь окончательно определиться с приоритетами. (Примерно так фактически выглядит избирательная гонка в США, только в офлайне.)

Все это совсем не фантастика, все это легко осуществимо. Но только все это совершенно не востребовано российской властью. Прямое волеизъявление граждан сводит на нет всю систему самовоспроизводства, гарантированного сохранения власти.

Сейчас этот механизм работает без сбоев: ненужные партии и кандидаты просто не допускаются к выборам, подписи в поддержку невыгодных власти инициатив игнорируются или объявляются недостоверными.

Путин не случайно в своей статье ставит сбор подписей и другие механизмы интернет-демократии через запятую в одном ряду с такими бессмысленными имитационными институтами, как «общественные советы». Он и его окружение отлично чувствуют себя в ситуации, когда власть сама выбирает себе удобных оппонентов и сама решает, на какие из возникающих в интернете тем обращать внимание, а на какие нет. Дело об ужасах в одном конкретном доме престарелых немедленно вызывает показательную и жесткую реакцию властей, ничуть не менее резонансное дело Сергея Магнитского вызывает лишь не менее показательное молчание. Любая система объективного измерения общественного спроса на решение тех или иных проблем (а облачная демократия — это именно попытка объективно учесть количество людей, имеющих то или иное мнение по тому или иному вопросу) совершенно губительна и неприемлема для этой модели поведения властей.

Let's Go Party

Ведомости, 18 апреля 2012 года

Инициированная сверху многопартийность пока развивается по корявым лекалам 90-х: спешно создаются десятки и сотни партий, большинство из которых в той или иной степени являются изготовленными по заказу из Кремля фальшивками, весь смысл которых — стать «спой-

лерами» для настоящих, идеологических партий, которым еще только предстоит сформироваться.

Цель власти ясна: сделать так, чтоб на фоне десятков псевдопартий даже траченная молью «Единая Россия» смотрелась выигрышно, а каждая внятная оппозиционная партия тонула в бесконечных списках клонов. Создатели новых старых партий осознанно участвуют в предложенной игре. Схема прежняя: существует некий, как правило московский, лидер, способный обеспечить финансирование проекта. Под лидера (а точнее, под бюджет) собирается техническая региональная сетка, и далее следует процедура регистрации партии в Минюсте.

Проверить, является ли создаваемая партия настоящей или фейковой, очень просто. Согласно требованиям партийного законодательства в уставе каждой партии должен быть предусмотрен пункт о постоянной ротации руководящих органов. Это, конечно, противоречит идее создания партии под конкретного человека с бюджетом. Имярек создал партию, она живет на его деньги, так как же он может проиграть выборы партийного лидера? Читая про очередной партийный проект, спросите себя: какова вероятность того, что его лидер будет переизбран хотя бы в течение ближайших 3–5 лет? Так вы узнаете, что перед вами: партия или очередная псевдопартийная пустышка.

Главное отличие нынешней ситуации от ситуации 90-х гг. — это наличие технической возможности для честного создания партии снизу. Разговоры о необходимости честных, созданных снизу партий велись и раньше. Но создать что-то на чистом энтузиазме снизу было технически невозможно. Все существующие в России партии всегда были и остаются москвоцентричными вождистскими проектами.

Да, содержать партию и по новому закону все равно будет недешево: по-прежнему необходимо проводить региональные конференции и федеральные съезды, сдавать отчетность в Минюст и т. д. — все это стоит денег. Однако в силу того, что необходимая численность партий теперь стала существенно меньше, речь идет о вполне представимых суммах; суммы такого порядка в последнее время успешно собираются с помощью краудфандинга. А главное, применяя современные технологические решения, можно еще больше удешевить организационные расходы.

Например, в качестве технологической площадки для партийного строительства «снизу вверх» можно использовать систему «Демократия2» (www.democratia2.ru) — открытую платформу для проведения голосований, распределенной подготовки и выработки решений, реализующую принципы электронной демократии. Собственно, на сегодняшний день в ней зарегистрировано около 7000 пользователей — согласно новому закону из этого количества людей может получиться 14 партий!

Вперед! Проводить дискуссии и голосования — пожалуйста; выработать федеральную, региональную и местную повестку — пожалуйста. Ничто не препятствует тому, чтобы в электронном пространстве найти единомышленников в регионах, выявить среди них лидеров общественного мнения, договориться о повестке, выработать программу. Таким образом, к моменту подачи документов в Минюст у вас уже будет готовая партийная структура.

Создавая «Демократию2», мы не предвидели изменений партийного законодательства. Мы видели в ней некую возможность объединять людей вокруг идей вне прокрустова ложа системной партийной инфраструктуры. Но теперь у проекта возникает вполне практический смысл — как сборочный цех для будущих партий.

Собственно, мы и сами готовы этим заняться, показать всем пример такой работы — и для консолидации сторонников наших идей, и для создания практического кейса, которым могут воспользоваться все желающие. Итак, мы предлагаем всем желающим присоединиться к нам в создании с использованием платформы «Демократия2» политической партии на следующих основных принципах.

Во-первых, создать партию с нуля, с опорой на региональных лидеров, зарекомендовавших себя в практической работе и при этом эффективно использующих современные коммуникационные возможности.

Во-вторых, создать механизмы для ее самофинансирования, что позволит обходиться без федерального центра и последующей финансовой зависимости всей партии от него.

В-третьих, реализовать абсолютную внутрипартийную демократию, функционирующую по принципам электронной, облачной демократии.

Мы убеждены, что первая партия, которая сможет жить преимущественно за счет членских взносов, опираясь на регионы и на подлинную внутрипартийную демократию, в будущем станет крупнейшей политической силой в России. Пока ни одной такой партии у нас нет, и по большому счету это значит, что у нас нет ни одной настоящей партии.

Облачная демократия стала ближе

«Ведомости», 29 октября 2012

Прошедшие недавно выборы в Координационный совет оппозиции стали, помимо всего прочего, важнейшим экспериментом по отработке в боевых условиях

технологии и идеологии облачной демократии, о которой мы постоянно пишем и говорим.

Что такое облачная демократия в том смысле, в котором мы ее понимаем? Глобально — это система принятия решений по управлению страной на всех уровнях непосредственно гражданами через систему электронных голосований и механизмы обратной связи. Обратная связь достигается посредством возможности для избирателя в любой момент отозвать свой голос, учитываемый в системе электронного голосования, и передать его другому кандидату в случае несогласия с поведением своего уполномоченного; мы называем это принципом подвижности выбора. Два других основополагающих принципа облачной демократии — это матричное делегирование (т. е. возможность выбрать нескольких представителей — разных по разным вопросам) и «принудительная честность» (т. е. необходимость раскрывать все больше достоверной информации о себе по мере увеличения степени участия в политической жизни).

В ситуации с выборами в КС из всей описанной выше теории была — впервые в России — опробована на практике только часть схемы. Самая, пожалуй, пружина, но в каком-то смысле ключевая ее часть.

Когда мы опубликовали свою книгу, нам снова и снова говорили, что жители России, во-первых, не способны разобраться в электронном голосовании и, во-вторых, не готовы жертвовать своей анонимностью и подтверждать свою личность для того, чтобы проголосовать. Прошедшие выборы развеяли сомнения полностью. Почти 100 000 подтвердивших свою личность избирателей и 82 000 участников голосования — это очень представительный и солидный тест для систе-

мы, социологическое исследование таких масштабов, в каких ранее они никогда не проводились.

Характерно, что на фоне публичных заявлений некоторых представителей российской элиты о том, что они не смогли зарегистрироваться или проголосовать из-за сложности системы, тысячи тех самых обычных людей, от имени которых нас попрекали, вполне разобрались в ситуации. По свидетельству волонтеров, работавших в выборных комиссиях, на участки приходили и пожилые люди (достоверно известно об успешном голосовании избирательницы 1918 года рождения), которые оказывались информированными и о ходе голосования, и о его технологии. Косвенным доказательством нашей правоты относительно возможностей и способностей основной части населения России решать важные вопросы через интернет стало, как ни странно, и организованное голосование участников пирамиды МММ. Пока российские элиты убеждают сами себя, что «простые люди» не смогут разобраться в тонкостях интернет-технологий, десятки тысяч людей уже разобрались, только, к сожалению, их готовность вести деятельность в интернете используется мошенниками и аферистами.

Еще более очевидным можно считать другой тезис: организация интернет-голосования в масштабах России — не такое уж сложное дело, если эту проблему в короткие сроки и за небольшие деньги смогли решить частные лица. Весь проект по подготовке выборов занял 2,5 месяца, а совокупный его бюджет составил около 3,5 млн руб.

Вспомним, что только одни камеры на федеральных выборах 2012 г. стоили 15 млрд руб., или 150 руб. в расчете на одного зарегистрированного избирателя, или 300 руб. на проголосовавшего. Для более полно-

го сравнения: в бюджет Екатеринбурга на проведение муниципальных выборов в 2013 г. заложено 113 млн руб., или 110 руб. на одного избирателя, или 400-500 руб. на проголосовавшего. Бюджет выборов КС составил 20 руб. на одного зарегистрированного избирателя, или 40 руб. на проголосовавшего.

При этом вся инфраструктура создавалась с нуля (на федеральных и муниципальных выборах она есть!) и в условиях серьезного противодействия со стороны государства, что вынуждало закладывать дополнительные резервы и меры защиты.

Если еще учесть, что именно государство (через аффилированные с ним структуры) стало главным создателем помех для нормального голосования, то ситуация окончательно проясняется: если бы организацией защищенного, честного электронного голосования занималось государство, в хорошем смысле слова используя все имеющиеся у него ресурсы, то выборы через интернет могли бы стать реальностью в России уже сегодня. Другое дело, что прозрачное на всех уровнях волеизъявление граждан нынешнему государству не нужно — просто потому, что значительно сузится пространство для манипуляций.

Успешное проведение выборов доказало и другой тезис, о котором мы много говорили. В условиях авторитарного общества именно онлайн-деятельность остается единственной возможностью координировать усилия значительного числа людей по всей стране. Представить себе успешное проведение всероссийского голосования по выборам оппозиционного органа в офлайне трудно: слишком много было бы возможностей сорвать процесс элементарными административными мероприятиями.

Успех проекта по организации выборов несомненен, но до полноценной облачной демократии нам еще очень далеко. Фактически пока что реализован на практике только один из ее механизмов — «принудительная честность». Избирателям пришлось пройти через весьма строгие процедуры подтверждения личности, для того чтобы принцип «один человек — один голос» стал реальностью. Мы исходно выставили предельно жесткие требования к процедуре верификации, потому что мы понимаем политический и социологический смысл голосования даже небольшой группы реальных людей, а вот при голосовании людей вместе с ботами и виртуалами смысл был бы утрачен полностью. Избиратели, регистрируясь и подтверждая личность, совершали серьезный (и для многих из них непростой) гражданский поступок, но именно сумма этих поступков и определяет ценность итогового результата. То, что далось даром, — не ценится.

Благодаря отказу от анонимности мы узнали, что противопоставить гражданской активности власть может только немногочисленный и довольно убогий фан-клуб Мавроди (провокации против выборов шли с нескольких сторон, но относительно успешной оказалась лишь история с массовой регистрацией участников системы МММ, которые, солидарно голосуя, попытались исказить результаты волеизъявления граждан). Перенос политической борьбы на интернет-площадки дал именно тот эффект, который и ожидался: случайные люди и откровенные фрики в большинстве своем отсеялись, но при этом несколько интересных и немедийных персонажей смогли обойти более раскрученных политиков.

При этом было развевяно несколько популярных социологических мифов. Москва и регионы проголо-

совали одинаково: если бы КС был избран только по результатам голосования москвичей или только по результатам голосования «замкадья», его состав не отличался бы ни на одного человека! Более того, минимальна разница и в голосовании «онлайна» и «офлайна», несмотря на очевидные различия в возрастном составе избирателей этих двух категорий. Оказывается, в протестном движении нет столь серьезных противоречий, о которых принято было рассуждать, а, следовательно, легче будет решать задачу его консолидации.

Итак, протестирован один элемент облачной демократии в реальных условиях. Что дальше? Ответ очевиден: развивать успех. Следующий кандидат на тестирование — это принцип подвижности выбора, живой обратной связи кандидатов со своими избирателями. В самом деле, основным итогом выборов в КС на сегодняшний день является даже не столько избранный состав КС (ему еще предстоит доказать свою эффективность и работоспособность), сколько существующий массив верифицированных избирателей и созданная программная среда, которая позволяет оперативно и достоверно получать срезы их мнения. Через избирателей можно теперь без каких-либо дополнительных затрат «прогонять» все резонансные решения КС, обсуждать их на площадке «Демократия2», формировать и выдвигать альтернативные решения.

Исходя из этого, считаем важным продолжить работу по верификации избирателей, расширяя тем самым электоральную базу и легитимность избранного КС, проводить с использованием созданных механизмов выборы в региональные координационные советы (спрос на такие структуры существует как со сторо-

ны избирателей, так и со стороны региональных политиков) и, главное, регулярно получать от избирателей КС обратную связь.

Оказывается, облачная демократия — это вовсе не дело далекого будущего.

Blue skies, clear thinking: Russian democracy in the Cloud

Open Democracy, 16 ноября 2012

1. Самоорганизация в условиях авторитаризма

Мы хотим рассмотреть прошедшие недавно выборы Координационного совета Российской оппозиции с точки зрения их значения для настоящего и будущего России.

Реакция властей показала, что вся эта история затронула правящий режим гораздо сильнее, чем готовы признать его представители. В чем же причина такого беспокойства?

Прежде всего, выборы в КС оппозиции — это уникальный пример самоорганизации наиболее активной части гражданского общества России за спиной государства. При чем не благожелательного и демократического государства, а путинского режима, который с каждым днем все глубже проваливается в бездну безусловного и безвыходного авторитаризма.

Самоорганизация граждан — это предтеча, главная движущая сила и главная гарантия существования и развития демократии в любом обществе. Россия испытывает серьезные проблемы с демократическим развитием вовсе не из-за «рабского менталитета» или

чего-то подобного, как все еще думают многие люди на Западе. Проблема России в том, что почти всю ее историю верховная власть усиленно и довольно жестоко искореняла любые попытки самоорганизации общества.

Главной жертвой такой политики пало гражданское общество и местное самоуправление: необходимо констатировать, что и то и другое в сегодняшней

России растоптано центральной властью и низведено до уровня одной из ширм для авторитарного режима.

Ситуация складывалась так, что сегодня у российского общества вообще не осталось никаких оффлайн-площадок для дискуссий: общенациональные телеканалы полностью контролируются властью, тоже самое касается всех тиражных газет.

В условиях полного перекрытия всех возможностей для деятельности гражданского общества в оффлайне, отдушиной для России стал интернет.

Возможно, Россия это единственная страна в мире, где политический компонент играет такую роль в интернет-дневниках, социальных сетях и так далее. Очевидно, что граждане России хотят обсуждать ситуацию в своей стране, хотят перемен, хотят объединяться и влиять на власть.

2. Облачная демократия и кризис протестного движения

Наша теория «Облачной демократии» во многом и родилась из осознания того факта, что в оффлайне никаких возможностей для формирования гражданского общества в России нет. Более того, нет никаких возможностей для дискуссий по острым вопросам, для

нормального партийного строительства и вообще для любой формы самоорганизации.

Нам казалось, что мы нашли выход для гражданского общества — это был(и остается) наш проект Демократия2 — как площадка для самоорганизации гражданского общества с обязательной верификацией всех участников проекта, что решает ключевой вопрос любой дискуссии в интернете — ответственности участника дискуссии за свои слова и его идентификация как реального гражданина, а не виртуального персонажа.

Сам по себе проект Демократия2 не стал пока особо популярным, но среди оппозиционной настроенной части общества он все-таки нашел своих сторонников, как и высказанные нами концепции и технологические решения.

После серии спонтанных протестов зимы и весны 2012 года перед российской оппозицией особенно остро встали несколько вопросов.

Во-первых, потребовалась объективная ревизия лидеров протестного движения — традиционные вожди оппозиции, как оказалось, не пользовались доверием у широких слоев протестной общественности, а выдвинувшиеся на волне протестов лидеры новой волны не воспринимались политической элитой в этом качестве. При этом, никаких механизмов для выхода из этой ситуации у оппозиции не было.

Во-вторых, остро встал вопрос самоидентификации оппозиции, определения тех общих требований и ценностей, опираясь на которые оппозиционное движение могло бы существовать дальше.

В-третьих, надо было выработать формат практического и непосредственного взаимодействия различных сегментов оппозиции. После завершения зимне-

весеннего этапа митинговой активности, протестное движение оказалось на пороге кризиса: стало очевидным, что митинги не решают стоящих проблем, а каких-либо механизмов выработки общей для всех стратегии дальнейших действий не существовало. Протестное движение рисковало захлебнуться в бесконечных заседаниях никем не избранных комитетов и круглых столов.

Именно в процессе дискуссии по этим вопросам и родилась идея провести выборы Координационного совета оппозиции.

Но учитывая обозначенные выше проблемы с самоорганизацией в оффлайне и развитие интернет-коммуникации в среде оппозиционной настроенной общественности, ко двору пришлось некоторые элементы, описанные нами в книге «Облачная демократия» и реализованные в проекте Демократия2

3. Организационные итоги выборов КС

Выборы в Координационный совет оппозиции прошли и прошли достаточно успешно, особенно на фоне активных попыток власти помешать их проведению всеми способами — от внедрения провокаторов в число кандидатов до попыток заблокировать сайт Центрального выборного комитета и возбудить уголовные дела против организаторов выборов.

Попробуем подвести организационные и идеологические итоги выборов Координационного совета.

В организационном смысле, главным итогом выборов в КС стало само их успешное завершение. Вопреки постоянно звучащим обвинениям в неспособности что-либо сделать, получено реальное доказательство того, что российская оппозиция способна строить

сложные организационные структуры, реализующие большие проекты в течение длительного времени.

Важно отметить, что впервые в современной политической истории России речь идет об общенациональном организованном процессе, возглавляемом прозрачной и эффективно работающей структурой.

Сам по себе факт регистрации и верификации на сайте ЦВК десятков тысяч людей со всей страны — это уже выход на новый уровень самоорганизации общества и этот факт уже многократно отмечен и проанализирован.

Гораздо меньше известны детали функционирования ЦВК. Между тем, сам по себе Центральный выборный комитет был довольно сложной структурой: суммарно в его работе приняли участие более 300 человек.

Вся его структура была сформирована и развернута в кратчайшее время, но при этом оказалась способной вести свою деятельность во вполне сформированном правовом пространстве и решать сложные организационно-политические вопросы даже в условиях недостатка или даже отсутствия каких-либо прецедентов или писанных правил.

В результате, получился устойчивый аппарат, в котором центростремительные силы во всех критических ситуациях оказались сильнее центробежных. ЦВК показал образцово-показательный пример в плане открытости, прозрачности и эффективности работы такого рода органов. При этом стоит отметить, что исходно ЦВК был сформирован из людей, представляющих разные идеологические направления, что в России всегда кончалось скандалами и взаимными обвинениями. Всегда, но не в этот раз — что уже колоссальный прорыв.

Таким образом, можно с уверенностью заявить, что, если оппозиция смогла в короткие сроки и практически с нуля создать эффективно проработавший три месяца аппарат из 300 человек, то, очевидно, что в других условиях российская оппозиция способна создать и общенациональный работающий аппарат с многоуровневой структурой — и он будет гораздо эффективнее все более непоротливой вертикали путинской власти.

Еще один важный организационный момент: пожалуй, впервые в мировой истории выборов, сразу по их завершению был опубликован огромный массив сырых исходных данных, доступных для всевозможного анализа: от изучения закономерности электорального поведения избирателей до проверки корректности проведения выборов и подсчета голосов. В итоге, все попытки объявить выборы нечестными и недостоверными так и остались на уровне бездоказательных измышлений. Все, кто имели желание разобраться в ситуации, получили все доказательства прозрачности и честности прошедшего голосования.

4. Деньги российской оппозиции

Не менее интересны и финансовые итоги выборов Координационного Совета.

Финансы — это самая уязвимая часть любого оппозиционного проекта в России. Идей и проектов всегда много, но без достаточного финансирования даже самый перспективный проект обречен на неизвестность. Сошлемся здесь на собственный опыт: наш проект Демократия² не смог выйти на запланированный уровень только из-за отсутствия финансирования.

Самая эффективная мера по подавлению оппозиционной деятельности в путинской России — это отсечение оппозиции от потенциальных спонсоров. Получить крупную сумму денег из одного источника — невыполнимая задача. Более того, никогда нельзя строить какой-либо оппозиционный проект в расчете на постоянные поступления от одного или нескольких крупных спонсоров. Как только власть узнает о появлении у оппозиции более-менее заметного источника финансирования, она немедленно предпринимает все меры по его перекрытию. К сожалению, сделать это в условиях России довольно просто и во всех случаях спонсоры оппозиционных проектов были вынуждены полностью свернуть или значительно уменьшить финансирование оппозиционных проектов.

В этом же ключе следует рассматривать борьбу путинского режима с иностранными некоммерческими организациями. Создана ситуация, при которой никакое легальное и прямое финансирование проектов внутри России из-за рубежа фактически невозможно, более того — опасно.

История с выборами КС показала, что в этой глухой стене можно пробить брешь и собрать деньги на общенациональный оппозиционный проект.

Оказалось, что сами участники процесса готовы и могут финансировать подобные проекты и помешать людям крайне сложно. Технологии сбора пожертвований на оппозиционные проекты активно развивается, но именно выборы КС можно считать подлинным прорывом и выходом на новые рубежи.

Другой интересный аспект — эффективность и прозрачность всех затрат.

В общей сложности ЦВК потратил около 20 рублей на каждого из 120 000 зарегистрировавшихся избира-

телей и около 45 рублей на каждого проголосовавшего, что является беспрецедентно хорошим результатом для любых выборов в России.

За короткий срок были созданы программно-технические решения, которые существенно превосходят решения, имеющиеся в распоряжении у Центризбиркома.

И все это — за собранные в открытом режиме деньги, с полным и подробным отчетом! В России, где финансовые вопросы всегда считались темным и запутанным делом, все это даже не прорыв, а подлинное чудо.

Думаем, что многим было интересно сравнить сметы многочисленных международных программ по развитию гражданского общества, которые многие годы реализовывались в России, и смету выборов в КС — сравнить и в смысле размеров сумм, и по полученному эффекту.

5. Политические итоги

В политическом плане выборы показали, что основной силой российской оппозиции являются умеренные либералы.

В то же время стало очевидно, что и две другие основные политические силы, участвовавшие в организации выборов — левые и националисты — также имеют своего избирателя и игнорировать их, как это делалось в 90-е годы, нельзя.

Анализ результатов выборов показал, что в том случае, если бы выборы проходили по партийным спискам, то левые и националисты набрали бы примерно по 20% голосов, а разного рода либеральные и гражданские партии, а также иные идеологические

течения суммарно набрали бы около 60%. Таким образом, этот расклад привел бы примерно к такой же композиции мест в КС, какая получилась при действовавшей избирательной системе. Это следует считать удачным совпадением и счастливой догадкой, поскольку, если бы реальное соотношение сил было бы существенно иным, то соотношение, к которому мы пришли при данной избирательной системе, воспринималось бы как несправедливое. Скорее всего, это очень сильно повредило бы восприятию результатов выборов и работе КС.

Попробуем подвести общие политические итоги выборов.

Во-первых, Россия в лице наиболее образованных и современных своих граждан, готова к «облачной демократии». Все стадии выборов — от выдвижения кандидатов до голосования проходили онлайн и не вызвали особых вопросов у тех, кто искренне хотел разобратся и участвовать.

Во-вторых, расходы ЦВК на организацию мероприятия во всероссийском масштабе оказались несопоставимы с затратами на организацию аналогичной процедуры в оффлайн, что открывает новые горизонты для развития этой технологии — и для нужд гражданского общества, и как модели для будущей общегосударственной системы принятия решений на всех уровнях.

В-третьих, произошло некоторое прояснение ситуации с идеологией оппозиционных сил России. Например, оказался несостоятельным миф о том, что любые свободные выборы окажутся триумфом радикальных левых и националистов.

Остановимся на этом пункте поподробнее.

В ходе прошедших выборов все участвовавшие в них политические силы проделали немалую работу доказывая, что именно они и представляют большинство участников протеста.

На обычных выборах публикация заказных социологических опросов, показывающих лидерство определенного кандидата или партии, является типичным инструментом электоральной борьбы.

Проблема заключается в другом: занимаясь пропагандой, нельзя не стать жертвой собственной пропаганды. Так, например, в значительной степени жертвами собственной пропаганды стали «левые», которые очень много говорили о том, что в последнее время протест «полевел». В итоге они двинулись основными силами по общегражданскому списку и потерпели довольно чувствительное поражение. Теперь «левые» много пишут о том, что они не имеют в КС должного политического представительства. Вероятно, так оно и есть, но это стало следствием их неудачной политической стратегии.

Националисты также говорили ли о том, что нынешнему протесту присущ ярко выраженный националистический окрас, но при этом ключевые фигуры националистического движения пошли по списку куриий и были избраны в состав КС.

Голосование показало, что большая часть активистов оппозиционного движения в той или иной степени поддерживает демократию и считает европейский путь единственно верным для России.

Так, с левого фланга в совет прошли умеренные, демократически и проевропейски настроенные социалисты, а с националистического — национал-демократы, также признающие курс на демократизацию и партнерство со странами Запада как единственно воз-

можный для России. Таким образом, можно уверенно сказать: угрозы красно-коричневого реванша в России нет.

В целом выборы в КС показали, что большинство избирателей голосуют за либеральные идеи, что является хорошим ответом для тех, кто предрекает неизбежный «красный», «коричневый» или «красно-коричневый» сценарий в случае утраты Путиным власти. Очень важно, что этот ответ прозвучал и был подтвержден электоральной статистикой. На наш взгляд, это также можно считать одним из ключевых политических итогов выборов в КС.

Другим общим пунктом, который объединил большинство прошедших в КС депутатов (и который присутствовал в большинстве программ кандидатов) — это курс на трансформацию политической системы в России в сторону парламентской республики, что уже само по себе можно считать одним из важнейших пунктов политической программы российской оппозиции. Вообще, необходимо обратить внимание на невероятный перелом, который упорно не желают замечать многие сторонние наблюдатели: к концу путинского правления и националисты, и левые согласились с необходимостью демократии в России. Собственно, именно согласи в этом пункте и сделало возможными выборы в Координационный Совет.

Ну и последний момент, который хотелось бы выделить. Анализируя итоги голосования, мы увидели отсутствие принципиальной разницы в голосовании между регионами и Москвой, а также между выбором разных слоев, в том числе, возрастных групп избирателей. Впрочем, вполне возможно, что эти оценки изменятся при следующих выборах, которые, стоит надеется, пройдут на существенно более широкой

электоральной базе. Но мы считаем, что это еще один признак внутренней консолидации оппозиционной части гражданского общества — от Москвы до самых до окраин.

Мы понимаем, что прошедшими выборами мы зацепили лишь наиболее политически активную часть общества. Теперь во многом от дальнейших действий КС будет зависеть, столько избирателей нам удастся привлечь на следующих выборах. В том случае, если в следующий раз количество избирателей будет на порядок больше, то, скорее всего, мы увидим крайне неожиданные и весьма интересные результаты выборов, которые нельзя будет спрогнозировать заранее.

6. Что дальше?

Заглядывая в будущее, хочется сказать еще несколько слов.

Очевидно, что процесс самоорганизации и структурирования российской оппозиции не остановить и выборы второго состава КС будут еще интереснее и еще представительнее.

На следующем этапе можно будет говорить и формировании более мощного, эффективного и представительного органа, который по уровню своей легитимности и организованности уже сможет конкурировать со стремительно теряющими авторитет структурами государственной власти.

Сейчас уже понятно, что надо улучшить в механизме этих выборов.

Во-первых, нам нужна система типа «связанных списков», которая наиболее популярна в европейской парламентской практике. В этой системе избиратель

выбирает не только один из партийных списков, но и предпочитаемых в нем кандидатов.

Вы-вторых, надо подумать и над системой региональных одномандатных округов, нарезанных в соответствии с активностью регионов в прошедшем голосовании.

Тот факт, что в будущем нам придется менять систему выборов, вовсе не означает, что нынешняя система была плоха. Она была максимально простой, что было очень важно для обеспечения успеха первого голосования. Кроме того, у нас не было базы для определения справедливого представительства в регионах. Сейчас эта база появилась, и в будущем мы можем совершенствовать нашу избирательную систему. В этом смысле мы солидарны с предложениями тех политиков, которые предлагают не откладывать на долгий срок следующие выборы в КС.

Мы считаем выборы в КС оппозиции первым шагом на долгом пути к построению в России демократического, свободного и ориентированного на сотрудничество с демократическими государствами Европы и Америки федеративного государства с высоким уровнем участия граждан в управлении страной.

Идеи облачной демократии прошли апробацию на достаточно большой выборке, чтоб их можно было признать состоявшимися и перспективными. Да, сами по себе идеи электронного голосования и постоянной связи избирателей с политической элитой не новы, но в России они впервые реализованы на практике именно в ходе подготовки и проведения выборов в КС оппозиции.

Мы полагаем, что развитие проекта Демократия2 и работа КС оппозиции очень скоро выведут гражданское общество в России на новые рубежи самоорганизации и рано или поздно оно окажется достаточно сильным, чтоб победить насаждаемую сверху диктатуру.

Колонка в издании «Hospodářské noviny»

10. 12. 2012

Главная проблема любого оппозиционного движения в России — это огромные масштабы страны и разобщенность людей. Все европейские наработки в смысле создания оппозиционных движений и любой другой гражданской активности в России не работают или работают плохо именно поэтому.

Расстояния и разбросанные по стране крупные агломерации оборачиваются огромными транспортными издержками. Любая попытка собрать людей со всей страны даже просто для совещания оборачивается огромными суммами и сложной логистикой.

Надо отдавать себе полный отчет в том, что власть в России отлично понимает всю опасность для себя со стороны организованного и самоосознавшего себя гражданского общества, и поэтому колоссальные ресурсы тратятся именно на создание всевозможных — юридических, организационных и финансовых — препятствий для гражданской активности.

Кроме того, неструктурированность гражданского общества создает чрезвычайно питательную среду для провокаторов, авантюристов и самозванцев всех мастей. Москва полна лидерами всевозможных партий, организаций и движений, о которых никто никогда ничего не слышал ни в одном другом городе России. Но все эти люди требовали и требуют признания себя важными и участниками политического процесса. Отсюда бесконечные склоки скандалы, старательно раздуваемые властью и ее креатурами.

Именно в таком виде Россия подошла к прошлогодним выборам Государственной Думы — без структурированного гражданского общества, без единой

реальной оппозиционной партии в списках для голосования, без лидеров протестного движения, которых бы такими готовы были признать власти и оппозиция. Да и никакого оппозиционного движения по сути и не было — все, на что была способна существовавшая тогда политическая оппозиция — это выходить числом несколько десятков человек по 31 числам каждого месяца на Триумфальную площадь. Большим успехом считался митинг с участием нескольких сот человек.

Но новая Россия уже вызревает в глубинах нынешней и первая ее схватка с суровой реальностью была как раз год назад, на выборах и сразу после них.

Питательной средой для перегруппировки сил стал интернет, который решает все обозначенные в начале проблемы российского оппозиционного движения: он охватывает всю страну, он позволяет всем связываться со всеми, он позволяет координировать действия и планировать их без оглядки на структуры власти.

Именно благодаря интернету взошла звезда Алексея Навального, который один смог предложить всем недовольным путинской властью россиянам единственно возможную в тех условия стратегию — голосования за любую другую партию, кроме «Единой России». Эта идея оказалась настолько востребованной, что вышла за границы интернета и сломала все планы Путина на беспроblemное получение большинства в новом парламенте — и ему не помогли ни масштабные фальсификации, ни манипуляции, ничего.

Все, что происходит в России весь год после выборов — это истеричная реакция власти на понесенное поражение.

* * *

Летом 2011 года мы выступили с небольшой книжкой «Облачная демократия», в которой описали теоретическую модель принятия решений большими группами людей, вооруженных новыми информационными технологиями, и сочетающую в себе лучшие стороны прямой и представительной демократии. «Облачная демократия» — это сочетания трех основных идей: права избирателя в любой момент делегировать свой голос тому или иному представителю и отзывать его; права избирателя «дробить» свой голос, назначая разных представителей по разным вопросам; требования все большего раскрытия информации о политике по мере увеличения количества собираемых им голосов. В январе 2012 года была запущена платформа Демократия2 — программная среда, в которой все технологии «облачной демократии» впервые были апробированы на практике.

Оказалось, что именно в протестной России 2011/12 годов ростки электронной демократии нашли крайне благодатную для себя почву. В условиях крепчайшего авторитаризма и извращения всех офлайн-демократических процедур, интернет и сетевые технологии оказались реальной и вполне реализуемой альтернативой для такой страны как Россия.

В октябре 2012 года на платформе Демократия2 прошли первые в истории России альтернативные гражданские выборы, с помощью которых был сформирован Координационный совет российской оппозиции. Это были электронные, технологически защищенные выборы, организованные на принципах максимальной прозрачности, краудфандинга, технологичности. Впервые в современной политической истории самые разные оппозиционные силы России не только договорились об общих действиях, но и од-

нозначно выбрали демократический путь реформ — и для гражданского общества, и для России.

И это правильно: пусть власть бесконечно переназначает себя на бутафорских выборах, но гражданское общество должно готовиться к решающей схватке и за спиной власти, не спрашивая ее, договариваться, структурироваться и объединяться — на понятных, прозрачных и цивилизованных основаниях.

Никогда еще демократия не была главной объединяющей идеей для всей разномастной российской оппозиции. Видя по разному будущее своей страны, все эти силы — от экологов до либералов, от националистов до социалистов — видят его демократическим, и это колоссальный шаг вперед.

И это больше всего напугало власть.

Притягательность понятных и простых демократических процедур очевидна, задушить стихийное и многоуровневое объединение граждан невозможно. Выборы в КС доказали, что люди готовы проходить непростые процедуры регистрации и подтверждения личности, тратить время и деньги для того, чтобы участвовать в таких процедурах.

Людям в России нужна демократия.

Люди в России готовы к демократии — причем к передовой демократии, все процедуры которой максимально прозрачны, доступны и проходят в интернете.

Впереди большой путь и мы не знаем, сколько лет до русской бархатной революции и падения путинского режима — но мы делаем все, чтоб смена режима в России была именно «бархатной», ненасильственной и демократической.

Об авторах

Леонид Волков

Депутат Екатеринбургской городской Думы.

ИТ-инвестор и консультант, общественный деятель, блогер.

Выпускник математико-механического факультета Уральского государственного университета им А. М. Горького, кандидат физико-математических наук.

Родился 10 ноября 1980 года, живет и работает в Екатеринбурге.

Блог leonwolf.livejournal.com

Сайт leonidvolkov.ru

Twitter [leonidvolkov](https://twitter.com/leonidvolkov)

Facebook goo.gl/rBPwy

Фёдор Крашенинников

Президент Института развития и модернизации общественных связей.

Общественный деятель, политолог, писатель, публицист и блогер.

Выпускник философского факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Родился 16 июля 1976 года, живет и работает в Екатеринбурге.

Блог fyodorrrrr.livejournal.com

Сайт fyodor.su

Twitter [fyodorrrrr](https://twitter.com/fyodorrrrr)

Facebook facebook.com/fyodor.krasheninnikov

ВКонтакте vk.com/fyodorrrrr

Linkedin [Fyodor Krasheninnikov](https://linkedin.com/company/fyodor-krasheninnikov)

Google+ [antonvalek](https://plus.google.com/antonvalek)

Instagram [fyodorrrrr](https://instagram.com/fyodorrrrr)

Облачная демократия

Леонид Волков, Федор Крашенинников

Предисловие *А. Навальный*

Редакторы *М. Скобелева, М. Лихоманова*

«Кабинетный учёный»

620014, г. Екатеринбург, п/я 489

armchair-scientist.ru

fee1913@gmail.com

Тел. в Екатеринбурге: +7 (904) 5461725

Тел. в Москве: +7 (916) 2248119

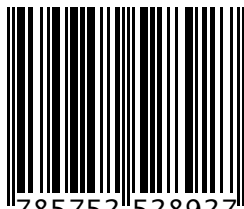
Подписано в печать 01.04.2013. Формат 70 x 100 1/32.

Усл. п. л. 9,07. Бумага офсетная.

Гарнитура PT Serif.

Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ

ISBN 978-5-75252-892-7

9 785752 528927